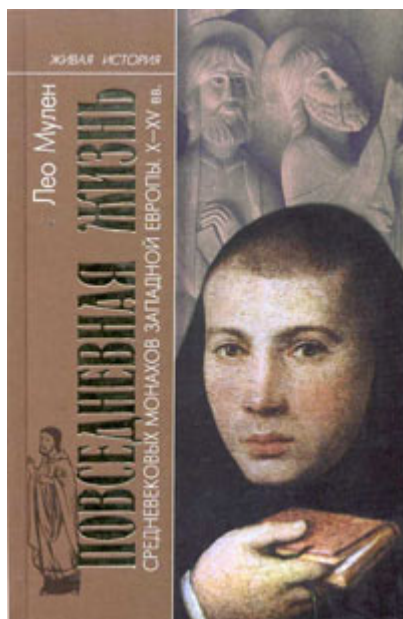


Лео Мулен

Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы (X-XV вв.)



Аннотация

Мир монахов на протяжении столетий вдохновлял и формировал цивилизацию европейского Средневековья. Что же известно нашим современникам о повседневной жизни монашества, о том, как они молились, как готовились к смерти, что читали, чем питались, как спали?

Лео Мулен – признанный специалист в области истории и социологии религии. Он изучил множество самых различных источников: хроник и сборников обычаев, посланий основателей орденов и житий святых, а также научных трудов, посвященных этой проблематике. Автор убедительно и живо показывает, как, уповая на Промысел Божий, жили в эпоху Средневековья эти люди огня, железа и веры.

Лео Мулен

Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы (X-XV вв.)

Введение

Начиная работать над книгой о повседневной жизни монашества в Средние века, я поделился своими замыслами с одним из моих друзей-картезианцев. «Я вижу, что вы решительно ничего не боитесь... – ответил мне картезианец. – Жизнь монахов X–XV века – такая тема, за которую я бы точно не взялся. Книги из нее не получатся, во всяком случае, выйдет не больше страницы». И все письмо в том же духе. Я почувствовал некоторую растерянность. Тем более что он был прав. С его точки зрения, если бы я написал только два слова: «Монахи молились», – я бы уже сказал о них самое главное. Все остальное – просто «управление делами» и красочные подробности. Однако мой издатель смотрел на это иначе, я же пребывал в нерешительности.

Другим «стимулом» к написанию этой книги, более польстившим мне, явилось следующее признание: «Я восхищаюсь вашей дерзостью взяться за столь сложный труд». Достаточно прозрачно смягченное сомнение было адресовано мне братом-доминиканцем. Это

заставляло задуматься. И я задумался.

Присутствуя на коллоквиуме в Реймсе, посвященном тысячелетию аббатства Сен-Тьерри, я имел удовольствие встретить там отца Дюбуа, бенедиктинца из Парижа, и отца Леклерка из Клерво, двух столпов современной науки, занимающейся историей средневекового монашества. Оба они принадлежат к тем людям, которые способны изумить вас своей эрудицией, живостью ума, критической проницательностью.

Читая их произведения, чувствуешь свою полную неспособность совершить что-либо новое в этой обширной, но целиком принадлежащей им области. Тем не менее, я спросил у них, что они думают о моих планах, и они оба настоятельно посоветовали мне взяться за такой труд. По их мнению, я, как профессиональный социолог, и к тому же агностик по своим убеждениям, рассматривая жизнь монашества с иной точки зрения, мог бы провести весьма плодотворное исследование. Это замечание отцов-ученых, естественно, очень приободрило меня.

Впрочем, не исключено, что они, как никто иной, зная неисчерпаемость темы, за которую я берусь (потому-то сами они и не собирались приниматься за такое дело), решили: пусть лучше какой-нибудь самоуверенный человек, к тому же немолодой, так что его никак нельзя будет извинить ошибками юного возраста, бросается в эти глубокие воды, едва умея плавать. Однако я продолжал свою работу.

А она ставила передо мной все новые проблемы. Бесспорно, что повседневная жизнь монахов обретает свое истинное значение лишь в молитве и богослужении. На протяжении дня она организована и упорядочена только в единстве с этими конкретными действиями, из служб и молитв вытекает и все остальное. Но я – агностик и поэтому не сумею говорить о таких лично мне непонятных вещах, как молитва и церковная служба. Я не раз присутствовал на богослужении в различных монастырях, но его глубинный смысл, последовательность и одухотворяющее воздействие ускользают от меня отчасти или полностью. Мне нравится эстетическая сторона службы, например, глубоко трогает григорианское пение, но точно так же, как музыка Баха, Моцарта или Дюка Эллингтона. И что об этом говорить?

К тому же мир монашества, обширный, разнообразный и сложный, не ограничивается одними монахами. Это и уставные каноники и еремиты; затворники и нищенствующие монахи; госпитальеры – монахи-воины по своему призванию; члены активных или покаянных братств на периферии крупных орденов, а иногда и на периферии Церкви, на грани ереси. Сюда же относятся специальные учреждения, лепрозории и странноприимные дома, созданные при монастырях и пронизанные монастырским духом.

Чтобы помочь читателю разобраться в мире монашества, столь близком нам, и в то же время столь далеко от нашего, в конце книги помещен словарь с кратким определением каждой из этих форм монашеской жизни. Ведь в этом труде рассматривается, по меньшей мере, сотня монашеских групп и движений, которые в течение долгих веков вели активную деятельность на обширной территории – от Шотландии до Сирии, от севера Норвегии до юга Испании, от Ирландии до Прибалтики. Одним словом, по всей Европе, а это немало.

Следует напомнить, что о каждом из этих орденов, о каждой из конгрегации, разновидностей инакомыслия, реформ, о каждой отдельной черте их жизни и истории, – будь то монашеская одежда, аскеза или представление о духовности, пища, литургия или управление монастырем, tonsura, кровопускание, монашеское призвание, новициат, – за прошедшие века были написаны пространные, подробные научные труды, к которым, в свою очередь, сочинялись всевозможные комментарии, так что каждой из книг (и десяткам последующих) посвящены соответствующие изыскания, из которых можно составить богатую библиотеку.

В связи с этим неизбежно возникает вопрос о библиографии. Мы попытались свести ее к минимуму: некоторые книги, опирающиеся на обширную библиографию и потому способные направить любознательного читателя к источникам, необходимым для углубления знаний о том или ином аспекте жизни средневекового монашества; сборники обычаев на латинском языке, живописная «История монашеских и военных орденов» Р. П. Элио; научные труды таких авторов, как Дюби или Кноулс, которые заставили меня поразмыслить о многом. К этому перечню я добавил и свои работы, которые больше касаются политико-конституционной истории орденов, основываясь на «Живом мире монашества», книге, опубликованной в 1942 году (интерес к этой теме у меня возник давно). От ссылок я отказался. Чтобы сделать их как

следует к столь обширному и богатому фактами материалу, пришлось бы пожертвовать половиной объема книги. Поэтому я предпочел изобразить повседневную жизнь в более сжатом виде, рассчитывая на доверие читателей.

Но что же такое повседневная жизнь? Ежедневные действия, повторяемые в хронологическом порядке, лишённые всякой новизны, оригинальности и воображения? Или под «повседневностью» следует понимать возвратные ритмы, которые вписываются в определенное время человека? Какое из многочисленных значений слова «жизнь» лучше подходит нашему замыслу? Подходит именно жизни монашества, жизни, отличной от моей, протекающей в иной форме свободы, нежели моя, в другом ритме и других структурах. Как говорить об этой жизни, не живя ею? Не рискуя при этом неосознанно ограничить ее рамками известного либо же, наоборот, увлечься необычным и диковинным? Я бы очень огорчился, если бы по моей вине повседневная жизнь монашества свелась к цепочке мелких фактов, представляющих лишь экзотический интерес и ничего более. Прежде всего, потому, что, посещая монахов, я сумел понять серьезность их жизненного выбора, глубину их веры, их привязанность к делам собственной повседневной жизни. Многие из них стали моими друзьями. Изменить исторической правде в изображении их предшественников, «монахов Св. Бернардена», означало бы для меня проявить недостаток дружеских чувств и уважения. И еще потому, что их намерения не столь уж необычны: во многих отношениях они отвечают ностальгическим порывам большинства наших современников. Действия, возвышающие и освящающие эти намерения и помогающие осуществить их, служат отражением своего рода аскезы, иными словами, усилий, кои обязан прилагать человек, чем бы он ни занимался, будь то искусство, спорт, бизнес или наука, если он желает хотя бы преуспеть, если не достичь совершенства. Весьма примечательно, что первое значение слова «аскет» – это «тот, кто упражняется в профессии». И, по-моему, уклад и цель жизни монашества сегодня приобретают новое значение в нашем обществе с его хаосом, насилием и тревогами, впрочем, таковым было и общество XI века.

Мне бы хотелось, чтобы именно с этой точки зрения воспринимались страницы моего труда, посвященные, к примеру, одежде и пище. Читателю стоит попытаться понять, как много значили для людей эти, на первый взгляд, ничтожные вопросы. Тем более что наше общество с его ежедневной заботой о моде не должно быть расположено к осуждению других.

Многие наши современники, лишаящие себя пищи ради спасения эфемерной «молодости», вероятно, могли бы понять, что другие делали то же самое ради служения Богу, из любви к Богу. Нашему обществу, в котором командос, хиппи, спортсмены, «неформалы» дорожат своей униформой, как зеницей ока (некоторые из них, пожалуй, скорее готовы расстаться с жизнью, нежели со своей шевелюрой), вполне по силам понять, сколь серьезно средневековые монахи относились к покрою капюшона или рясы, фасону пояса или сандалий, и что их время и социальная группа, к которой они принадлежали, несли в себе тысячи знаковых символов, отражавших главное в их жизни.

Исторический фон

История вообще никому не ведома, кроме специалистов, да и то при условии, что они способны осваивать область своих исследований. Еще менее нам известно об истории Церкви. Что же касается истории монашества, то, за исключением григорианского пения и архитектуры, а также нескольких не особенно древних шуточных и фольклорных сюжетов, это – настоящая «терра инкогнита» на материке истории Средневековья. За недостатком четких ориентиров вряд ли возможно разобраться в этом пестром мире, а следовательно, и уяснить многочисленные проявления веры. Поэтому для начала нам нужно набросать картину или, вернее, наметить основные вехи истории рождения, жизни и смерти средневековых монашеских орденов.

Речь пойдет о периоде, охватывающем X–XV века.

Но как же не упомянуть св. Бенедикта Нурсийского? Правда, он жил в VI веке, но этот патриарх и мудрый законоучитель западного монашества, этот «Отец Европы» (как справедливо назвал его папа Пий XII в 1947 году) осветил своей яркой личностью и жизнь

монахов последующих столетий. Первый крупный централизованный орден на Западе, Клунийский (X век), был основан по бенедиктинскому уставу в духе «Монастырского капитулярия» св. Бенедикта Аньянского (скончался в 821 году), обеспечивающего известное единообразие монастырских уставов.

В недрах Клуни зародится Модем, как реакция на ослабление дисциплины в ордене; эта тема, как мы увидим, будет вновь и вновь подниматься на протяжении веков и надолго сохранит силу монашеских орденов. И, в свою очередь, уже из Модема уйдет св. Роберт и создаст Сито, следуя все тому же духу моральной чистоты и строгости соблюдения устава (1098). Сито и одно из его первых «ответвлений» – Клерво, где будет подвизаться ревностный св. Бернар (1091–1153), распространят свое влияние по всей Европе в течение последующих 500 лет.

Так происходило преемственное развитие ордена бенедиктинцев. Но не следует думать, что его расцвет ограничивался тысячами монастырей.

Наряду с клунийским движением, отличавшимся менее строгим соблюдением бенедиктинского устава, появились и такие, как цистерцианцы, камальдолийцы (1015) и валломброзанцы (1036), которые требовали в монастырях наистрожайшего соблюдения бенедиктинского устава.

С другой стороны, к бенедиктинскому ордену относились далеко не все монахи Средневековья. Так, несколько в стороне от него держались картезианцы – общежитие еремитов, которые в 1084 году объединились в орден, основанный уроженцем Рейна, св. Бруно. В те времена отшельническая жизнь еремитов обладала мощной притягательной силой и укоренялась на Западе, где под нашествиями норманнов, данов, мадьяр и сарацин были разрушены вообще любые формы организованной жизни.

Монахи Ла-Шез-Дье (1052), Гранмона (1074, основатель св. Этьен де Мюре), гильомиты (под эгидой св. Гильома де Малевала, 1155) провозглашали тот же аскетизм.

Нельзя забывать и о современных Клуни, но не подчинявшихся ему движениях за реформу – это аббатства Бронь, Флёри-сюр-Луар, Сен-Бенинь в Дижоне, Бек. А позднее, уже наперекор ордену цистерцианцев, будут существовать аббатства Сов-Мажер, Савиньи, Тирон...

Все они находили для себя место среди лесов и горных долин, там, где царят тишина, покой и уединение, вдали от городов, этих рассадников смрада и гибели.

И это еще не все: в XI–XII веках в среде каноников появились первые признаки возрождения: ордена уставных каноников Сен-Рюф (1039), Гранд-Сен-Бернард (1043), Сент-Антуан в Вьеннуа (1095), Сен-Виктор в Париже (1113) и в особенности орден премонстрантов, основанный св. Норбертом Ксантенским в 1120 году, который существует до сих пор.

Но и эти ордена – далеко не вся чудесная творческая сила тех поистине золотых веков. В подтверждение приведем следующие цифры: в конце XIII века насчитывалось 694 цистерцианских аббатства, 1000 организаций ордена Сен-Рюф... Следует добавить, что помимо еремитов, количество которых с трудом поддается исчислению, было также множество братств госпитальеров, мужских и женских, братия которых заботилась о странноприимных домах, госпиталях и лепрозориях (в некоторых из этих братств старшим обязательно бывал прокаженный), а также ордена госпитальеров, обеспечивавших безопасность паломников, закономерно превращаясь в ордена монахов-воинов (госпитальеры Мальтийского ордена – 1118, тамплиеры – 1128, Тевтонский орден – 1142, орден Алькантара – 1156 и др.).

Завершая этот краткий перечень, напомним еще об одном своеобразном порождении того времени – о смешанных монастырях, включавших в себя мужскую и женскую обители, строго изолированные друг от друга, а также, возможно, воспитательные дома (для обращенных грешниц) и лепрозории. Наиболее примечательная особенность этой организации состоит в том, что ее основатели, «перевернув заведенный в Природе порядок», доверили женщинам управление подобными монастырями. Так обстояло дело в Фонтевро (основанном около 1101 года блаж. Робертом д'Арбрисселем), в Сен-Сулпис (основатель – Рауль де ла Фюте, скончавшийся в 1129 году). В этих аббатствах монахи не имели права выйти за ворота без разрешения настоятельницы. Это также гильбертинцы (английский орден, основанный св. Гильбертом Семпрингемским, в рядах которого находились не только монахи и монахини, но и

мирские братья и сестры) и бригиттины (орден, основанный около 1150 года, – единственный орден, созданный женщиной – св. Бригиттой Шведской).

Наконец, для того чтобы ярче представить себе этот, поистине чудесный, расцвет религиозности, которая на самом деле, как мы увидим в дальнейшем, затронула лишь меньшую часть населения, не следует забывать о многочисленных движениях социально-религиозного толка: это вальденсы, иначе называемые лионскими или католическими бедняками (1169), богарды, или бегарды, или папеларды (добряки) (1170), гумилиаты (1184). Это также ломбардские бедняки, предоставившие женщинам право проповедовать, за что и подверглись осуждению в 1184 году. Все эти движения, как видно уже из их названий, были проникнуты идеалами бедности, пуританства и антиклерикальными настроениями. Часто они выражали упования миллениаризма, что проявилось в конгрегации, основанной Иоахимом Флорским примерно в 1189–1192 годах и сохранившей свое влияние вплоть до наших дней.

Монастыри процветали на Западе в VI–XIII веках. Позднейшие монашеские ордена – паулисты (1215), целестинцы (1259), оливетинцы (1307) – имели уже меньшее распространение или постепенно исчезали (иезуаты – 1367–1618 годы).

Расцветом канониального движения отмечены также и XI–XIII века. Но возникшие в XIII столетии ордена уставных каноников уже либо исчезали (белоризцы или бригиттины), либо были малочисленными, например крестоносцы Красной Звезды (1237).

Совершенно очевидно, что и монастырское, и канониальное движения отвечали потребностям общества. Когда их время миновало, они оставались еще способными к выживанию, но расцвет был уже позади.

В конце XII века общество переживает глубокие изменения. Церковь находится в кризисном положении, крупные ордена – Ключи, Сито – в упадке. Объяснять, почему так произошло, слишком долго, потому что, без сомнения, причины этого весьма драматического процесса разнообразны и многочисленны.

Кто же ответит на вызов истории, брошенный христианскому миру? Вызов примет XIII век, великий, блистательный, необычайно плодотворный. Ведь во имя Евангельской нищеты множество людей восставало против роскоши (впрочем, весьма относительной) первого «общества потребления», а также против развращающего влияния городов, именно XIII век создаст такие ордена, которые будут беднее самих бедных, и на сей раз – непосредственно в городах. В эту эпоху появятся нищенствующие ордена: в 1209 году – францисканцы, объединившиеся вокруг св. Франциска Ассизского (1182–1226); кармелиты с уставом 1226 года, времен св. Симона Стока; доминиканцы, ревностные чада кастильца Доминика де Гусмана (1170–1221).

Позднее к ним присоединятся тринитарии, мерседарии, сервиты (орден основан в 1233 году семью флорентийскими патрициями), августинцы, которые будут признаны нищенствующими лишь в XVI веке; и последний нищенствующий орден – минимы (создан в 1435 году св. Франческо де Паоло).

Каждый из этих орденов имел свое поле деятельности (хотя существовало немало спорных областей, и, соответственно, элемент соперничества): ученые доминиканцы неукоснительно соблюдали догматы веры и оберегали их, мягкие и милосердные францисканцы посвящали себя служению ближним из народа, тринитарии и мерседарии занимались выкупом христиан, попавших в руки берберов. Сервиты, соблюдавшие устав св. Августина, соединяли свое служение с созерцательной жизнью, как и августинцы, кармелиты и минимы.

А что же остальные монахи – уставные каноники, госпитальеры, – неужели исчезли? Все они продолжали жить, выживать, проводить реформы. Сильвестринцы (1231), оливетинцы, целестинцы, гильомиты, монахи конгрегации Монте-Верджино (1124) на самом деле, по словам отца Кузена, оказались «ветвями все того же старого бенедиктинского ствола». Монахами были также апостольские клирики св. Иеронима (конгрегация, основанная блаж. Джованни Коломбини, скончавшимся в 1367 году). Их прозвали «отцами живой воды» за их искусство дистилляции, или иезуатами, поскольку с их уст не сходило имя Иисуса. Крестоносцы Красной Звезды, Красного Сердца из Италии, Чехии, Нидерландов являлись уставными канониками, как и белоризцы (1257).

Также отметим появление в начале XIV века светской конгрегации алексиан, иначе называемых лоллардами или келлитами. Их миссия – попечение о приговоренных к смерти, погребение умерших от чумы (что стоило жизни многим алексианам), забота о душевнобольных (чем они занимаются и в наши дни).

Заметим еще, что большинство нищенствующих орденов, а также бенедиктинцы и цистерцианцы организовывали смешанные ордена, и светские, и уставные, с простыми или торжественными обетами. Такие формы организации позволяли мирянам вести образ жизни, вдохновляемый правилами того ордена, к которому они косвенно принадлежали.

Наконец, начиная с XV века и даже раньше, в частности, под влиянием «национальных чувств», большие централизованные ордена распадаются на конгрегации чаще всего с ярко выраженной языковой или национальной окраской. Назовем бенедиктинские конгрегации Бурсфельда в Германии и Шотландии (с 1215 года), в Боббио (Италия), в Мельке (Австрия), в Вальядолиде (Испания)... Можно также упомянуть конгрегации цистерцианцев, камальдолийцев и каноников, в том числе францисканцев, где чувствовались центробежные тенденции.

Присущий монашеству универсализм постепенно начинал беспокоить князей, в их интересах было остановить поток денежных средств, отчисляемых орденами в Рим, а потому они поощряли сепаратизм, во всяком случае, использовали его. Папы со своей стороны наделяли привилегиями те провинции и конгрегации, которые сохраняли им верность или могли противостоять королевской власти, ее налогам и любой форме контроля с ее стороны.

Когда Церковь ослабят Столетняя война, голод, эпидемии чумы, раскол Запада, ереси (Уиклифа и Гуса), долгие волнения милленаризма и народные пророчества, когда протестантская реформа вызовет бурю, против которой реформа католическая окажется бессильной и не сможет залечить нанесенные ею раны, тогда монашество, часто терзаемое внутренними кризисами и становясь жертвой чужих интриг, сделается неспособным отражать удары. Монашеские ордена выживут, но творческий дух, присущий им на протяжении столетий, отомрет. Ордена уступят место другим – организациям уставных клириков (иезуиты, сколопы, варнавиты и др.), обществам с простыми обетами (ораториане, доктринеры, лазаисты и др.) – лучше приспособленным к условиям борьбы в социуме Нового времени.

Немало умов было обеспокоено этим многообразием явлений человеческого творчества, усматривая в нем посягательство на порядок и разум, напрасную трату сил, людские слабости и немощи. Все подобного рода упреки известны.

Св. Бенедикт (Устав, XL, I) знал, что каждый человек получает от Бога собственный дар (кстати, именно поэтому святой испытывал некоторые сомнения, когда определял общий для всех рацион питания). Кроме того, он принимал во внимание слабости человеческой природы. Впрочем, такое разнообразие только приветствовалось, как воплощение Ста Цветов. Вот что говорил ворчун Жиль ли Мюизи в защиту разнообразия нищенствующих орденов: «Красота мира – это его разнообразие, которое есть дар Божий. Взгляните на богатое разноцветье лугов».

«Единство в многообразии» (если вспомнить чаще произносимый, нежели применяемый девиз сторонников единой Европы) обеспечивается послушанием, и старые законодатели прекрасно сознавали это. «Каковы бы ни были победы добрых дел, коими расцветает наша жизнь, необходимо, дабы она произрастала из корней послушания». А картезианец Гиг говорил: «Несомненно, мы можем наблюдать множество весьма разнообразных вещей, но у нас есть все основания надеяться на плодотворность наших начинаний благодаря одному только дару послушания» (в переводе на язык политической социологии это означает, что множество различных мнений и действий плодотворно лишь при наличии общей и равнозначимой для всех гражданской почвы).

Для чего нужны монахи в эпоху живой веры?

Возможно, некоторые, причем не только атеисты, спросят, какая же необходимость в монашестве существовала в обществе Средневековья, столь явно отмеченном печатью всеобщей веры?

Помимо того факта, что монахи выполняли тысячи социальных функций, которые в

Средние века никто больше не мог взять на себя, совершенно очевидно, что они играли определенную роль и в поддержании самой веры.

Средневековые во многих отношениях не являлись эпохой веры. Я хочу подчеркнуть: полной и подлинной веры. Это было время верований, суеверий и ханжества, больших общественных порывов иррационального характера, обязательных подчас паломничеств, крестовых походов с сомнительными целями, социально-мистических кризисов, миллениаристских ожиданий, пророчеств разного рода. Туссер говорит об «атмосфере тревожащей и дерзкой наивности». «В сердцах людей присутствовала набожность, – добавляет он, – но она, похоже, не привносила истинности в души... Религиозное усердие было эфемерным, спонтанным и поверхностным». Повседневными же были богохульство и самые грязные ругательства. Во время мессы разговаривали, смеялись, перешептывались, не присутствуя на богослужении в полном смысле слова.

В повествовании о Первом крестовом походе «Деяния Бога через франков» Фульхерий Шартрский сетует на то, что вера иссякает и в духовенстве, и в народе.

Даже паломничества были весьма далеки от того, чтобы действительно способствовать спасению души. Нередко они совершались не ради исполнения обета или искупления греха, а скорее ради удовлетворения «туристического» любопытства или даже ради любовных походов! В разношерстную толпу паломников нетрудно было затесаться проституткам, ворам, торгашам, авантюристам...

Проведя длительное и детальное исследование, Туссер, похоже, сумел доказать, что в XV веке во Фландрии 10% населения оставались практически язычниками и пренебрегали своими обязанностями перед Богом (и это в обществе, где главенствующим являлся священник); еще 10% глубоко верили и часто причащались; 40% регулярно посещали церковь, но не более, а еще 40% заглядывали в церковь от случая к случаю. Совершенная кривая Гаусса. В действительности религиозная практика вовсе не являлась такой ревностной, всеобщей и регулярной, как привыкли думать.

Конечно же, жизнь была наполнена религией, однако, за исключением отдельных проявлений глубокого религиозного чувства и искренней веры, повседневность тонула в безразличии, погруженная, по словам Николая Кламанжского, в «забвение Бога».

Народной вере были присущи глубина, истовость, цельность, воинственность, простодушие, но при этом же полнилась суевериями и нелепостями из-за отсутствия необходимого контроля, имевшего место в среде монашества, которое соблюдало устав и обычаи (не забудем и о настоятелях).

Простодушие. Всем известна легенда о жонглере из Нотр-Дам. Менее знакома история о распутной женщине, которая во славу Пресвятой Девы не «работала» по субботам и каждый раз в этот день жертвовала «одну свечу, каковую она покупала на свои жалкие деньги, и когда она умерла, то Дева Мария освободила ее душу от дьявола». Точно так же без тени улыбки нам рассказывается о воре, который перед тем, как совершить кражу, прилежно помолился Пресвятой Деве и был спасен от наказания.

Глубина. Столь глубокой и живой должна быть вера, чтобы великие мира сего из христианского смирения приглашали нищенствующих монахов в крестные отцы своим детям, или чтобы монахи позволяли женщине стать над ними игуменьей.

Когда в октябре 1592 года накануне Дня Всех Святых в Гранд-Шартрез возник пожар, главный приор, господин Жером Маршан, отправился в церковь, взял в руки дароносицу и оставался коленопреклоненным в алтаре, повторяя: «Всякое деяние от Бога – благо». А затем, покинув пылающую церковь, вместе со своими монахами он поднялся на холм, возвышавшийся над монастырем, повернулся лицом к горящему храму и благословил его, сказав просто: «Да будет имя Господне благословенно во веки веков».

Рассказывали, как при строительстве церкви Сен-Дени, чтобы помочь монахам поднять каменные колонны, люди впрягались вместе с быками...

Цельность. Мощную бенедиктинскую конгрегацию Аффлигема во Фландрии, влияние которой распространялось вплоть до Германии, основали шесть рыцарей-разбойников...

Один клюнийский монах утверждал, что благодаря молитвам св. Одилона, аббата Клюни, осужденные освобождались от истязаний по понедельникам и вторникам. Цитировавший эти

факты бенедиктинец написал: «За недостатком теологической строгости (ибо на самом деле Одилон показывает здесь себя более милосердным, чем сам Господь), эта идея, тем не менее, свидетельствует о величайшем благочестии и высшей любви».

Воинственность. Она необходима, если заметить, с какой неистовостью ополчаются на догматы веры их критики. Можно вообразить себе смятение Петра Достопочтенного, когда он услышал утверждение Петра де Брюи (1126–1147) о том, что не надо крестить детей, что сами церкви бесполезны, равно как бесполезна молитва живых для облегчения участи мертвых, а также о том, что он питает отвращение к Кресту, поскольку на нем был распят Спаситель, а посему крест следует предать публичному сожжению.

Существование, пример и деятельность аббатств, которые можно сравнить с центрами духовной энергии и социальной активности, с рупорами христианства, представляются совершенно необходимыми и оправданными. Какими бы иногда ни казались монастыри, они все же были мощными факторами рационализации мышления и поведения людей, чудесным средством воспитания в людях самоконтроля и уважения к закону, а их так не доставало в средневековом мире!

Именно монашество обороняло аванпосты христианства, которым постоянно грозила беда (и изнутри тоже); именно монахи явились тем щитом, благодаря которому города были защищены, а враги отброшены. Одним словом, монашество поддерживало жизнь веры, и благодаря ему вера выжила.

Благодаря усилиям еремитов очистилась и возвысилась народная вера с почитанием местных святых и реликвий. Монахи проповедовали религию более внутреннюю, более личную, в большей степени соответствующую требованиям нравственности. Их проповедь покаяния, их личные примеры подталкивали падшего человека, ставшего жертвой греха, обратиться к сокрушению о своих грехах, к раскаянию и исповеди. Идеал бедности, утвердившийся на протяжении последующих десятилетий (вспомним о бесчисленных братствах мирян, которые поднимут знамя этого идеала), имел своим источником именно монашескую жизнь. В итоге эта жизнь даст «четкое направление к цели вечного спасения», и этим стремлением будут явственно отмечены следующие века.

Глава I Долгий день монаха

Распорядок

Колокол отметил полночь. В звучащих молитвами сумерках люди спешат к хорам, бесшумно ступая по полу. Начинается долгий день монаха. Час за часом, он будет протекать в ритме утрени и заутренних служб, первого, третьего, шестого и девятого канонических часов, вечера и повечерия.

Невозможно установить точно, как монах использовал время. Прежде всего, потому, что сведения о Средневековье в этом плане весьма приблизительны, а сама эпоха, по сравнению с нашей, была менее чувствительна к ходу времени и не придавала ему большого значения. Затем, потому что распорядок дня был различным в разных монашеских орденах и конгрегациях, как во времени, так и в пространстве. И, наконец, потому что в одном и том же монастыре время суток варьировалось в зависимости от времени года и церковного круга богослужения. Можно привести много разных примеров, но мы ограничимся тем, что, следуя книге отца Кузена, рассмотрим распорядок, типичный для клюнийского ордена в период равноденствия, то есть на первую половину апреля – начало пасхального времени, а также распорядок дня на вторую половину сентября.

Примерно половина первого ночи (в среднем) – Всенощная (с утреней).

Около 2.30 – Снова ложатся спать.

Около 4 ч. – Утреня и службы после заутрени.

Около 4.30 – Снова ложатся спать.

Около 5.45 до 6 часов – Окончательный подъем (с восходом солнца), туалет.

Около 6 ч. – Индивидуальная молитва (с 23 сентября по 1 ноября).

Около 6.30 – Первый канонический час.

Капитул (собрание монастыря):

– богослужебная часть: молитвы, вторая часть первого часа, чтение главы из устава или Евангелия на сегодняшний день с комментариями аббата, или, в отсутствие последнего, приора;

– административная часть: отчет должностных лиц монастыря, сообщение аббата о текущих делах;

– дисциплинарная часть: обвинение монахов, нарушивших дисциплину один раз за неделю: они каются сами, и их обвиняют их братья – это обвинительный капитул.

Около 7.30 – Утренняя месса, на которой монастырская братия присутствует в полном составе.

С 8.15 до 9 ч. – Индивидуальные молитвы – это обычное время от праздника Всех Святых до Пасхи и от Пасхи до 13 сентября.

С 9 ч. до 10.30 – Третий час, за которым следует монастырская месса.

С 10.45 до 11.30 – Работа.

Около 11.30 – Шестой час.

Около 12.00 – Трапеза.

С 12.45 до 13.45 – Полуденный отдых.

С 14 ч. до 14.30 – Девятый час.

С 14.30 до 16.15 – Летом работа в саду, зимой, а также в плохую погоду – в помещениях монастыря, в частности, в скриптории.

С 16.30 до 17.15 – Вечерня.

С 17.30 до 17.50 – Легкий ужин, за исключением постных дней.

Около 18 ч. – Повечерие.

Около 18.45 – Отходят ко сну.

После повечерия зимой один монах должен был совершать обход помещений с горящим фонарем в руках, чтобы его узнавали. Ему предстояло последовательно проверить все постройки, приемную, хоры, кладовую, трапезную, лазарет и закрыть входные ворота во избежание поджога и проникновения воров, а также чтобы никуда не выходили братья...

Сон, дневной отдых, пробуждение

У картезианцев продолжительность сна колеблется от 6 часов 20 минут в период летнего солнцестояния до 9 часов в конце сентября. По прошествии сентября она сокращается до 6 часов 45 минут, чтобы снова увеличиться до 7 часов 45 минут в конце октября, и вновь укорачивается до 6 часов 20 минут со 2 ноября. Таким образом, максимум времени на сон отводится в конце сентября, а минимум – на Пасху, тогда как среднегодовая продолжительность сна монаха составляет 7 часов 10 минут.

По мнению картезианцев, недостаточно выделить какое-либо определенное время на сон в рамках одних суток, как это делаем мы. Оптимально, особенно для монашества, установить необходимую продолжительность сна в зависимости от разных времен года.

Помимо желания умерщвлять свою плоть существуют и иные причины, которые, несомненно, влияют на режим дня монахов. В Средние века люди просыпались с восходом солнца и даже еще раньше. Тому, кто хотел вести правильную жизнь, надлежало вставать очень рано, в тот час, когда все остальные еще спят. Кроме того, монахи всегда испытывали особое расположение к ночным часам и первой заре – предрассветным сумеркам. Св. Бернар восхваляет часы бодрствования в прохладе и тишине, когда чистая и свободная молитва легко возносится к Небу, когда дух светел, а в мире царит совершенный покой.

В монастыре источники искусственного освещения были редкими. Как и крестьяне, монахи предпочитали работать при дневном свете.

Монахам полагается молиться в то время, когда не молится никто другой, они должны петь вечную славу тем самым ограждая мир подлинным духовным щитом. Однажды корабль короля Филиппа Августа был застигнут на море бурей, и король повелел всем молиться, заявив: «Если нам удастся продержаться до того часа, когда в монастырях начнется утренняя, мы будем спасены, ибо монахи начнут богослужение и *сменят* нас в молитве».

Другая особенность монашеской жизни, способная поразить наших современников, – это время трапезы: вкушать пищу дозволяется не раньше полудня. А некоторые варианты распорядка дня монахов-бенедиктинцев X века предусматривали одно-единственное вкушение пищи в течение суток: зимой – в 3 часа дня, а Великим постом – в 6 часов вечера. Нетрудно представить себе, какое это испытание для людей, которые с двух часов ночи были на ногах. Становится понятным, почему французские слова «diner» – «обедать, ужинать», «dejeuner» – «завтракать» буквально означают «прервать пост» – «rompre le jeune».

Летом распорядок предусматривает две трапезы: обед в полдень и легкий ужин около 17–18 часов, отменявшийся в дни поста.

Другая характерная черта распорядка монашеской жизни: занят целый день, нет ни одной свободной минуты, хотя монахи мудро чередуют часы большого напряжения и часы отдыха. Нестойкому духом просто не оставалось времени на праздные мечтания и уныние.

Во всех старых уставах дозволен дневной отдых. Это объясняется краткостью ночного сна монахов, утомительностью бодрствования и трудов, а также жарой (не надо забывать, что бенедиктинский устав составлялся в Италии). «Сиеста» летом длилась в среднем от одного до полутора и даже двух часов. В разных монастырях было заведено по-разному.

Изначально картезианцы отдыхали на скамьях во внутренних помещениях монастыря. Дневной отдых предусматривался главным образом для стариков и болезненных монахов. Затем постановили, что «сиеста» разрешается «из сострадания к человеческой слабости», как гласит один картезианский текст. Ложиться предписывалось в строго установленное время – тотчас же после повечерия; бодрствовать без особого разрешения старшего не дозволялось (из страха зайти слишком далеко в умерщвлении своей плоти). После утрени отцы не ложились спать снова, за исключением дней кровопускания, о которых мы расскажем дальше. Они были обязаны носить пояс, не снимая его даже во время сна. Этот пояс служил как бы напоминанием евангельского призыва: «Пусть чресла ваши будут опоясаны» и свидетельствовал о готовности монахов в любой момент подняться по слову Божию, с одной стороны, а с другой – намекал на соблюдение монашеского обета целомудрия. Кто же не хотел отдыхать после полудня, тот мог читать, править рукописи или даже упражняться в монастырском песнопении, но при условии, что не помешает другим.

Если монах не вставал с постели при первом же звуке колокола («без промедления», как писал св. Бенедикт), это считалось проступком, который рассматривался на обвинительном капитуле. О том, чтобы снова уснуть, не могло быть и речи! Монах должен был непрестанно двигаться, с фонарем в руках отыскивая того, кто в нарушение порядка продолжал спать. Когда таковой находился, в его ноги ставился фонарь, и, наконец, разбуженный любитель поспать в свою очередь обязан был с фонарем в руках обходить весь монастырь, пока не отыщет другого провинившегося. Итак, следовало проворно подняться и ни в коем случае не опоздать к утрени. Рассказывали, что однажды ночью Петр Ноланский, основатель ордена мерседариев, проспал. «Поспешно облачившись, он направился по темным коридорам к хорам. И каково же было его удивление, когда он увидел там яркий свет, а вместо монахов, которые не проснулись с ударом колокола, ангелов в белом, восседающих на церковных скамьях. Место же генерального магистра ордена занимала сама Пресвятая Дева с раскрытой книгой в руках» (Д. Эме-Азам).

Гиг, мудрый наставник картезианцев, говорил, что перед тем, как лечь, нужно выбрать себе какой-либо предмет для размышления и, думая о нем, засыпать, дабы избежать ненужных грез. «Таким образом, – добавляет он, – твоя ночь будет светлой, как день, и ночь эта, ее озарение, которое тебя осенит, будет тебе утешением. Ты уснешь мирно, ты будешь отдыхать в тишине и покое, ты проснешься без труда, ты встанешь легко и с легкостью же вернешься к предмету своих размышлений, от которого не успел отдалиться за ночь».

А если, несмотря ни на что, монах не засыпает? Если он болен и не спит? «Ты можешь петь молитвы; но будет лучше, если ты воздержишься от этого». Что же касается кровати, то

Элиот рассказывает одну из тех благочестивых легенд, которыми поучали тогдашних мирян. Св. Гильом Верчельский, основатель конгрегации Монте-Вирджино, стал однажды жертвой клеветы. Придворные короля Неаполя и Сицилии обвинили его в лицемерии и, дабы продемонстрировать, что «сердце его исполнено страстей и пороков», подослали к нему куртизанку. Распутница пообещала придворным совратить монаха. Святой же притворился, что уступит ее желанию, но «при условии, что она ляжет с ним в ту же постель, на которой спит он сам... Она была очень удивлена... когда вошла в помещение предполагаемого совращения и увидела там лишь ложе, наполненное раскаленными углями, на которых и почивал святой, приглашая ее лечь рядом». (Как видим, святые прибегают к весьма любопытным средствам, дабы не впасть во искушение.) Куртизанка была столь поражена увиденным, что тут же обратилась в христианскую веру, продала свое имущество и принесла все деньги св. Гильому, который основал для них женский монастырь в Венозе, а настоятельницей сделал ее саму. Покаяние этой женщины, ее строгость и добродетели принесли ей посмертную славу. Это – блаженная Агнесса де Веноза.

Жить бедно – жить свободно

Слово «бедность» очень неоднозначно: бедняк в США может слыть богачом в Азии. Что же означало быть беднее крестьян в эпоху Средневековья? Во всяком случае, под бедностью не подразумевали совершенную нужду, ставящую человека в полную физическую и моральную зависимость от других. Бедность больше противопоставлялась могуществу, нежели богатству.

По сути, идеал бедности – это идеал свободы, независимости, отказ от стремления к присвоению чужой собственности, который выражался в миротворчестве, добровольном пацифизме тех, кто не хотел вступать в порочный круг насилия (паломники, монахи, клирики, кающиеся грешники).

В действительности же эта проблема была не из простых, и потому она вызывала бесчисленные толкования и споры. Изначально бедность служила логическим следствием «полного отречения, являвшегося главным в призвании к совершенной жизни; она означала оставление всего, но не в том смысле, чтобы стать бедным, а чтобы вести отрешенную жизнь» (Ж. Леклерк).

Начиная с XII века идеал бедности, «бедности добровольной», как написано в доминиканском тексте 1220 года, обладал «особой притягательностью, иногда даже губительной... Он был у еретиков, у ортодоксальных гумилиатов, у католических бедняков, но именно с появлением св. Франциска этот идеал пережил подлинный расцвет» (М. Д. Кноулс). С тех пор «жизнь в бедности стала осуществлением аскезы, которая сама по себе являлась благом» (Ж. Леклерк). (В 1950-е годы мы видели, как достоинства жизни в бедности открывали дети наиболее обеспеченных классов самой богатой страны в мире.)

Но как в обществе, развивающемся и презирающем, даже подавляющем низшие классы, придерживаться этого «предпочтительного образа христианской святости и искупления» (П. Викар), каковым является бедность? Что надо делать, чтобы жить бедно?

Монахи клюнийского ордена, верные формуле: «бедный монах, богатый монастырь», переносили на постройки монастыря всю ту роскошь, в которой отказывали себе. И на этом пути, пышно прославляя Бога, они вскоре дошли до крайности.

Быть бедным – не означало ли это ходить босиком и в рубище, как призывал св. Доминик, смиренно стучаться в каждую дверь с протянутой рукой, «общаясь с Богом и говоря о Боге с самим собой или с ближними», отдавать в конце года, как учили доминиканцы, бедным и церкви все то, что не было использовано? Приверженность идеалу бедности (а также знание людей) приведет к тому, что нищенствующие монахи будут просить подаяние натурой – брать только продукты, одежду и, примечательный факт, книги, – чтобы деньги не запятнали их бедность.

Бедность цистерцианцев не была нищетой или лишением, она воплощала собой принятие общежительной жизни со всеми соответствующими последствиями: полный отказ от всего личного, в том числе от земных благ, отрешенность. А бедность францисканцев – это «акт чистой любви», скорее даже мистический, чем аскетический. Премонстранты соблюдали менее

строгую бедность, чем цистерцианцы, и менее пылко возносили ей хвалу, чем францисканцы. Крестоносец же «беден земными богатствами, но богат нищетой», ибо его единственное богатство – Христос.

У картезианцев бедность определялась целесообразностью. «Одежда нужна тебе, – писал их законоучитель, – чтобы защитить себя от холода, но не ради щегольства. Также и пища – для утоления голода, а не в угоду чреву... Не потакай прихотям собственной плоти (именно в этом – мудрость, мера, *discretio*¹)... но лишь обеспечивай плоть необходимым».

Бригиттины прикидывали, что им потребуется на год, и на следующий день после праздника Всех Святых раздавали все лишнее, по их мнению: «и пищу, и деньги», пренебрегая запасом на черный день, то есть ни во что не ставя случай.

Гранмонтанцы, дабы избежать обогащения, продавали излишки дешевле обычного. Поскольку они не позволяли себе собирать пожертвования и просить милостыню, им оставалось лишь уповать на то, что Бог не оставит их. Конечно, поступая так, они рисковали. Но как иначе прожить в бедности? И как, живя бедным, не стать богатым?

Не счесть назидательных историй об идеале бедности. Одон, аббат Ключийский, увидев, как один монах не дает нищему войти в монастырь, сделал тому внушение и сказал бедняку: «Когда он предстанет пред вратами Рая, воздай ему тем же». Тот же Одон, повстречав старого изможденного крестьянина, посадил его на свою лошадь и взял его суму, «наполненную черствым хлебом и гнилыми луковичками, издававшими зловоние». Одному из своих монахов, который не мог скрыть отвращения, Одон сказал: «Ты не переносишь запаха бедности».

Целомудрие

Понятия «жизнь в святости» и «целомудрие» – синонимы. Канонические источники мало говорят о нем, поскольку это вещь очевидная. Иногда речь заходит о «целомудренных», о «добродетели воздержания», о непорочности. Собственно обет целомудрия появляется в период монастырских реформ XI–XII веков, а теория трех обетов – только в XIII веке.

Неужели обет целомудрия соблюдался всеми и всегда? Поверить, что это было так, можно лишь забыв, что речь идет о живых мужчинах и женщинах, хотя при чтении хроник и создается впечатление, будто нарушения этого обета случались гораздо реже, нежели вспышки насилия, случаи бегства из монастыря, проявление алчности, небрежение повседневными обязанностями.

Говорится не столько о борьбе с искушением, ибо исход этой борьбы всегда неясен, сколько о том, как удалиться от причины искушения, ведь, по мнению гранмонтанцев, если даже искусный Давид, мудрый Соломон и могучий Самсон попадались в сети женщин, кто из простых смертных устоит перед их чарами? Недаром в отсутствие женщины лукавый использует ее образ для искушения мужчины, кто же устоит, когда она рядом? Дабы соблюсти непорочность, мудрец спасается бегством. Наполеон говаривал, что это из любви.

А св. Бернар утверждал, что целомудрие превращает человека в ангела. Онтологически человек не преображается, оставаясь самим собой, но в противоположность ангелам, целомудрие коих является естественным состоянием, человеческое же целомудрие может быть только плодом дерзновенных усилий добродетели. Ученый схоласт из Клерво хорошо знал людей, а посему внес уточнение, что целомудрие без милосердия – ничто. Сказанное о милосердии он распространил и на другие добродетели, в частности на смирение, которое, по его утверждению, гораздо более похвально, чем девственность, ибо смирение – это заповедь, тогда как целомудрие – только совет (и всегда ли он услышан!).

Согласно сборнику обычаев Эйнсхема монах может избавиться от вожделений плоти, призвав на помощь следующие «духовные блага»: устав, молчание, пост, затворничество в монастыре, скромное поведение, братскую любовь и сострадание, уважение к старшим, прилежное чтение и молитву, памятование о прошлых ошибках, о смерти, страх перед огнем чистилища и адом. Без уважения к этим «множественным и прочным связям» монашеская

¹ Понятию *discretio* будет посвящена отдельная глава. (Прим. ред.)

жизнь теряет чистоту. Молчание «хоронит» пустые и праздные слова, пост смиряет дурные желания, а затворничество удерживает от разговоров на городских улицах. Памятование же о совершенных в прошлом ошибках в известной мере предупреждает ошибки будущие, страх перед чистилищем устраняет мелкие грехи, а страх перед адом – грехи «преступные».

ЖИЗНЬ В МОЛИТВЕ

Молитва в совокупности с другими религиозными проявлениями – созерцанием, внутренней тишиной, безмолвием, откровением, таинством жертвоприношения – позволяет человеку вступить в общение с Богом. Молитва как выражение страха или угрызений совести, доверчивости, крика надежды или признательности является для молящегося средством либо приблизиться к Богу, либо понять, насколько лик Бога, невзирая на все усилия, остается далеким, «глубинным, неясным, безличным» (А.-М. Беснар).

Молитва – это действие, которое может привести либо к чистому созерцанию, сосредоточенному на «познании Бога, на осознании земного изгнания, на отрешенности молчания, на духовной причастности», что является мистичностью любви; либо к деятельности, находящей выражение в посланиях к людям, в мудрости, в братском обмене, – и тогда это мистичность общей трапезы (М. де Серто).

Эти люди из огня и железа, каковыми были монахи Средневековья, ежедневно являли свою веру в молитве, в тех «стандартных образцах молитвы», которыми служили литургии, равно как и в хоровом пении, и в жестах: поклонах, земных поклонах, воздеянии рук, повороте ниц, коленопреклонении... Все это и есть тот особый язык монаха, при помощи которого он выражает свое состояние «изо всех сил», то есть всем своим существом.

Такая эпоха, как наша, обладающая столькими десакрализирующими факторами, вряд ли может понять состояние духа монашества тех ярких и светлых столетий, какими во многих отношениях были Средние века.

Что может чувствовать монах, молящийся или совершающий мессу в предрассветных сумерках Клерво или Алькобаса? Вероятно, мы сумеем хотя бы слабо и приблизительно понять эмоции этого человека, живущего на более возвышенном и богатом духовном уровне, если вспомним то ощущение света, каким наполняют нас первая любовь, вдохновение творчества, философские раздумья, сочинение музыки, радость материнства, поэзия слова, созерцание красоты, жертвенные порывы героизма, все, что достойно называться «мирскими молитвами».

На протяжении этой книги нам предстоит знакомиться с жизнью монахов, организованной и расписанной с величайшей тщательностью от момента пробуждения до отхода ко сну. В сводах правил и обычаев скрупулезно регламентированы мельчайшие факты повседневной жизни: как следует приветствовать аббата, как брать хлеб и держать стакан. Однако из-за обилия этих подробностей не следует упускать из виду, что жизнь монахов строилась не ради того, чтобы трудиться в поле, раздавать милостыню или переписывать рукописи, но исключительно ради молитвы. Их жизнь – это молитва. И действительно, сказать: «они молились» – значит сообщить важнейшее о жизни этих тысяч людей, которые на протяжении столетий подчиняли свою жизнь единственной цели – молиться как можно лучше. Посты и воздержания, ночные пробуждения, прерванный сон, испытание холодом, умерщвление плоти из послушания, целомудрие, до мелочей расписанное поведение, превосходное самообладание – все это приобретает свое полное и законченное значение только в свете этой единственной цели: проводить жизнь в молитве. И все это само по себе является молитвой, молитвенным предстоянием всей жизни.

Такова, если можно так сказать, организация молитвы во времени: день, годовой круг богослужения, жизнь и смерть.

Организация же молитвы в пространстве – монастырь, церковь, трапезная – также неизменно стремится сделать веру присутствующей, зримой, воплощенной, творящей и таким образом обеспечить полноту молитвы и духовной жизни, их постоянство и непрерывность. Именно это присутствие и действие только и могут объяснить чудо, на протяжении веков тысячу раз повторяющееся в архитектурных формах, в пышной красоте обителей во всех уголках средневековой Европы, во всех монашеских орденах, от самых богатых до

нищенствующих. И повсюду эта красота будет источать веру.

Но действительно ли эта жизнь в молитве творилась из дня в день всеми монахами без исключения? Было бы наивным так думать. Долгие дни в бесконечной молитве, типичные для клунийского ордена, без сомнения перемежались моментами усталости и рассеянности. Вполне вероятно, что для некоторых монахов самые прекрасные службы сводились лишь к «трупам жестов» и «призракам слов», если процитировать эти сильные выражения Романо Гуардини. Именно для того, чтобы избежать «замирания» молитвы, ежедневно меняется последовательность богослужения. А также, дабы оживлять и питать молитву всех и каждого, действия участников литургии согласуются между собой, и все это ради того живого единства, без которого монашеское общежитие сделалось бы адом.

Но не может быть, чтобы все без исключения в совершенстве и с постоянством делали все, что полагается, к чему в период своего испытательного срока готовились будущие монахи. Уставные предписания, отчеты визитаторов (инспекторов) свидетельствуют о том, что и в этой области также могли проявляться человеческие слабости. В монастыре наказывают монаха, который рассеянно стоял на службе, не попадал в тон при пении или опоздал. Монахам запрещают замедлять пение (несомненно, это попытка оттянуть время работы).

Рабле в шутку говорил о брате Жане Зубодробителе, что тот был «прекрасным ускорителем часов, торопителем служб и сократителем всенощных». И, похоже, подобные монахи встречались в реальных аббатствах, о чем красноречиво свидетельствует та настойчивость, с которой в сводах правил описывается идеальный ритм богослужения.

Хроники и сборники наглядно демонстрируют, что и у лучших из лучших случались свои слабости, что духовная жизнь не протекала во всей своей полноте непрерывно и ежедневно даже в наиболее строгих аббатствах, даже на первых этапах ревностного усердия в устройстве монастырей, даже у святых каковыми весьма часто бывали монахи.

Пение

Цистерцианцы следили за тем, чтобы псалмы не исполнялись слишком поспешно. Другие же впадали в противоположную крайность и пели, торопливо глотая слова. Ги де Шерлье, ученик св. Бернара, составил трактат «О пении», в котором советовал монахам петь «энергично и чисто, во весь голос, как подобает и по звучанию, и по выражению». В то же время он рекомендует вновь избранному аббату запевать *Veni Creator*² в воспоминание о своем предшественнике «умеренным» голосом, «источавшим бы раскаяние и сокрушение сердца», нежели красоту пения.

Обвинительный капитул

В присутствии всей братии каждый из монахов кается в содеянных грехах и нарушениях устава. Это собрание называется обвинительным капитулом. Среди людей, чья жизнь тщательно регламентирована, где в принципе каждый предъявляет к себе максимальные требования, вменяя себе в вину любую мелочь, не прощая себе ничего, прегрешений оказывается множество. Если же у человека слабые нервы, он может впасть в состояние, называемое «болезненной нерешительностью», такого монаха парализуют боязнь совершить ошибку и мысли о том, что он поступает неверно.

В остальном же припоминание ваших грехов, по словам св. Августина, «в духе милосердия и любви к людям и ненависти к греху» становится обязанностью других монахов. Само по себе *delatio* – «обвинение» еще не приобрело того уничижительного смысла, какой появится впоследствии, оно являлось обязательным (в Эйнсхеме предусматривалось наказание для тех, кто не выносил «обвинения» себе), и само вынесение обвинения должно было оживить память остальных. С другой стороны, специальный монах «разведчик» занимался тем, что

² Гряди, Создатель (лат.).

записывал упущения и прегрешения братии, чтобы потом объявить о них на капитуле.

В настоящее время постепенно изживается практика обвинительных капитулов. Считается, что «капитул легко использовать для удовлетворения не слишком благородных стихийных побуждений». Верится в это охотно. Кроме того, акцентируя внимание на мелких и незначительных нарушениях, практика этих капитулов освещала чисто внешние правила поведения, притупляя восприимчивость к более серьезным проступкам в отношении христианского духа и правил монашеского общежития.

Сборники обычаев описывают церемонию оглашения прегрешений и указывают ее место и время. К примеру, после чтения отрывка из устава, этого «зеркала совершенства», аббат произносит: «Если кому-то есть, что сказать, пусть говорит». Из рядов братии выходит монах и падает ниц. Аббат спрашивает: «По какой причине?» Виновный встает и отвечает: «По причине моего прегрешения, дом³ аббат». Далее следует изложение обстоятельств, при которых совершен проступок (например, монах опоздал в храм или, как сказано в сборнике обычаев Эйнсхема, оставил у себя хотя бы на один день найденную вещь, ибо тем самым он запятнал себя грехом воровства). Наказание должен определить старший, в обязанности которого входит и публичное увещание провинившегося. По крайней мере, можно надеяться, что таким образом достигаются три цели: первая – проявить к нарушителю милосердие и сострадание братии, что является необходимым условием монашеского общежития. Вторая – упрочить сплоченность братии, непреклонно борясь с любым проявлением слабости и с корнем вырывая «шипы соблазна», как гласит бенедиктинский устав (XIII, 27), где предусмотрено, что все должны высказать друг другу свои обиды и примириться со своими «обидчиками» до заката солнца. Третья – удерживать каждого монаха в состоянии предельной духовной собранности, не давая забывать ему и о смирении.

О греховных помыслах, таящихся в глубине души, не высказываются в присутствии обвинительного капитула, но сообщают на исповеди старшему.

Вот чудесная история, в которой действуют известные персонажи: Бог, лукавый, Аббат, который осуждает мелкий грешок: монах задремал на утрени.

Аббат: Сын мой, преклоните голову, когда поют «Славу».

Лукавый: Он не склонит голову, прежде чем не расторгнет эти узы греха (имеется в виду прегрешение монаха, которое превратило его в слугу дьявола).

Аббат: Господи, не дай погибнуть этой заблудшей овце, избавь ее от пут греха и врагов.

Бог: Я избавлю своего раба от пут греха, а вы (аббат) покарайте греховного.

Далее в этой истории наш монах, испугавшись, воскликнул: «Пусть лучше мне отрубят голову, чем я еще раз усну на службе», или точнее: «чем я еще раз закрою свои глаза».

Покаяние и дисциплина

Во всех этих случаях провинившийся раскаивается в грехах. Отметим при этом, что первоначально слово «покаяние» означало «раскаяние», «обращение (к Богу)», «удаление от греха», но не искупление своей вины. Слово «дисциплина» тоже претерпело аналогичную эволюцию. Оно произошло от слова «ученик» (discipulos) – тот, кого обучают. И в начале оно означало «преподавание»; затем – преподаваемый предмет («моя дисциплина», – говорит преподаватель); потом – средства, необходимые для того, чтобы учить и направлять людей (после этого заговорили о правовой, семейной, школьной дисциплине и пр.), затем – соблюдение членами определенной группы правил и обычаев, принятых в данной группе.

И отсюда слово эволюционировало в ином направлении: оно стало означать совокупность наказаний для монаха, нарушившего дисциплину. А среди этих наказаний одно стало называться самым этим словом – «дисциплина». Речь идет о розгах или кнуте из веревок или маленьких цепочек, которые использовались монахами для умерщвления плоти или для наказания провинившегося. Всем известна реплика Тартюфа: «Лоран, приberi мою власяницу и дисциплину», то есть плеть.

³ форма обращения к лицу духовного звания (Прим. ред.).

Эта самая «дисциплина», которая вначале использовалась добровольно, превратилась в дополнительное средство наказания, соответствующее нравам той эпохи, а впоследствии сделалась обычным инструментом для умерщвления плоти, предусмотренным уставом, но зависящим от воли настоятеля. Нездоровое пристрастие к бичеванию, можно сказать, результат «демократизации» этой «дисциплины».

В дальнейшем мы обратимся к «Уголовному кодексу» монахов, а именно к главе, посвященной вопросам управления. Теперь же мы только заметим, насколько несправедливо судить о степени и качестве соблюдения устава на основе чтения лишь докладов инспекции и сборников обычаев. Каков же был процент малых и больших правонарушений, «индекс преступности», в том сообществе, которое было подчинено самой суровой дисциплине и в разные эпохи насчитывало от нескольких десятков до тысяч человек? Даже если бы мы располагали точными цифрами, то все равно было бы трудно оценить настоящий пафос монашеской жизни тех далеких веков. Ведь столько факторов могли приметаться и ужесточить наказание за грехи: настоятель оказался строгим и придирчивым, или же это был настоятель, с возрастом сделавшийся снисходительным, а возможная болезнь усугубила усталость, или влияние оказал сам век.....

В итоге можно согласиться с Жаком Урлье, что за исключением некоторых серьезных, тяжелых случаях обернувшихся скандалом, все-таки даже в самые смутные времена число и тяжесть прегрешений, совершенных монахами, неизменно значительно ниже в сравнении с преступлениями мирян. На протяжении веков монашество было нравственной элитой в глазах всех остальных слоев населения.

В этом факте нет ничего необычного. Добровольность вступления в монастырь, верность взятым на себя обязательствам (я употребляю это более понятное для наших современников слово вместо прекрасного старого слова «обет»), приверженность (хотя порой и слабая) регламентированной жизни, постоянный контроль со стороны «малой группы», которая непрерывно окружала, обволакивала каждого из своих членов, пылкое благоговение, воодушевлявшее людей той эпохи, которым, следует напомнить, был присущ страх перед преисподней, — все это, несомненно, объясняло высокую нравственность поведения и поступков монашества, причем не только из боязни наказания. «Похвальная жизнь», — говорили картезианцы о достойно прожившем свою жизнь монахе. И эта формулировка применима к огромному большинству тех, кто прожил свою жизнь в соблюдении устава и в послушании своему аббату.

Умерщвление плоти

Некоторые примеры как индивидуальной, так и коллективной практики умерщвления плоти, вмнявшиеся в обязанность уставом и обычаями, все еще продолжают представлять интерес. А пример подвига некоторых аскетов при всей их героичности или, может быть, именно благодаря этой героичности, всегда достоин подражания.

И этот пример, как следует отметить, особенно сильно поражал воображение умов грубых, недоверчивых и простых. Ему следовали люди, тело и душа которых с детства были привычны к постам, терпеливому превозмоганию бед, к холоду и голоду, к неизлечимым болезням, к бесчисленным превратностям социальной жизни.

Вот почему истовая вера монахов часто приводила к крайностям из благочестия, к поведению дервишей, к действиям, в которых отчасти проглядывал мазохизм.

Не будем останавливать внимание на прутьях с шипами или на горячих углях, на которые ложатся, дабы победить «страсти». Или на чтении наизусть всей Псалтири с крестообразно раскинутыми руками (*crucis vigilia*), так что у практиковавших это ирландских монахов само слово «*figill*» в итоге стало обозначать «молитву». Но что сказать о могильной яме, куда ежедневно после канонического третьего часа бросают горсть земли аббат и монахи бригиттинского ордена, чтобы всегда помнить о приближении смерти? Или о гробе, который с той же целью поставлен у входа в их храм? Этому ордену было на что опираться. Его основательница, св. Бригитта Шведская (XIV век) — единственная шведская святая — «каплю за каплей проливали на свое тело горячий воск, чтобы таким образом памятовать о страданиях

Сына Божьего» (Элио). Конечно, следует признать, что между каплями горячего воска и Голгофой есть немалая разница. Для нас же главное – уяснить, к каким странным упражнениям может привести людей стремление умертвить свою плоть.

У валломброзанцев новиици⁴ должны были голыми руками вычистить свинарник. Давая обет, они в течение трех дней в облачении лежали распростертыми на полу неподвижно и храня «сугубое молчание». Это именно устав, плод коллективного опыта, а не индивидуальное воображение. Но результат тот же.

Другой аспект монашеской веры и того тщательного соблюдения порожденных ею правил: в аббатстве Бек, если пресуществленное вино, кровь Иисуса Христа, проливалось на камень или на дерево, то нужно было соскрести это пятно, смыть его, а эту воду выпить. Точно так же следовало выпить воду после стирки одежды, на которую попало это вино.

Вера в реальное присутствие Иисуса Христа на Божественной литургии была необычайно сильна. Кальме рассказывает об обычае, существовавшем в церкви еще в его время: причастившимся прихожанам давали по кусочку хлеба и глотку вина, чтобы ни одна частица святого причастия не выпала изо рта и была запита.

Исповедь

К середине XI века исповедь еще сохраняла в себе некоторые черты древнего таинства, а именно, открытость перед духовным отцом, форму публичного покаяния, ритуал примирения с ближними и с самим собой без вмешательства священника.

В XII веке исповедь обогатилась благодаря тому, что религиозная жизнь стала более внутренней, связанной с расцветом индивидуальной личности. Исповедь означала эсхатологическое предвосхищение Страшного суда и одновременно прославление Бога, признание перед Ним своих грехов – перед Единым Безгрешным. Во второй половине XII века и в XIII веке исповедь сделалась обязательной, что дало повод формального отношения к ней. Тогда же была разработана умозрительная доктрина таинства исповеди, определявшая предмет самой исповеди, частоту ее совершения, процедуру проведения, священника, который может принять ту или иную исповедь, и т. п. В монашеских орденах исповедь считалась обязанностью. Визитаторы и капитулы контролировали строгое соблюдение ее правил.

«Повседневность»

Чем занимался картезианец вне того дела, которое в его глазах было самым главным, – то есть вне богослужения и частной молитвы? Он вел хозяйство, поддерживал огонь, занимался интеллектуальной и художественной деятельностью: переписывал рукописи, раскрашивал гравюры, сличал копии с подлинниками, переплетал книги. Ради поддержания здоровья, чтобы телесно быть в состоянии выполнять свои духовные обязанности, монах также работал физически: «трудился в саду, строгал, колол дрова»... Заготовка дров была традиционным занятием в Шартрез: за эту работу брались, когда усталость глаз, головная боль или утомление от долгого сидения на одном месте вызывали потребность «развеемся», как говаривали в XVIII веке. Еще следовало «избегать интереса к физическому труду – хранить себя от привязанности к физической работе: чем меньше к ней привязан и чем больше видишь в ней развлечение, тем более сохраняешь свою свободу».

В феодальном мире важным являлся вопрос о том, ходить ли пешком или ездить верхом на лошади. К тому же в некоторых орденах было довольно много монахов благородного происхождения. Ходить пешком пристало простолюдинам, а ездить на осле, как тринитарии-матюрены, или на муле, как кармелиты, значило проявлять большее смирение. Папа Гонорий III в 1256 году разрешил монахам ездить верхом. «Позволительно ли монахам ездить верхом, сообразно ли это уставу и достоинству?» – вопрошали визитаторы Ключи. И

⁴ те, кто готовится к принятию пострига. (Прим. ред.)

ответ им последовал утвердительный: «Конечно же».

Но все было не столь ясно и понятно. Те же самые визитаторы монастыря (в 1291 году) упоминают об одном монахе, имевшем лошадь и постоянно разъезжавшем на ней. Орден поручил настоятелю отобрать ее у монаха.

В тексте, приведенном Монже и датированном 1407 годом, говорится о дороге, по которой монахи (речь шла о картезианцах Дижона) «могут ходить пешком и ездить верхом денно и ночью, когда им заблагорассудится», – выражение, само по себе производящее весьма забавное впечатление.

Что же касается игр, то в монастырях они были запрещены даже в моменты отдыха. Не дозволялось играть даже в шахматы или в трик-трак. Разрешались (у тамплиеров) лишь игра в классы (разновидность настольной игры с фишками) и некоторые другие подобные игры. Но, разумеется, никаких ставок. Игра в кости расценивалась в Ключни как преступление, влекущее за собой отлучение от церкви наряду с такими грехами, как... содомия, обращение к гражданскому суду или ссылка на несуществующие долги...

Разнообразие обычаев в монастырях

Вопреки общим почти для всех обычаям, но в то же время в соответствии с тем, как это делалось в Монте-Кассино, аббатство Бек не допускало, чтобы в неделю ваий (Вход Господень в Иерусалим) на богослужении держали пальмовые ветви, в день Введения во храм Пресвятой Богородицы в руках были свечи, а в Пепельную среду⁵ (среда первой недели Великого поста) использовался пепел. От иных монастырей своего времени аббатство Бек отличалось и в другом: там не соблюдали ритуала Погребения Плащаницы в Страстную пятницу, процессии ко Гробу Господню, представления трех Марий, жен-мироносиц, в Пасхальное утро – всех тех церемоний, которые проводились (для большего воздействия на прихожан) в Дареме, Сен-Ванне, Сент-Уене, в Германии. Сестра М. П. Дикинсон, ученый комментатор сборника обычаев в аббатстве Бек, добавляет: «Присутствие Тела Христова во время шествия в Вербное воскресенье не умаляется отказом от таких обычаев, как Осанна в аббатстве Фруттуария, Спаситель в Сен-Ванне, Гроб Господень в Фекане, порожденных заботой о замене реальностью духовных образов».

Аббатство Бек отказывалось также от обычаев, принятых в Ключни: например, в три Пасхальных дня огонь зажигали в самом монастыре, что было менее эффектно (но более эффективно), нежели принародное добывание огня посредством берилла (увеличительного «стекла»), как это делалось в Ключни.

Широко были распространены и другие обычаи: например, от св. Бенедикта Аньянского шла традиция читать после ужина Miserere⁶, и этот обычай сохранился до наших дней. Тот же святой придал вполне определенный облик первому каноническому часу: чтение мартиролога, отрывка из устава, трех молитв – Deus in adjutorium (90-й Псалом), Gloria, Kyrie⁷, а затем следовал обвинительный капитул.

Каждая конгрегация и каждый монастырь устанавливали свои собственные обычаи, несмотря на торжественное принятие решений на общих капитулах. Разнообразие присуще человеческой природе в такой же степени, как и приверженность к регулярности. Можно предположить, что монахи совершенно осознанно вводили в обиход тот или иной обычай, будто бы наилучшим образом отвечавший духу благочестия. Однако, в подобного рода исканиях преступалась грань разумного, поскольку накопление новаций порой перегружало

⁵ Свое название получила по традиционному церковному обряду: во время молитвы в церкви священник посылает головы верующих пеплом со словами: «Memento homo, quia pulvis es et in pulverem reverteris» («Помни человек, что ты есть прах и во прах обратишься»), (прим. ред.)

⁶ Сжался (лат.) – Помилуй мя Боже... – начало 50-го псалма

⁷ Бог в помощь (лат.); Слава (лат.); Господи помилуй – Kyrie eleison (греч.).

распорядок дня и, вне всякого сомнения, вело от благочестия к «благочестиям». Например, иногда требовалось прочесть столько псалмов, что уже не оставалось времени ни на личную молитву, ни на размышления, ни даже на частную мессу, да и само чтение Псалтири получалось механическим и бездушным. Вот с чем трудно смириться: в Клуни в течение одного дня было принято читать такое количество псалмов, какое св. Бенедикт предусматривал на целую неделю! Отсюда и стремление цистерцианцев, премонстрантов, картезианцев, валломброзанцев и некоторых других вновь обрести путь к размышлению, к «обдумыванию» Божественного закона, к внутреннему молчанию.

А так же путь к ежедневной и частной мессе, обычно служившейся с XI века, но еще не сделавшейся общей для всех даже к XIII веку. Нередко случалось, что причащение совершали в качестве альтернативы мессе. Во всяком случае, в X веке Уставное согласие (Regularis Concordia) призывало монахов причащаться ежедневно. Цистерцианские установления предписывали монахам, которые не являлись священниками, причащаться один раз в неделю (по воскресеньям), а братьям-мирянам – семь раз в год. Даже те, кто не был священником, причащались Кровью и Телом Господним, когда «священник, совершающий богослужение, либо дает испить несколько капель Святой Крови при помощи золотой трубочки, либо погружает Тело Господне в потир». Евхаристия поистине занимает исключительно важное место в духовной жизни монастыря: умирающий, соборовавшийся и получивший предсмертное причастие, каждый последующий день, пока он жив, участвует в евхаристии.

Для создания обители нужны все

Наиболее ошибочным является представление о повседневной жизни монахов как о чем-то необъятном и давящем, механически однообразном в тягучести дней.

Пусть даже все францискацы (или трапписты, или доминиканцы) представляют собой некое «подобие семьи» как дети одних родителей, все равно они личности, каждый в отдельности, и чаще всего – ярко выраженные индивидуальности со своими слабостями и достоинствами. Ибо ни устав, ни послушание никогда не могут превратить людей в роботов. Каждый человек уникален и физически, и духовно. Поэтому монастырь объединяет в себе огромное разнообразие человеческих типов. Чтобы наилучшим образом описать это, я процитирую строки письма доминиканца, которому посвящена моя книга. Он приводит в пример прежде всего слова настоятеля траппистов:

«Аббатство напоминает оркестр, и в нем есть все: скрипки, которые звучат согласно, духовые инструменты, внезапно вторгающиеся в общую мелодию; есть саксофон, а в углу кто-нибудь из младших держит музыкальный треугольник, спрашивая, зачем он нужен... В аббатстве есть свой лентяй, брюзга, аккуратист, рассеянный, усердный в благочестии, готовый обманываться, льстец, ученый, на все руки мастер, энтузиаст (несколько наивный, даже простачок, но такой славный), нытик. Есть трудный монах, нуждающийся в том, чтобы им занимались отдельно, и который под разными предлогами идет к Полю или Жаку „пообщаться“. Есть свой ворчун, необычайно услужливый; есть самый преданный и самый неумелый, огорчающийся, когда у него не просят помощи; есть такой, который считает себя психом, и это вынужден терпеть отец-настоятель во избежание худшего, и этот псих едва ли служит общему благу; есть юный певчий (с красивым голосом), которому еще предстоит подавить в себе плохо сдерживаемое желание власти... Есть неисправимый отстающий, есть вспыльчивый, есть вечно надутый... Случаются недоразумения, а иногда в тиши дух тьмы нашептывает, что отец такой-то пожелал вас. Есть тот, кто негодует по поводу всего, что выходит за пределы нормы, и слишком явно выражает свое негодование. Есть тот, кто („с добрыми намерениями“) прячет какой-нибудь инструмент или книгу, чтобы пользоваться ими самому. Есть растяпа, который ничего не кладет на место».

Эта зарисовка, этот живой набросок относится к недавнему времени; однако есть все основания полагать, что это действительно и для средневекового периода. Мой корреспондент, обладающий многолетним опытом и настроенный на философский лад, добавляет:

«У каждого в обители есть своя странность, недостаток, повторяемые ошибки, „жало в плоть“ (2 Кор., 12:7). Это может быть заметно, а может и храниться в тайне, но подчас это

длится всю жизнь... Оставив в стороне интимный аспект совместной жизни, – заключает он, – можно сказать, что есть общие испытания, общее терпение, общая радость. Все то, что находят в долгой совместной жизни».

Это позволит нам немного лучше понять, что же такое повседневная жизнь людей, собравшихся под одной крышей, в одном аббатстве. Это жизнь сообща, которая заставляет монаха в молчании терпеливо выносить странности, недостатки, грехи немощи всех и каждого, – все то, что постоянно возвращается и усиливается в течение жизни. Это также жизнь «повседневная, проживаемая в повседневности», и одна из сторон той «брани», которую монах должен каждое мгновение вести с самим собой, со своим нетерпением, своим негодованием, своими вспышками гнева, своим изнеможением! Чтобы в нем самом умер плотский человек со страстями, с земными привязанностями и слабостями, со всем тем, что препятствует духовному восхождению во всей его полноте. Ради достижения «смерти в себе».

Молчание и язык жестов

Молчание не везде и не всегда обязательно. К примеру, у гильбертинцев кузнецы могут разговаривать в трапезной, но вряд ли им позволено нарушать безмолвие в кузнице. Однако, в общем и целом, склонность к безмолвию и желание соблюдать его присутствуют повсюду. В редких уставах и сборниках обычаев не найдется главы, посвященной молчанию. Лишь молитвенное обращение к Богу (*opus Dei*) отверзает уста, и звук голосов приобретает только больше значения. В остальном же «замкнутые уста есть условие покоя сердца». «Молчание – мать всех Добродетелей». Но если необходимо заговорить, то сделать это следует безо всякой гордыни. Разумеется, любые шуточки и неприличные истории везде и повсюду подвергаются осуждению.

Сборники обычаев требуют наиболее полного молчания в храме, в трапезной, в спальне, во внутренних монастырских галереях. После повечерия наступает тишина, которая еще и в наши дни остается одним из самых трогательных моментов дня в монастыре. Даже такие действия, как стрижка волос, кровопускание, омовение, выпечка просфор, должны совершаться в совершенной тишине, словно в комнате нет ни одного брата, как гласит устав Учителя. Текст аббатства Бек подчеркивает, что тишина должна быть такой, чтобы нельзя было даже услышать поскрипывания пера переписчика. «Чтобы никто не читал (в Средние века читали, тихо произнося слова вслух) и не пел, если только безмолвно... И чтобы каждый повторял псалмы про себя». Соблюдалось ли это предписание? Трудно узнать, и также трудно в это поверить. Во всяком случае, визитаторы Ключни отмечали, что в четырех главных местах, где требовалось соблюдение безмолвия, оно выполнялось не всегда.

Совместная жизнь предполагает словесное общение. И чтобы не нарушать безмолвия обители, использовали либо деревянную дощечку, покрытую воском (ее монахи носили на поясе), либо язык жестов.

Три сборника обычаев: Бернара из Ключни, Ульриха и Вильгельма из Гирсау (все относятся к XI веку) сообщают нам о таком языке. Эти маленькие словарики достаточно забавны прежде всего потому, что из них видно, какие предметы или блюда были наиболее употребительны и какие персонажи наиболее известны, а, кроме того, еще и потому, что символика этих жестов столь наивна и бесхитростна, что вызывает невольную улыбку.

В Ключни насчитывалось 35 жестов для описания пищи, 37 – для людей, 22 – для одежды, 20 – для богослужения и т. д. Хотите пару примеров? Вот обозначение молока: монах кладет мизинец в рот, как делают дети. Простой хлеб: большим пальцем руки рисуют круг, прижав к этому пальцу два других. Пирог: на ладони изображают крест, ибо пирог делят на части. Есть и знаки, позволяющие распознать, из чего этот хлеб – ржаной, пшеничный или из овса; то же самое по поводу вина: с травами ли оно, с пряностями или с медом, белое или красное. Одним и тем же жестом обозначаются форель и женщина: провести пальцем от одной брови к другой. Этот жест напоминает собой головную повязку женщины. Но при чем здесь форель? Дело в том, что она женского рода (как, впрочем, и другие рыбы)! Тот же знак служил для обозначения Пресвятой Девы Марии.

Язык жестов не был единым во всех монашеских орденах. Так, жесты Ключни столь же

непонятны для гранмонтанцев, как для нас чуждый иностранный язык. В Ключни говорили «горчица», прижимая первую фалангу мизинца к большому пальцу, а гранмонтанцы сжимали пальцами нос и приподнимали их; другие же монахи помешивали пальцами одной руки в другой руке, собранной в горсть, что обозначало соус, приготовляемый поваром. У конверзов⁸ существовал свой язык жестов, который в основном описывал различные сельскохозяйственные работы. Нас уверяют, что язык жестов не содержал никаких шутливых знаков или фривольных по смыслу. Невинные души могут верить в это, но была ли потребность выразить нечто подобное? Сие заставляет задуматься.

Но, как бы то ни было, тот факт, что монахи разговаривают при помощи рук, долгое время производил впечатление на общество, усматривавшее здесь нечто сакральное. Общество изумлялось не менее жонглера из Нотр-Дам, словами поэта поведавшего следующее:

Коль вы в этот орден придете,
То людей столь великих найдете:
Лишь знаки делают один другому
И не молвят устами ни слова,
И верно, вполне, несомненно,
Не говорят они по-иному.

Измерение времени

Бенедиктинский устав тщательно делит день монаха на определенные части. Пунктуальность – вот главная добродетель, и всякое, даже малейшее, отступление от этого требования должно быть объявлено на обвинительном капитуле. В отличие от сельских жителей монахи придавали большее значение отсчету времени. Но как это сделать за неимением часов?

Первое требование устава Учителя предписывает вставать зимой до петушиного пения, а летом – как раз в тот момент, когда поет петух. Так же измеряли время наемники и ландскнехты. Прибегали также к помощи небесных светил. Мы располагаем весьма любопытным сборником «Монастырские звездные часы» (*Horologium stellate monasticum*). В нем рекомендуется находиться в определенном месте монастырского сада в нескольких шагах от куста можжевельника, откуда можно видеть два-три окна общей спальни. Когда же появляется та или иная звезда, наступает время либо звонить в колокол и будить монахов, либо зажигать светильники в церкви, либо сразу будить монахов, начиная с аббата, почтительно обратившись к настоятелю: «Господи, уста мои отверзеши» и, как сообщает Кальме, потянув его за ступни! Однако понятно, что такой способ определения времени суток был весьма неточен. Прибегали и к иным, впрочем, столь же ненадежным средствам: наблюдали за длиной тени, которая то увеличивалась, то уменьшалась; читали псалмы (при условии, что монахи не будут петь слишком быстро); использовали горящую свечу и, конечно же, клепсидру или водяные часы; песочные часы, солнечные циферблаты, на которых обычно писали латинское изречение: «*Non numero horas nisi serenas*», имевшее двойной смысл: «Отсчитываю лишь часы светлого времени суток» или «Отсчитываю лишь светлые (счастливые) часы».

А в результате все это оборачивалось тем, что «брат Жак» никогда вовремя не звонил к заутрене...

Подобные недоразумения происходили часто, судя по тому, что в Ключни задавались вопросом: что следует делать, если по небрежности монаха-«будильника» братия разбужена слишком рано? «Все должны оставаться в постели до тех пор, – гласит текст, – пока не станет возможным читать при свете дня».

Затем изобрели механические водяные и песочные часы. В одном из писем, посланных из

⁸ Конверзы («обращенные») принимали часть монашеских обетов, но не постриг, и жили отдельно от братии. Обет послушания обязывал конверзов работать столь долго, сколько требовал аббат. (Прим. ред.)

картезианского монастыря в Порте около 1150 года, сообщается о часах, которые заводили «в тот момент, когда можно было начинать читать». Эти часы показывали время до 18.30 – дневное время, а на ночь оставалось 10 часов. В целом сутки по этим часам длились 28 с половиной часов. И на самом деле, в те века привычно пользовались «часами» различной длительности, тем не менее все они назывались часами. Так, картезианский час соответствовал примерно 50 минутам современного часа, хотя такое сравнение является несколько смелым.

Герберт из Ориньяка, позднее ставший папой под именем Сильвестра II (скончался в 1003 году), скорее всего усовершенствовал именно водяные часы: он будто бы изобрел часы, которые «регулирувались сообразно движению небесных светил». Однако сомнительно, чтобы это были именно современные часы с гириями, механизмом, балансом и ходом. Такие современные часы появятся только в XIII веке, когда для городских торговцев время станет равноценно деньгам.

Для монахов отсчет времени был очень важен, поэтому вовсе не удивительно, что они способствовали усовершенствованию часов. Искусство часовых дел, пишет Шмиц, имело наиболее ревностных попечителей в лице аббатств и в частности, что очень показательно, аббатства Форе-Нуар. Текст, примерно 50 года, под названием «Картина мира» восхваляет часы, которые днем и ночью отмеряют время «молитв, регулярность которых столь приятна Богу». Автор текста полагает (для того времени весьма передовая мысль), что лучше было бы исполнять все предназначенное в жизни, в том числе и вкушать пищу, «в установленный час», потому что «тогда проживешь дольше». Изобретение этого чуда приписывали Птолемею:

Именно он изобрел впервой
Древнейший прибор часовой.

Таким образом, в XIII веке идея регулярности была тесно связана с монашеской жизнью.

Так протекают часы...

Так протекают часы, слагаясь в дни, а дни эти беспрестанно меняются в согласии с изменениями годового богослужения. Нет ничего более размеренного и однообразного, чем монашеская жизнь. Стать монахом – значит, отказаться от ритмов нашего времени, взять на себя обеты независимо от временных и интеллектуальных перемен.

«Посвященное время, – пишет профессор Луиджи Ломбарди Валлаури в необычайно насыщенной статье, – вечность, переживаемая во времени... Это „взвешенное“ время... По отношению к мирскому времени (к нашему времени) время послушания – это нечто тихое, спокойное, будничное. Поскольку я не располагаю будущим (по крайней мере, в том смысле, в котором мы его понимаем), то я весь в настоящем... я никуда не спешу... я в буквальном смысле не могу терять свое время...

И само время богослужения гораздо больше является продолжением знаменательных „времен“ сонаты или симфонии, нежели серии отмеряемых мгновений ньютоновского времени. Это время, в котором качество главенствует над количеством (я подчеркиваю)... это время... является живой сутью (или „силой“) изменений».

Используя более современную метафору, я могу сказать, что монашеское время по отношению к нашей жизни является тем же, чем джазовый свинг по отношению к метроному.

Повседневная жизнь монаха не есть повседневная в банальном смысле этого слова, в смысле монотонности. Нет, это драматичная жизнь в изначальном понимании этого слова, то есть активно переживаемая в различных и постоянно меняющихся ритмах, в которых заключены также и другие ритмы, как внешние, так и внутренние. В целом, вопреки расхожему мнению, нет ничего более далекого от пресловутого образа жизни типа «метро – работа – сон», чем монашеская жизнь.

Попытаемся проникнуть в эту жизнь. Первый большой этап – месса с ночными и дневными каноническими часами, чередование праздников – святых и Господних – с их

октавами⁹, «в коих оживают величие и таинство». Так протекает год, «квадрига мира», в ритме времен года, о которых Алкуин говорил, что зима – «изгнание лета», весна – «художник земли», осень – «житница года».

В основной ритм, содержащий почти растительный образ непрерывности жизни, вплетаются ритмы общей жизни: работа в разные времена года, события, возникающие в общежительной жизни, вроде прибытия паломников, путешественников, монахов; появление новициев; рукоположение священников; годовщина обращения того или иного монаха (цветок перед чашей старого монаха; отец-настоятель велит принести стакан вина тому, кто «родился»; этот обычай сохранялся еще полвека тому назад, и все монахи в глубокой тишине радовались этому событию). Затем течение дней болезни, кончина, погребение.

Ко всему этому присоединяются отмеченные этими же событиями, но, тем не менее, самостоятельные движения внутренней жизни, духовная брань – ведущаяся с переменным успехом борьба против природной немощи человека, против его слабостей и изнеможения. Нападения духов тьмы, но также часы радости и света, время внутреннего мира даже в самой борьбе. Возможность всеобщей победы коллективной и индивидуальной жизни монашества. Но победа никогда не бывает всеобщей, постоянной или гарантированной. А по мере того как эта жизнь требует усилий, превышающих обычные силы человека, возникает все больше предпосылок к поражению. И падение тем тяжелее, чем выше поставленные цели.

Но в целом, со всеми высотами и пропастями, с подчас очень тяжким грузом общежительного существования и требований послушания, монашеская жизнь – это радость, радость полная и совершенная. Надо быть очень наивным, чтобы с удивлением написать, как тот журналист: «За пятнадцать дней я ни разу не заметил премонастранта с очевидными признаками меланхолии». И далее: «Никогда я не знал людей более радостных, открытых, менее одиноких, чем эти „отшельники“ в келиях». Я могу привести свидетельство из собственного опыта: повсюду я встречал самую откровенную радость, внимание к любому человеку, сладость человеческой нежности. Какое же облегчение встретить людей улыбающихся, приветливых с самого утра, которые не считают себя обязанными, как многие наши современники, жаловаться уже за завтраком.

Еще несколько цитат, чтобы пояснить мою мысль. Вот отрывок из размышлений картезианца Гига: «Горе тому, для кого счастье и удовольствие имеют конец и начало». Еще один отрывок прекрасный и глубокий: «Лесные орехи и ежевика сами по себе являются лакомыми, а разве истина, хлеб – нет? поэтому любят истину и мир, а значит, Бога». И еще картезианский идеал, который я бы перевел следующим образом: «Беги от мира. Погрузись в тишину. Сумей достичь мира в душе».

Такой образ жизни, совершенно очевидно, не всем по вкусу. Гио де Провен сетует по поводу режима монахов Ключни (хотя Ключни был не самым строгим орденом):

Заставляли там меня, без вранья,
Чтоб, когда я спать хотел,
Я бы бдел,
А когда я есть хотел,
Чтобы зверский пост терпел.

Он настолько напуган одиночеством картезианцев, что даже готов отказаться от рая, если ему предстоит пребывать там в одиночестве:

Никогда б не пожелал, это точно говорю,
Одиноким-одинешеньким быть в Раю.

«В драгоценный час смерти»...

⁹ восьмидневный праздник. (Прим. ред.)

Приор в сопровождении нескольких братьев навещает больного; если есть хоть малейшая надежда на его исцеление, то настоятель читает три молитвы. Когда же надежд на выздоровление нет, братья произносят три другие молитвы, и больной уже знает, к чему готовиться. Он читает «Исповедаюсь» *Confiteor*, если в состоянии говорить сам, если же нет, то это делает за него аббат. «Если отлетающая душа готова уже разлучиться с телом» (как гласит текст из Флёрри), то братья расстилают власяницу на земле или на соломе, крестообразно посыпают ее пеплом и перекалывают на нее умирающего. Этот обычай распространен повсеместно (один только Бек составляет исключение) и нередко встречается даже у мирян.

Всех монахов предупреждают об этом при помощи трещотки, нужно, чтобы тут же собрался весь монастырь, незамедлительно оставив все дела и даже литургию, дабы все вместе сдержанно пели «Верую во единого Бога...» (*Credo in unum Deum* – Символ Веры).

Больной исповедуется аббату или приору, испрашивает прощение у всей братии за все свои прегрешения, совершенные пред ними и пред Богом, простирается перед собравшимися ниц, если нужно, поддерживаемый двумя братьями, или в мире лобызает их. Агония сопровождается особой символикой: пять ран Христа искупают грехи умирающего, происходящие от пяти чувств. Св. Эдмонд Кентерберийский, скончавшийся в 1240 году, приняв предсмертное причастие, омыл водой и вином пять ран Христа на своем распятии, которое служило ему утешением последние часы жизни, а затем осенил крестом воду, которой было совершено омовение, и благоговейно выпил ее... Дежурный монах помазал ему глаза, уши, нос, губы, руки, ступни ног, пах, поясницу и даже пупок, как пути проникновения греха. Поясницу, то есть почки, помазали потому, что они есть вместилище сладострастия у мужчин, как пупок – у женщин. Так, по крайней мере, считали монахи в Кентерберии. Умирающий причащался Телом и Кровью Господними, устремив свой взгляд на крест.

Старинные сборники предусматривали вопросы, задаваемые умирающему, вроде следующего: «Вы рады умереть в христианской вере, в одеянии монаха?» Это было мрачно и вместе с тем волнующе. Если агония затягивалась, то братия удалялась, оставляя одного монаха читать о Страстях Господних возле постели умирающего. После наступления смерти тело обмывали теплой водой в больничном помещении на специально приготовленном для этого камне (если же умирающего помазали перед смертью, то его обмывали только на третий день). Тело обмывали с ног до головы за исключением срамных частей, которые прикрывались сорочкой. Эту процедуру выполняли монахи того же ранга, что и усопший. Так, священник омылся священниками, конверз – конверзом (священники должны были вымыться перед тем, как служить мессу).

Руки умершего соединялись под куколем¹⁰, который будет потом зашит, на лицо опускался капюшон. Надевались чулки и обувь; ни одна деталь костюма не должна была болтаться. Вся одежда окуривалась ладаном и кропилась святой водой. В аббатстве Бек одежда и обувь на покойнике должны были быть совершенно новыми, ни разу не одеванными прежде. У картезианцев тело умершего клали прямо на землю, завернув в белую ткань из грубой шерсти, служившую саваном: смирение после смерти, как и при жизни. Тело в церковь вносили те же монахи, которые и омывали его. Монже повествует о тележке с трещоткой для перевозки умерших в картезианском монастыре в Дижоне. Вся братия располагалась вокруг гроба (в тех монастырях, где гроб предусматривался) или же, как у траппистов, вокруг доски, на которой лежал усопший. Зажигали два подсвечника – один у изголовья, где находился крест, а другой – в ногах. Вся братия неотлучно присутствовала у гроба, за исключением часов богослужений, капитула, принятия пищи и сна, когда у ложа покойного бодрствовали предусмотренные монахи.

Затем тело предавали земле, что сопровождалось различными молитвами, чтением псалмов в соответствии с определенной службой, которая в разных орденах проходила

¹⁰ Куколь или кугель, гугель, – средневековый капюшон, покрывающий плечи, переходя в пелерину; теплая удобная, очень популярная в XIII–XIV веках одежда, хорошо защищает от холода и к тому же украшает голову как ореол. (Прим. ред.)

по-разному в соответствии с традициями, сложившимися в течение столетий. Картезианцы над могилой кадят ладаном и кропят ее святой водой. В Эйнсхеме в могилу бросают несколько угольков из кадила, а на грудь покойнику кладут молитву об отпущении грехов и Символ Веры. Никаких цветов. Там, где гроб отсутствует, тело погребают прямо в землю, как у траппистов, или под деревянной крышкой, как у картезианцев. Настоятель первым бросает в могилу три лопаты земли. Другие монахи следуют его примеру и поют при этом молитвы до тех пор, пока земля не скроет тело целиком. После погребения (трапписты встают на колени и молят Бога быть милостивым к умершему и простить ему грехи) все возвращаются в монастырь и снимают с себя белые одеяния. Гасят свечи. Умолкают колокола. Картезианец после своей смерти удостоивается простого деревянного креста на могиле, причем анонимного. Кладбище зарастает травой, ибо стоит ли заботиться о том, что было прахом и вернулось в прах? Изредка, может быть, в одном случае из пятидесяти, орден канонизирует своего умершего монаха. Настоятели имеют право на каменный крест на могиле. Кладбище Гранд-Шартрез насчитывает 23 таких креста, 17 из которых с надписями, указывающими возраст умершего, год кончины и продолжительность его настоятельского служения. На единственном из этих крестов, кроме упомянутых сведений, начертано изречение: «Ныне прах и пепел» – напоминание о том, что осталось от человека, столь ревностного и деятельного при жизни. Крест принадлежит дому Ле Массону (1675–1703), из всех картезианских настоятелей наиболее близкому по духу Людовику XIV.

Свиток мертвых

Пища, предназначавшаяся для умершего монаха, отдавалась бедным, этим «стражам Неба», как говорил св. Одон. Эта милостыня продолжалась в Ключи, Гирсау, Кентерберии – тридцать дней, а в Германии – год.

В течение тридцати дней монахи служили поминальную службу, а также семь последующих месс. Каждый священник служил семь месс. Монахи, не являвшиеся священниками, трижды прочитывали Псалтирь. Неграмотные – семь *Miserere*, а если и этого не знают, то семь раз *Pater noster*¹¹. Так, во всяком случае, поступали в Сов-Мажер. У авелланитов смерть монаха означала семь дней поста на хлебе и воде, семь дисциплин, каждая по тысяче ударов, семьсот поклонов и тридцать раз чтение Псалтири. Если кто-то умирал, не выполнив этого правила, то оставшиеся в живых делили между собой его обязанности. У картезианцев в этой ситуации, как и в других, царят простота и умеренность: только чтение Псалтири дважды и тридцать личных месс...

«Когда умирает картезианец, о его смерти сообщают всему ордену, и, согласно древней традиции, письменное извещение указывает возраст умершего, если он был старше 80 лет, и продолжительность его пребывания в монастыре, если он провел там более 50 лет» (Гранд-Шартрез).

В каждом ордене происходило оповещение о смерти его члена. Чтобы не исписывать дорогостоящий пергамент, довольствовались тем, что один монах сообщал эту новость, переходя от монастыря к монастырю с одним экземпляром документа. Каждая обитель выражала свои соболезнования, письменно подкрепив их каким-нибудь благочестивым высказыванием или стереотипной формулировкой, иногда хвалебными стихами в адрес покойного. Иногда предавались личным размышлениям. Так, одна монахиня призналась, что «из любви» она заточила себя в темном месте и сидела на сухом хлебе и воде. Известен случай, когда некий «скороход» обошел 133 монастыря от Испании до Льежа и Маастрихта. Соболезнования после такого количества визитов располагались на огромном свитке, так называемом «свитке мертвых», более двадцати метров в длину!

¹¹ «Отче наш» (лат.).

Глава II Пища, посты и воздержание

Главное блюдо, паек и легкая закуска

По монастырским понятиям главным блюдом называется порция яиц (5–6 штук), вареный сыр, рыба, лук и прочее, предназначенное для одного монаха и подаваемое на одной тарелке. Паек (французское слово *pitance*, от латинского «*pietas*», «милосердие», «благочестие», поскольку эту еду зачастую предоставляли монахам светские ревнители благочестия) представлял собой дополнительную порцию, предназначавшуюся для двоих. Например, фунт¹² сыра, если это сырой сыр, или полфунта вареного и от 4 до 30 яиц. Паек не благословляется аббатом, как всякая прочая пища.

Монах, раздающий главные блюда и пайки, называется «питансье» или «апокризиарий». Вот история, весьма типичная для царивших в Средние века умонастроений. Установился обычай разделять средства аббатства между различными «должностными лицами», выполняющими свой круг обязанностей. Но однажды монахи выразили намерение не выдавать ежегодные средства монастырскому питансье, а вместо этого направить их на починку раки местно-чтимого святого. Как видим, прекрасный порыв самопожертвования. Однако питансье, возможно, знал человеческую натуру лучше других и опасался, что этот порыв самоотречения продлится недолго. Он упрекнул их в заведомом маловерии, ибо только маловеры могут сомневаться в способности святого помочь самому себе. К сожалению, мы не знаем, чем закончился этот спор.

Микстум (*mixtum*), вкушаемый после утрени или вечера, состоит из хлеба и вина (или пива): четверть или фунт хлеба, пинта вина. Микстум предназначается для чтеца, работников на кухне, детей, больных, стариков, а также монахов, которые перенесли кровопускание.

Словом «жюстис» (*justice*, что по-французски означает «справедливость») называется сосуд, которым отмеряли вино для каждого. «Жюстис» аббата ежедневно мыл дежурный монах.

Легкая закуска (*collation*), краюха хлеба и стакан вина, предназначается для монахов по вечерам в дни поста после чтения «Аналгий» («*Collationes*») Кассиана (по Уставу св. Бенедикта, XLII).

Трудно определить смысл слова «*pulmentium*». Чаще всего это каша, перловка или овсянка, если не из бобовых. Вероятно, вкусная. Чудесный итальянский томик из коллекции «Минибокка», озаглавленный «*Dom Minestra*», содержит несколько рецептов монастырских *minestre*, первых блюд на основе бобов, чечевицы или земляной груши, капусты, спаржи или цикория, листовой свеклы или шпината, базилика и кервеля: суп по-бенедиктински, монастырский суп, монастырская чечевица, перловый суп по-францискански, бобовый суп братьев-рагузенов и многое другое.

Меню монахов

С течением веков в разных орденах и разных регионах меню претерпевает сильные изменения. Нужно также иметь в виду, что братия могла делать в этой области лишь свои первые шаги. Пионеры кулинарии довольствовались малым, своего рода поварской начальной подготовкой, осваивая достижения предшественников, и останавливались на этом. Кроме того, в разных монастырях меню зависит от праздников и времен года. Но, несмотря на такое разнообразие, любой монастырский режим питания задуман как система отказа, поста и воздержания. Всем известны «опыт и испытания отказом» (Р. Рюиер), без которых в жизни не бывает великих свершений.

Этот «опыт отказа» различен и многообразен. Он может выражаться в скудости рациона,

¹² Европейский фунт равен примерно 453,5 г. (Прим. ред.)

состоящего из сухого хлеба и воды три раза в неделю, из простой и однообразной пищи, в полном отказе от жирной и мясной пищи, от завтрака, нарушающего пост, в том, что обедают в три-четыре часа во второй половине дня, тогда как монахи поднимаются в полночь, или же это единственная трапеза за целый день. Уместно отметить, что первые признаки послаблений всегда проявляются в режиме питания.

У истоков гастрономии

И все же монастырская кухня невольно оказалась колыбелью гастрономии. «К концу эпохи Меровингов монастыри, эти хранители гастрономических традиций (на самом деле, следовало бы сказать: того, что оставалось от галло-римской цивилизации), распространяются по всей Франции (и в других местах) и способствуют развитию кулинарии», – написано в гастрономическом словаре. Факт этот менее удивителен, чем кажется таковым. Монахи были людьми, любившими хороший стол, а иначе как объяснить грозные запреты уставов и сборников обычаев (и также их нарушения)? С другой стороны, вынужденные соблюдать строгую диету, есть однообразную пищу и вместе с тем из желания отметить праздники особыми кушаньями, монахи совершенно естественно совершенствовали кулинарное искусство, изобретая блюда из тех немногих продуктов, какие были им разрешены (как поступали и мы во время войны); или же позволяли себе какое-нибудь лакомство по случаю Пасхи, Рождества, праздника святого основателя монастыря, по случаю дня рождения отца-настоятеля.

В период нормандского завоевания Англии (1066) один из приоров Вестминстерского аббатства убедил братию отказаться от мяса и довольствоваться рыбой; однако хронист отмечает, что сей благочестивый порыв поддерживался исключительно изысканностью рыбных блюд. Одно из таких яств из мелко нарубленной сельди и хлебного мякиша носило название «Karpie», в котором слышится английское слово *pie*, обозначающее «пирог».

Подобного рода сообщения не оставляют ни малейшего повода усомниться в утонченности монастырской «гастрономии». Тем более когда в сборнике обычаев встречаешь рекомендацию, что пиво следует подавать не слишком теплым летом и не слишком холодным зимой, а соль в солонке надо сменить, если она отсырела. Подобная скрупулезность – верный признак хорошей кухни.

Другое подтверждение этого факта можно заметить в отношении к приготовлению бобов. Сами по себе бобы были столь заурадной едой, что приготовленное из них блюдо никак не могло претендовать на какие-либо изыски. Вместе с хлебом и вином они составляли основную пищу в Средние века и все же оставались предметом неустанных забот. Бобы имели право на особое благословение наряду с виноградом, сусликом, новым хлебом. Эта повседневная пища пользовалась неустанным вниманием со стороны повара. Вот средневековый текст, переведенный Ги де Валу, в котором показывается, насколько подробными были рекомендации по поводу того, как сделать это блюдо максимально «деликатным»:

«После того как монахи-повара вымыли руки и лицо и прочли три предписанные молитвы, они моют бобы в трех водах и затем ставят их вариться на огонь в котле с водой. Когда вода закипит и появится пена, ее надо снять шумовкой и удалить бобы, всплывшие вместе с пеной на поверхность, равно как и те, что прилипли ко дну котла, ибо не следует есть подгоревшие бобы».

Когда оболочки бобов начинают раскрываться, их снимают с огня и остужают, вновь прополаскивая в трех водах. Потом их перекладывают в другую посудину с плотно закрывающейся крышкой. Бобы приправляют свиным салом и некоторое время варят еще, а затем добавляют туда другие овощи, которые тоже тщательно вымыты и отварены в кипящей воде, тогда как «холодная вода не достаточна для их употребления в пищу». Сало нужно добавлять не в процессе варки овощей, а в самом конце. Одному из поваров надлежало удостовериться в том, что бобы достаточно соленые, и в этих целях ему предписывалось их попробовать.

Сборники обычаев Ключи уточняют, что бобы не следует солить, прежде чем они окончательно не сварятся, ибо в противном случае соль испарится. Замечания подобного рода

содержит каждый сборник. Я случайно обнаружил, что тамплиеры имели обыкновение выжимать несколько капель лимонного сока не только в рыбные блюда, но также и в мясные (что еще и поныне практикуется в Италии). Вполне закономерно, что «шпинат по-целестински», названный так по имени этого монашеского ордена, известного своей строгостью, означает, по мнению Литтре, «блюдо, которое разогревали в течение нескольких последующих дней, и поэтому оно приобретало особый вкус».

Неудивительно, что один монах из строгой и ученой конгрегации бенедиктинцев Сен-Мор написал «Трактат о монашеской кухне», но, разумеется, не ради удовлетворения собственного тщеславия, а, по его словам, «дабы собрать некоторые рецепты из собственного опыта ради совершенствования повседневного питания братии и сделать это питание более вкусным». Даже в наши дни любой картезианский монах, который проявляет кулинарные способности, устраивает нечто вроде «показательных выступлений на кухне» с тем, чтобы научить своему искусству других поваров.

Раймон Дюме отмечает, что двух-трехзвездочное меню наших дней содержит, всего за несколькими включениями, те же самые кулинарные рецепты, которые применялись в средневековых монастырях, аббатствах и крупных церковных метрополиях. Удивляться этому не приходится: любое кулинарное искусство – результат традиции.

Ту же изысканность можно встретить в подборе вин. С давних времен у монахов использовалась дегустационная чаша, и они со знанием дела, обсуждали достоинства каждого из сортов вин:

Здесь – лозы Анжуйской дитя, здесь – лозы с берегов Рейна,
Вот – кубок стеклянный, вот другой – из ценного дерева.

В словах св. Бернара слышится скрытое недовольство по этому поводу: «Три или четыре раза в течение одного и того же обеда приносят наполовину наполненный кубок. Скорее под хмельком, нежели пьяные (от дегустационной чаши!), не столько пьяные, сколько подвыпившие (было бы немилосердно обвинять их), обладая тонким вкусом и принимая решения, они избирают наконец лучшее вино из многих других». В отдельных аббатствах центральный фонтан имел особый резервуар, в котором охлаждались бутылки с вином.

Везде и всюду заботились об использовании излишков, будь то мука, мед, виноград, яблоки или молоко. Поэтому монахи вынуждены были изобретать и совершенствовать методы консервации вин, печенья, пряников, сыра, сидра и меда. Профессор Ж. Клодьян пишет, что «с начала Средних веков почти весь прогресс в различных областях пищевой экономики и технологии обеспечивался настойчивыми и методичными усилиями монастырских учреждений».

Не следует ли сказать, что это происходило к великому соблазну ригористов во главе со св. Бернаром Клервоским или тех, кому были не по вкусу уроки морали, преподаваемые монахами? Впрочем, если верить некоторым свидетельствам (например, тому, что рассказывает Гийо де Провен), то и в Ключни не все было прекрасно: похоже, там могли подавать тухлые яйца, не лущеные бобы и настолько разбавленное вино, что от него становилось тошно! И в заключение надо сказать, что в этом аббатстве «пили слишком много воды».

Ключни в Маконне

Мы не собираемся описывать каждодневное меню ключнийцев, а попытаемся дать только общее представление об их питании. С этой целью воспользуемся фундаментальным трудом Ги де Валу, посвященным ключнийскому ордену.

Каждый день на обед монахи Ключни получали два блюда, в порядке уступки св. Бенедикта «слабостям всех и каждого». Так сможет насытиться любой монах. Первое блюдо – каша, а второе – овощи, «зелень» (называвшаяся также «травами») или «корешки». Под словом «зелень» следует понимать все, что произрастает под солнцем над землей: салат-латук, кресс-салат, кервель, петрушка, салат, огурцы и капуста, лук-порей. Словом же «корешки» именовалось все, что растет под землей: репа, редис, пастернак, спаржа, а позднее – морковь.

Оливье де Серр говорит, что в его время питались «нежными верхушками побегов хмеля». Вполне вероятно, что монахи, преимущественно занимавшиеся разведением этого растения, с удовольствием вкушали подобный «деликатес». А грибы? Насколько мне известно, сборники обычаев ничего не сообщают о них. Но, во всяком случае, есть упоминание об одном аббате из Клюни, который велел готовить сморчки. Дюфурк утверждает, что в Средние века трюфели варили в жире, предварительно размочив их в горячей воде, и консервировали... в уксусе. Забавный рецепт.

Не были забыты и фрукты. Наиболее известными являлись груши и яблоки, но упоминаются также лесные и грецкие орехи, мушмула и персики, клубника и вишни, смоквы, каштаны и айва. Следует вспомнить и о диких плодах: ежевике, кизиле и прочих, а также о сухофруктах, сведения о которых встречаются гораздо чаще. В период сбора винограда каждый монах получал за трапезой пять виноградных кистей. В Пепельную среду каждому канонику конгрегации выдавали тридцать фунтов миндаля – немало, надо сказать.

К таинственному блюду «pulmentum» прибавлялись пайки и главные блюда. Пайки – на второй, четвертый и шестой дни недели (либо понедельники, среды и пятницы), а обеды из главного блюда – в остальные дни. В воскресенье и четверг, а иногда и на третий день недели главное блюдо состояло из рыбы: сельдь, угорь, щука и какой-нибудь выпечки, например вафельных трубочек. Ниже мы подробнее расскажем о выпечке в монастырях.

Каждое воскресенье, за исключением тех, что приходились на Рождественский пост; кроме первого из трех воскресений до Великого поста, кроме самого Поста, а также первого дня генерального капитула и Дня Святой Троицы, готовили специальное блюдо на основе рубленного на мелкие кусочки мяса, приправленного специями и шафраном. К примеру, во второе воскресенье до Великого поста это блюдо заменялось сырным пирогом тоже с шафраном. От Пасхи до Крестовоздвижения монахи питались два раза в день. Ужин изначально состоял только из хлеба и сырых фруктов или вафельных трубочек. Позднее монахи начинают получать яйца (четыре раза в неделю) и сыр по воскресеньям, вторникам и четвергам. Но меньше, чем на обед. Во время Великого поста пайки состояли из молочного супа (в частности, из сваренного в этом супе лука-порей) и рыбы, а главные блюда за обедом – из яиц и пирогов.

Яйца

Яйца были основой пайков и главных обеденных блюд и приготавливались разнообразно – фаршированные, жареные, сваренные всмятку или «в мешочек» (в последнем случае их приправляли соусом, за исключением вечернего меню). Дети, старики, монахи после кровопускания получали двойную порцию в период от Пасхи до Крестовоздвижения. Аббат получал шесть штук на ужин, подростки – дюжину ежедневно. Лишение яиц – признак умерщвления плоти: в Великий пост клюнийцы не едят яиц за исключением сыропустной недели, когда после вечерни они получают яйца и перец. Как пишет Мартен, это бывает раз в год. Неизвестно по какой причине столь суровый орден целестинцев произвел на свет «омлет по-целестински» – кулинарное чудо, очень плотное и сочное, с розовой водой, подслащенное, но без конфитюра.

Вариации на ту же тему

Таков в общих чертах режим питания клюнийского ордена. Несколько рецептов из жизни других орденов продемонстрируют неистощимость человеческой изобретательности в деле приготовления пищи.

Меню камальдолийцев, после смягчения их уставных требований, состояло из «менестры» на основе яиц и сыра (отсюда итальянская «минестра»); кроме того, из пайков по 35 яиц максимум и из рыбы – около 300 г свежей рыбы или же 125 соленой. Очень строгий режим монахов из аббатства Бек давал право на общий паек в день избрания аббата или приора. Сильвестринцы терпели в своем рационе наличие яиц и молочных продуктов, за исключением пятниц и дней поста, установленных Церковью, а также во время путешествий. Бенедиктинцы имели одно дозволенное исключение, нарушающее установленный режим «ради поддержания

здоровья или в случае длительных путешествий».

Мясо

Одна из принципиальных особенностей всех монашеских уставов – это запрет на мясо, ибо мясо разжигает страсти и сластолюбие. К тому же оно дорого стоит и поэтому противоречит обету бедности. Короче, оно мешает вести жизнь, исключительно духовную и молитвенную.

В своей книге «Европа за столом» я задавался вопросом: нет ли в этом запрете тоски по утраченному раю? Адам и Ева были вегетарианцами. И в самом деле, Бог разрешил (да и то с известными оговорками) употреблять мясо в пищу только после Потопа, «ибо помышление сердца человеческого – зло от юности его» (Бытие, 8: 21). А в конце дней после второго пришествия Мессии, когда утвердится Царство Небесное с его естественным плодородием почв, всеобщим разоружением и вечным миром, человек вернется к первобытному состоянию своей невинности и вегетарианскому образу жизни (Исаия, 11:6 и 7).

Запрет на мясо, впрочем, никогда не воспринимался обществом положительно. «Неужто грешно употреблять любую пищу?» – вопрошал в XII веке Сидрак. «Ваше молоко, ваше масло, ваш сыр возбуждают», – возражал другой автор. И все же, по утверждению Гийо де Провена, «из опыта всех, кто это знает, именно молоко, масло и сыр разжигают сладострастие сильнее, нежели мясо животных»... Иные авторы напоминают о климатических условиях, объясняя, почему в деле умерщвления плоти они не заходят так далеко, как святые отцы-пустынники: «Если Киринаянин и способен питаться лишь вареными травами и перловым хлебом, то к этому его приучила природа и необходимость», – пишет монах из аббатства Лигюже, добавляя: «Но мы, галлы, не в состоянии вести ангельский образ жизни».

Как бы то ни было, св. Бенедикт формально запрещает мясо животных, позволяя принимать его в пищу только тяжелобольным. А это врата, открытые искушению: кто же не захочет почувствовать себя хоть немножко больным, особенно если известно, что в больнице он имеет право на бульон с цыпленком?

Картезианцы, лучшие знатоки человеческих слабостей, решили раз и навсегда, «самочинно, добровольно, без принуждения», как гласит «единодушное и обжалованию не подлежащее» решение генерального капитула 1254 года, постановили, что никто, ни под каким предлогом, ни больной, ни уставший или умирающий не имеет права на мясо, хотя бы домашней птицы. Они даже отказались от предложенных им смягченных условий папы Урбана V (1362–1370), ответив следующим образом: «Если больные начнут есть мясо, то следует опасаться, что многие другие тоже захотят счесть себя заболевшими, а если они больны на самом деле, захотят воспользоваться своей болезнью». Больница будет постоянно полной, а церковь – пустой...

Запрещалось мясо четвероногих животных, но дичь как таковая не имела в виду. Действительно, довольно многие комментаторы выражают мнение, что птицы, в том числе не водоплавающие, – менее «мясо», чем прочие животные, ибо они были сотворены в один день с рыбами, потому-то в первые века христианства и дозволялось вкушать их. Но затем все вернулось на круги своя, и дичь запретили всем, за исключением больных. Да и те после выздоровления обязаны были испрашивать прощение на капитуле.

У монахов ордена Атриж любое мясо запрещалось настолько строго, что они не имели права питаться в монастырях других орденов, где мясо разрешалось больным, даже наличие костей на кухне заставляло их уйти. Еще более разительный пример: в первое время основания Сито даже работавшим там каменщикам запрещалось есть мясо. Можно представить себе их настроение.

Тоска по мясной пище оказалась настолько гнетущей, что практически во всех орденах и конгрегациях вводились послабления этого запрета. Но стоило дать небольшую поблажку, как события принимали стремительный оборот. Начинают потреблять мясо, его разрешают есть по воскресеньям при условии, что оно получено в качестве милостыни (у тринитариев), что его потребляют, находясь в море (у кармелитов), что его вкушают после кровопускания, что оно употребляется в пищу во время праздника, как в Ключи, или за столом вместе с аббатом

находится знатный гость. В конце концов, хорош любой повод. Так что, мало-помалу, некоторые меню, особенно в Ключи, делаются обильными и мясными. Говядина – по воскресеньям, вторникам и четвергам, свинина – по понедельникам. «К мясу добавляется еще и солонина» (Ги де Валу), а по воскресеньям – мясная кулебяка. На ужин монахи получали половину жареной курицы на двоих и еще порцию жареной свинины. Другие придерживались употребления мяса, жаренного на углях, что напоминало приготовление на нашем мангале. О больных заботились еще лучше. Визитаторы в ордене Ключи следили за тем, чтобы для больных соблюдался нужный режим питания, позволяющий скоромную пищу даже в Великий пост. Иногда монахи в смущении воздерживались от скоромного перед мирянами, «из боязни скандала», даже если были больны или путешествовали. Оливетинцы постились в течение всего генерального капитула, несомненно, в память о строгих обычаях первых отцов христианства.

Любопытная деталь: пренебрегали бараниной, даже мясом молодого барашка. Баранья ножка еще не вошла в моду, ее оценят только в XV веке. Бараньи внутренности очень хороши и уместны для бедных и для учащихся, у которых обычно тоже нет лишних денег. Видимо, это касалось также печени, мозгов, любых потрохов, употребление в пищу которых было не столь обычным делом. Монахи из Сен-Пьер-де-Без отдавали говяжьи языки в лепрозорий. Не ради ли умерщвления плоти? Позволим себе усомниться в этом. Я не нашел упоминания ни об улитках, ни о лягушках. Эти исконные блюда наших далеких предков, похоже, не привлекали к себе внимания монашества.

Жир, масло и топленое сало

Св. Бенедикт разрешал использовать в качестве приправы оливковое масло: это был продукт питания, обычный в Италии. Но на севере Европы, где распространялся устав бенедиктинцев, оливковое масло – редкость и очень дорого стоит. Поэтому возник вопрос о его замене. Ореховое масло быстро делается прогорклым и придает готовому блюду неприятный вкус. Вот почему монахи часто довольствовались тем, что для приправы просто кололи сухие орехи вместо жидкого масла. Свиное сало, топленое сало, бараний жир, ореховое масло, рапс, сурепка, плоды букового дерева, миндаль, конопляное семя, маковое семя (в Центральной и Восточной Европе, в Париже оно встречалось тоже), рыбий жир (акул, китовый, морской свиньи, тунца), мясные отходы, жир жареного мяса – все это быстро приобретало популярность в кулинарном искусстве. С маслом растительного происхождения (или с рыбьим жиром) проблем не возникало: используя их, монахи не нарушали правил постного стола. Но как же быть с топленым салом или шпиком? Если верить ученому комментатору бенедиктинского устава, дому Кальме, похоже, что монахи никогда не задумывались о том, что сало действительно имеет животное происхождение. От употребления его в пищу воздерживались только пуристы, сторонники строгого соблюдения устава. Сливочное масло – тоже жир животного происхождения, использовалось в постные дни (Р. Латуш), заменяя собой топленое сало. Однако оно находило преимущественное применение в период Великого поста. В холода монахи проявляли слишком большое пристрастие к салу. Англичане ели сало каждое воскресенье – «яичница с беконом»! Немецкие монастырские тексты сообщают о свином топленом сале, приправленном укропом и другой пряной зеленью.

Действительно, на протяжении всего Средневековья люди наслаждались жирными блюдами, щедро сдобренными луком. Потребовалась строгость цистерцианцев, чтобы запретить любой вид животного жира, за исключением его использования в рационе больных. Монахи Монте-Вирджино обладали особой защитой, спасавшей их от искушения скоромным, ибо «стоило лишь появиться свечному или же любому другому жиру... как тут же сгустился мрак, и начиналась неистовая гроза со сверканьем молний и громовыми раскатами»!

Рыба

Поскольку мясо находилось под запретом, логично предположить, что его вполне была способна заменить рыба. Но все обстояло не так-то просто, ибо сказано у св. апостола Павла: «Не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб,

иная у птиц» (1 Кор., 15: 39). Это совершенно очевидно, невозможно уподобить рыбу мясу – телятине или свинине. Тем не менее такое уподобление имело место, и именно поэтому некоторые монастырские уставы запрещали и рыбу тоже, за исключением некоторых праздничных дней, когда дозволялись рыбные блюда (в конце концов, рыбой питался сам Христос со своими учениками, да и апостол Петр не мог заниматься плохим ремеслом, будучи рыбаком). Рыбу запрещалось (например, картезианцам) покупать или ловить самим; или можно покупать только в том случае, если она дешевая (в Ключни). Пылкая Элоиза не зря выговаривала Абеяру, что рыба зачастую является именно роскошью, а если уж действительно хочется жить в духе подлинной нищеты, то уж лучше тогда есть мясо!

Согласно преданию, св. Арнуль, служивший аббатом в Сен-Маре, получил от Бога рыбу тюрбо, дабы успокоить монахов, грозящихся прекратить богослужения, если в их рационе не будет рыбы. Эта история неожиданно показывает нам Небо милосердным, аббата – слабым, монахов – чересчур требовательными.

Действительно, рыба являлась одним из основных продуктов питания в Средние века, и не будет преувеличением повторить вслед за Б. Жилем, что именно рыба «спасла средневековую цивилизацию, снабжая человека жизненно необходимыми для него протеинами».

Какую же именно рыбу ели монахи? Благодаря языку жестов клюнийского ордена мы знаем наиболее распространенные тогда сорта рыбы. Прежде всего традиционной пищей служили каракатицы и сельдь, свежая и копченая; в других местах – анчоусы и сардины, которые вместе с сельдью назывались одним словом «алетта»; минога, угорь, барабуля, и вновь в Ключни – осетр и семга. Морская рыба была широко распространена в разных видах: вяленая, копченая, в опилках бука или дуба, соленая и, начиная с XV века, уложенная в бочки по изобретению голландцев.

Монахов частенько упрекали за пристрастие к изысканным сортам рыбы, обыгрывая сходство слов «царь Соломон» и «семга» («сомон» – по-французски). О таких монахах-лакомках говорили:

Толкует много о сомоне,
А надо бы о Соломоне.

Для простых монахов предусматривались две маленькие порции рыбы, для приора – три и для аббата – пять порций. По случаю праздников в Сент-Этьенн раздавали мидий: по одной для монахов, по три для детей, по дюжине – каждому из двух приоров. Аббату полагалось заказывать соус, специи и соль для приправы рыбных блюд, а также масло для жарки рыбы.

Рыбу монахи покупали (аббат из Сен-Пьер-де-ла-Кутюр-де-Мон регулярно направлял своих монахов в Бордо для закупки рыбы), ловили (в Ирландии монахи стали специалистами по ловле лосося, в Норвегии – пикши), получали от других (в 1377 году Ключни получило от приората в Аббевиле пять тысяч штук рыбы, от приората в Домпьер – две тысячи и столько же от приората Бессан).

Живорыбные садки

Как бы ни был значителен привоз морской рыбы, он все равно не мог удовлетворить потребности монастырей: в Ключни в 1386 году за Великий пост съели около 600 больших рыбин. Перед эпидемией чумы это число достигало 1700 штук. Кроме того, в те времена было сложно преодолевать большие расстояния, да и рассчитывать на стабильный улов морской рыбы – тоже ненадежно. Поэтому монахи потребляли пресноводную рыбу. И нет ничего странного, что гораздо охотнее предпочитали рыбу из прозрачной реки с каменистым дном, нежели морскую. Однако при этом сталкивались с проблемой: как обеспечить стабильное, регулярное снабжение своей кухни необходимым количеством рыбы? Не организовать ли монашеские общества рыбной ловли? Или поставить запруды? И монахи сооружали каскады живорыбных садков, обнесенных камнями, «чтобы можно было обойти их кругом», как гласит текст XV века.

В описываемых нами случаях также устанавливали большие железные решетки, весом

более 400 фунтов: «Одна из решеток как окно для воды, другая как мельничный шлюз, через который вода поступает из канала». Меняя направление русла, воду заставляли течь, куда требовалось. Аббатство цистерцианцев в Вальдсассене, основанное в 1133 году в Верхнем Пфальце, в XVI веке насчитывало 159 садков, хотя к тому времени, после Реформации, оно уже потеряло добрую часть своих владений. «Огромное количество прудов в Бренн и Бресс своим появлением обязано монахам» (Р. Гран).

Но в этих монастырских садках рыбы различных пород и возрастов жили не все вместе. В отдельных специальных садках обитали щуки, эти пресноводные акулы, в других – мальки, или специально отобранные самки и двухлетние рыбы. Монахи практиковали также искусственное оплодотворение рыбы (в Бургундии), а также зарыбление.

В аббатстве Вальдсассен производили такое количество рыбы, что монах, специально занимавшийся ее разведением, продавал оптом трехлетних рыбин, особенно карпов, которые успешно плодились в тинистых прудах. В монастырях разводили не только карпов. Сборники обычаев сообщают нам о наличии такой рыбы, как форель, усач, линь, окунь; ловили также уклейку, плотву, алозу, гольяна, хариуса, который все еще водится в Женевском озере. Упоминаются также раки. Ценились угри. Например, мельницы, подчинявшиеся аббатствам, должны были посылать в монастырь по сто штук рыбин каждая, «если есть где их ловить», и эта оговорка, очевидно, превращалась в лазейку для нерадивых.

Жителям соседних селений разрешалось ловить рыбу в реках, принадлежавших монастырям. Но это правило (в основном!) касалось только мелкой рыбешки, такой, как широколобка, гольян, а также, что, кажется удивительным в наши дни, раков и угрей. И напротив, не позволялось ловить форель и щуку, а также их мальков. Если же случайно эти рыбы были пойманы, их следовало немедленно отпустить в реку.

Сыр

«В XI веке, – пишет Робер Латуш в своей книге „Происхождение западной экономики“, – почти не затрагивался вопрос о молоке, но иногда говорилось о сыре и масле». Действительно, именно монахам мы обязаны традицией потребления сыров, причем, как мы увидим дальше, различных сортов известных и знаменитых сыров. Только сообщество высококвалифицированных мастеров способно передавать изысканные рецепты сыроварения от поколения к поколению. Такая среда существовала именно в монастырях и сельских общинах, трудившихся под руководством монахов. Кроме того, сыроварение требовало большого количества молока, что встречалось не так-то часто по причине малочисленности рогатого скота и его малой продуктивности. Однако монахи имели молоко в избытке благодаря умению разводить скот и собственной умеренности в потреблении сырого молока.

Снова тот же механизм: пост и воздержание, порядок и труд приводили к появлению излишков. Но экономические отношения еще слишком неразвиты и мало распространены, чтобы позволить себе мечтать о регулярной продаже этих излишков. Поэтому возникала проблема их сохранения и использования, и ответ напрашивался сам собой. Что же еще делать из молока, как не сыр? Из свежего молока? Из кислого? Рикотту, которой питались в Ключни? Именно этот молочный продукт хранить сложнее всего. Приходилось искать более надежные способы консервации, и таковым окажется твердый сыр.

«Переходя из одного крупного монастыря в другой – пишут Ж. Клодьян и И. Сервиль, – эта технология (сначала латинская, потом монастырская) применялась в Швейцарии, Галлии, рейнских землях, Фландрии, Великобритании». Но разве сыр – не продукт животного происхождения подобно молоку, яйцам или самому мясу? Об этом велись споры. Однако нужда вскоре заставила прийти к заключению, что молоко, хотя оно и происходит от животных, не является мясом, подобно тому, как оливковое масло – деревом, а вино – виноградной лозой. Даже цистерцианцы, будучи образцом монашеской добродетели, приняли эти хрупкие доводы.

Так что можно было увидеть, как путешествующий монах, отказываясь по пятницам от мяса, «будь то мясо четвероногих животных или дичи», вкушал за недостатком рыбы «хороший сыр, по своей жирности не уступающий мясу» (Элио). Сыр был разрешен по тем же смутным причинам, что и сливочное масло.

Вот почему мы обязаны монахам многими сортами вкусных и питательных сыров: ливаро, мароль, реколле (францисканский из Вогец), название которого само говорит о его происхождении; пор-дю-са-лю, сен-нектер, сен-полен, понлевек, который вначале назывался анжело («ангелочек»), нормандский гурне, пикардийский шалиньи, мюнстер («монастырский»), мон-де-ка, бетюн, питивье, сен-мор (сорт козьего сыра), сито, а также изрядное количество сортов сыра из Турени, Бургундии, Оверни, Франш-Конте и даже, если верить отцу Лелону, камамбер, рецепт приготовления которого Мари Аре будто бы получила от одного непокорного священника... Нельзя забывать еще и о сыре, какой производили монахи-целестинцы из Поршфонтена; нельзя не упомянуть и о том, что тамплиеры имели свое командорство в Куломье, в Бри, на пути паломников; что сыр мюнстер «издавна продавался в эльзасских монастырях... а также в монастырях немецких, бельгийских и швейцарских» (Клод Тувно), и что этот самый мюнстер вместе со своим собратом из Вогец жероме, в XVI веке слыл сыром богачей – католиков и протестантов, в этом отношении не проявлявших разногласий друг с другом. Среди сыров монашеского происхождения упомянем также пармезан с шафраном, маредсу, орваль, траппист и конечно же эрв, прославивший Куртин. Короче, возможно ли вспомнить какой-нибудь сорт сыра, который оказался бы не монастырского происхождения в своем далеком прошлом?

Хлеб

В Средние века хлеб наряду с бобами являлся основной пищей. Долго были распространены каша из проса, затем из ячменя, овсянка, каша из ржи, пшеничная для богачей («сливки, пшеницы и рис», – писал Франсуа Вийон). Затем начали делать галеты, мало чем отличавшиеся от современных, разве что своей формой. Затем появляется хлеб как таковой.

Первое время монахи, в особенности еремиты, месили его самостоятельно, сопровождая сие действо чтением молитв и пением псалмов. У них уже существовало разделение труда: «один приготавливал тесто для хлеба, другой – резал, третий – взвешивал, каждый по своей силе и способностям». Затем хлеб укладывали в маленькие ивовые корзиночки полусферической формы. Позднее в каждом монастыре имелся свой пекарь, булочник. В начале основания Клерво св. Бернар со своими монахами ел хлеб, выпеченный из смеси трех сортов муки: ячменной, проса и гороховой. Вероятно, этот хлеб был грубым и жестким. Как сказано в Книге пророка Иезекииля (4: 9): «Возьми себе пшеницы и ячменя, и бобов и чечевицы, и пшена и полбы, и всыпь их в один сосуд, и сделай себе из них хлебы».

В монастыре Роменмутье за столом раздавали по два хлеба – один из белой, пшеничной муки – «семейный хлеб», и другой «смешанный хлеб», то есть из ячменя и ржаной муки, или ячменя и овса, который ели с другой пищей, с маслом и сыром, тогда как белый хлеб (называемый *choine*¹³ и иногда соленый) макали в суп. В других монастырях хлеб был наполовину пшеничным, наполовину ржаным, его называли «вышитым».

У клюнийцев наряду с обычным хлебом существовал хлеб «лучшего качества», белый пшеничный, который раздавался монахам, перенесшим кровопускание (для гостей предусматривались печенья *guastellus*). Картезианцы пекли два сорта хлеба: лучшего качества – предназначался для монахов, похуже – для конверзов. В цистерцианском аббатстве Орваля творилась еженедельная «большая милостыня», состоявшая из трех «выпечек» ржаного хлеба по сто круглых двухфунтовых хлебов.

У цистерцианцев белый хлеб дозволялось вкушать только больным. Здоровые получали либо хлеб из ячменя, ржи, овса, проса и немного просеянной муки, либо хлеб еще более грубого помола (суровый, как сообщают тексты), который выдавался тем, кто съел свою порцию хорошего хлеба до ужина, а также тем, кто нес наказание, и бедным.

Особенно ценился белый хлеб, это была пища высших слоев общества (интересно отметить, что решением 1385 года для «утешения прокаженных в День Всех Святых» им

¹³ этим словом называется темно-серый мрамор из окрестностей Лиона, а также ситниковое растение маярник. (Прим. ред.)

выдавали 36 пшеничных хлебов).

Выпекали хлеб по-разному. Кроме так называемого смесного («семейного») и круглого хлеба (*torta*, *tarte*, *tourte*?) был известен хлеб, «сваренный в воде», считавшийся наилучшим: куски теста бросали в бурно кипящую воду, где они быстро доходили до нужной кондиции.

В Средние века владели искусством готовить фланы¹⁴ без дрожжей, которые в золе становились как мучные лепешки. Хлеб, выпеченный в золе, а не в печи, называли еще «температус», или «умеренный», так как его корка не должна была подгореть, а мякиш – получиться не слишком сырым (Литтре называет этот хлеб «профитеролом»); был еще хлеб «бисквитный», который выпекали два раза (его еще называли хлебом мореходов), и он получался таким твердым, что его размачивали в воде, вине, масле или же в уксусе, если хотели по примеру отцов-пустынников сделать из него «хлеб страданий и слез». Некоторые аскеты ели хлеб с золой или древесными опилками. Кроме того, существовал и сухой (*siccus* по-латыни) хлеб, называемый также «вторичным» (*second*) по отношению к хлебу лучшего качества, его использовали во время поста наряду с овощами и фруктами – и то и другое в сыром виде. (Похоже, в Средние века сырую пищу рассматривали как средство умерщвления плоти: несомненно, дело касалось состояния зубов.) Факт исключительный: монахи засаливали этот вид хлеба.

Ежедневный хлеб делался в форме квадратной буханки, «квадры», с изображенным на ней крестом, чтобы было удобнее делить на четыре части и раздавать эту меру за столом. В некоторые праздники хлеб подавался горячим (в Сен-Жермен-де-Пре) и всегда свежесвепеченным. Судя по всему, черствый хлеб в пищу не употребляли: текст IX века советует печь впрок не слишком много хлеба, чтобы он не успел зачерстветь. Если же хлеб стал черствым, его убирали со стола и заменяли другим. Этот обычай кажется, по меньшей мере, странным, если учесть, что в том мире постоянно присутствовала угроза голода, и царили настроения, связанные с практикой умерщвления плоти. Возможно, это объясняется тем, что качество муки превращало черствый хлеб просто-таки в булыжник, а, кроме того, зубы средневековых людей с юного возраста были очень плохие.

Хлеб могли замешивать на молоке. В таком случае способ приготовления назывался «мортероль». Ели также хлеб, зажаренный в сыре (аналог нашего горячего сэндвича с сыром) и гренки из черствого хлеба. Еще жаривали небольшой комочек теста, и получались круглые булочки, которые в других местах назывались слоенками (я ел нечто подобное в детстве, очень сытная пища). Эти два способа приготовления, собственно говоря, – соломка в жире (по-французски «жир» – «graisse», отсюда знаменитые пьемонтские «гриссини»). На Рождество пекли особые маленькие пирожные, по-латыни «*cuneolus*» – «клинышек» («киньюн» по-французски, «кинью» по-провансальски, «кунью» по-валлонски). Бездрожжевой хлеб служил доской для резки другой пищи. Мягким же хлебом называли тот, который готовился с добавлением пивной пены.

Неразрешимая проблема веса

Св. Бенедикт назначил каждому монаху фунт хлеба в день. Но что означал этот фунт в то время? Сколько он весил в действительности? Св. Петр Дамианский, основываясь на весе яиц (!), утверждает, что в его время фунт хлеба равнялся 16 унциям. В Клуни три сета пшена (468 кг зерна, если речь шла о парижском сете) было достаточным, чтобы в день накормить около 300 монахов. – приходилось по 3 фунта на человека ежедневно. Внушительные количества в современном понимании, когда мучное для нас – нечто дополнительное или же лакомство, но вовсе не основная пища на каждый день.

Проблема средневековых мер веса не так проста. Она еще больше усложняется тем, что некоторые изощренные умы утверждают, будто, говоря о «фунте», следует уточнять, является ли это весом хлеба до или после выпечки. Здесь может возникнуть разница в 30%. Отец Мабийон, известный бенедиктинец ордена св. Мавра, изучив этот вопрос, делает вывод, что

¹⁴ сдобная сладкая лепешка, род пирожного, не имеет никакого отношения к блинам. (Прим. ред.)

фунт хлеба весил, вероятно, около 18 унций до выпечки, и 14–16 унций после нее. Что же касается дома Кальке, то он считает, что фунт равнялся 33 унциям. Трудно сориентироваться. Говорили: «Бенедиктинский фунт славно весит», и улыбались при этом. Гири и меры, служившие для определения рационов питания, имели такое значение, что во время разрушения варварами Монте-Кассино (577–580 годы) изгнанники-монахи захватили с собой, наряду с экземпляром устава, именно эти гири и меры, позабыв о теле патриарха, оставленном ими в тех местах.

Использование остатков

До наших дней в монастырской трапезной монахи по-прежнему собирают за собой хлебные крошки. В некоторых монастырях каждую субботу из них готовят нечто вроде жидкого пудинга на основе яиц и едят его ложкой. В связи с этим не могу не рассказать историю как раз о хлебных крошках. В ней фигурирует один из известных аббатов Ключи – св. Одон.

«Однажды Одон, заслушавшись брата, читавшего вслух, или же отвлекшись какой-то посторонней мыслью, забыл выполнить это предписание устава о крошках (то есть собрать упавшие со стола). Он встал из-за стола, не выполнив правила... Затем, поспешно собрав крошки, он вышел на середину перед братией и поведал о своем прегрешении Бернону (который был тогда настоятелем); тот попросил его показать свидетельство проступка. Одон раскрыл ладонь, и взору аббата предстали не крошки хлеба, а горсть жемчужин, чудесным образом оказавшиеся на их месте» (Л. Х. Шанли).

Облатки

Приготовление облаток было важным делом в жизни монастыря. Оно происходило в специальном помещении. Муку для облаток тщательно просеивали, предварительно вымыв сито. Руки тоже мыли в чистой прозрачной воде. Тесто замешивали два священника и два дьякона, облаченные в чистые белоснежные одежды, а руки монаха, который держал формы для выпечки, были в перчатках.

Сладости

Большинство монашеских уставов запрещало мясо, однако, насколько мне известно, не ограничивало потребление муки и сахара. Совершенно естественно, что из этих двух ингредиентов готовили всевозможные варианты блюд, а вскоре к ним добавятся еще и пряности. Нет ничего удивительного, что в монастырях процветала «городская выпечка». Разумеется, особенно много пекли в праздничные дни, но также, как ни странно, перед Великим постом, чтобы смягчить его суровые требования и помочь выносить длинные службы этого времени.

Сборники обычаев сохранили названия выпечки. Блины («фригодоле», в Нормандии их называли «крипеле»), вафли, сладкие пироги и торты, фланы (густой заварной крем), браселли («bracchium» – «рука» по-латыни, поэтому, возможно, они дали название немецким бретцелям – печеню в форме двух сплетенных рук, между прочим, этот знак использовался цистерцианцами для обозначения браселлей на языке жестов). Вафли по-латыни назывались «nebulae», что намекало на воздушность теста. Их готовили из очень тонкой муки при помощи фигурных форм. Не забудем также пряники – медовые и пряные, появившиеся в период большого увлечения корицей и имбирем.

«Начиная с Прощеного воскресенья и до конца Великого поста, во все дни в монастыре пекли большой пирог», и каждый монах получал свой кусочек. В Англии на Пасху этот пирог делали из манной крупы. В некоторых местах, по обычаю у входа в храм монахи подавали верным, пришедшим на мессу, вино и какую-нибудь выпечку. Например, в XV веке это были пряники и маленькие круглые печеня, сухие и хрустящие, которые назывались «сушками».

Лакомства

Вероятно, монахам был известен марципан. Есть упоминания о некоем лакомстве из теста с миндалем и сахаром.

Затворничество у францисканцев отличалось особой строгостью (даже св. Клер понимала это), тем не менее, св. Франциск Ассизский на смертном ложе позволил «брату» Жаклине де Сеттесоли принести ему это лакомство. Но, поскольку он был уже не в состоянии отведать его и в то же время не хотел огорчить ту, которая приготовила марципан, он попросил братию, собравшуюся у его одра, съесть угощение. Что они и сделали «из послушания и очень поспешно», как описывает это событие хронист.

В командорствах Востока суровые тамплиеры, в распоряжении которых имелось изобилие сахара в «медовых палочках», наслаждались вареньями Дамаска и драже из имбиря и миробалана (так изначально называли различные сорта засахаренных фруктов, слово «мирабель» того же происхождения).

Монахини очень рано сделались искусными мастерицами в приготовлении лакомств. Мы обязаны им появлением круглых пряников, маленьких анисовых пряников, которые они начали выпекать первыми, миндального печенья, «бернардинцев», раскупаемых паломниками Нотр-Дам де Дюн во время сентябрьского девятидневного молитвенного обета; а также появлением картезианского печенья, ставящегося в Болонье, слоеных пирожных-трубочек... Кармелиты преуспели в приготовлении оладьев в сахарной пудре с лепестками розы и позолоченными блестками, а урсулинки Квебека и до наших дней известны своими пряниками. Португальские монахини изобрели следующее блюдо: из яиц всмятку вынимали желтки, обваливали их в сахаре и варили в рисовом отваре – изысканное и отвратительное блюдо одновременно. Не забудем и пончики, называемые испанскими, а иногда, более нескромно, «вздохами монахини».

И, наконец, нищенствующие монахи (которые появились лишь к 1600 году) готовили десерт из инжира, лесных орехов, миндаля и изюма, символизирующий цвета одежды четырех главных нищенствующих орденов Средневековья: августинцев, кармелитов, доминиканцев и францисканцев.

Пряности и специи

Как и все люди Средних веков, монахи любили специи – перец, тмин, шафран, мускатный орех, имбирь, корицу, а также душистые травы – кервель, петрушку, укроп, чеснок, хрен. Из последних даже готовили пряную пудру для приправы овощей, как гласит один из текстов. Горчица, рецепт которой знали еще римляне, производилась в Дижоне начиная с XII века, и нам известно, что картезианцы заказывали ее для себя в картезианском монастыре Дижона. Впрочем, некоторые современники упрекали монахов за чрезмерное пристрастие к пряностям:

О Святом Духе,
А не приправе духовитой
Монаху должно говорить!

Больным заботливо предлагались всевозможные специи. И если келарь должен был выдавать больным соль, чеснок и соус, то всякие остальные приправы, специи и пряности раздавал аптекарь.

Главная приправа – соль. К примеру, только ее дозволяли использовать картезианцам, а камальдолийцы солили пищу лишь пять раз в неделю. Любопытная деталь: клюнийцам запрещалось приносить в трапезную что-либо другое, кроме своей солонки. Ежедневно потребляли внушительное количество соли: до 20 г, а то и больше. Жидкий или густой рассол (иногда еще и с маслом) служил для консервирования мяса и рыбы. Монахи придавали огромное значение хранению провианта. Аббатства стремились приобретать солеварни, чтобы обеспечивать себя и производить соль на продажу (Сен-Жан-д'Анжели располагал даже судами

для этой цели), или хотя бы добиться освобождения от налога на соль, как аббатство Лерен). В 1389 году жалованная грамота Филиппа Смелого предоставила право картезианцам Дижона ежегодно брать по 40 грузов неочищенной соли в соляных коях Салена, где следовало очищать эту соль, ее половину монахи получали в мае, а вторую – на Михайлов день.

Широко использовался уксус, иногда ароматизированный, как это делалось в командорствах тамплиеров. Даже такой непреклонный орден минимов поливал «зелень» маслом и уксусом.

Маслом и уксусом заправляли фрукты и овощи. Был известен винегрет – сырые или вареные овощи с уксусом, возможно, так родился и рецепт кислой капусты.

Из Жития св. Розы нам известно, что в память о губке, смоченной желчью и уксусом, поданной распятому Христу, эта святая готовила «блюдо» из желчи и гренок, сдабривала его уксусом и обильно смачивала солеными слезами. Текст уточняет, что она ела это в холодном виде; во всяком случае, это достаточно точный «рецепт» известного андалузского протертого супа.

Правила поведения за столом

Вне всякого сомнения, монахи стояли у истоков нашего этикета. Это легко объяснить, ведь жизнь в узком, постоянном кругу диктует необходимость предусмотреть правила во избежание трений. С другой стороны, делался упор на неукоснительное следование строгому уставу, что порождало постоянный контроль каждого человека за самим собой, как ради себя, так и ради окружающих.

Как же следовало вести себя за монастырской трапезой? Сборники обычаев пространны и конкретны на этот счет. Вот, например, сборник Эйнсхема (XIII век). Монах должен приходить к столу всегда вовремя. Св. Бенедикт посвятил главу XLIII своего устава тем, кто опаздывает «в храм и в трапезную», ведь таким образом они пренебрегают молитвой, читаемой перед вкушением пищи. Перед едой монах должен вымыть руки. Он обязан встать перед своим местом и в молчании ожидать прихода аббата, который произнесет молитву; затем чтец начинает чтение (у бенедиктинцев даже в наши дни в трапезной всегда читается какая-нибудь часть из устава). Монах должен стоять молча, неподвижно, не дотрагиваясь до салфетки, пока не закончится *De verbo Dei* («О Слове Божиим»), что служит сигналом к началу трапезы. Монах не должен заглядывать в тарелку к соседям, озираясь по сторонам, а обязан сидеть, опустив глаза в свою тарелку. Он разрезает хлеб надлежащим образом; он внимательно слушает чтение (повсеместным был обычай восточного происхождения: читать за трапезой отрывок из Святого Писания, устава или жития святого); вкушать пищу следовало благоговейно и достойно; можно было подать знак, если монах замечал (не заглядывая при этом в чужие тарелки!), что у одного из его соседей чего-то не достает; кивком головы монах благодарит брата, подавшего ему недостающее. Крошки за собой монах собирает либо своим ножом, либо маленькой щеточкой, специально предназначенной для этих целей. Следует быть аккуратным, чтобы не повредить скатерть; не разрешалось сморкаться в салфетку, ею также нельзя было чистить зубы или утирать кровь из носа. После трапезы монах переворачивал свой пустой стакан. Этот стакан и остаток хлеба он прикрывал краем скатерти... По знаку аббата, который повелевает завершить трапезу и чтение, монах поднимается из-за стола, встает рядом со своим местом, произносит благодарственную молитву, кланяется и покидает трапезную. Или вся братия с пением и под звуки колокола процессией направляется в храм.

Весь этот церемониал (я представил лишь его беглый очерк) совершается в полном безмолвии. Никаких разговоров. Ножи и ложки должны производить как можно меньше шума. Некоторые сборники обычаев даже уточняют, что монах не должен громко разгрызать орехи, поданные за столом, а тихо вскрывать их ножом. Другие сборники уточняют, что нельзя есть хлеб до первой подачи блюд и пить с набитым ртом.

Монах должен есть то, что ему предлагают. Если же ему дают непривычную пищу, то следует к ней привыкнуть, как сурово говорит Смарагд, ибо «это отвращение чаще всего лишь воображаемое», по утверждению учебника этикета XVII столетия, который хорошо отражает «мораль поведения за столом» прошлых веков. Но не все сборники обычаев столь непреклонны

на этот счет. В Ключни монаху разрешалось «приличным» жестом руки отказаться от неподходящего ему блюда. Но Ключни в глазах ригористов пользовалось дурной славой рассадника «вольнодумства», проникавшего в другие монашеские ордена.

Монах мог пить только сидя, держа свой стакан двумя руками. Все сборники подчеркивают важность именно этого жеста, его социально-религиозное значение представлялось бесспорным. Братьев-картезианцев учили, что «когда пьют, кубок следует брать двумя руками, чтобы тем самым почтить память наших Отцов и их первоначальную простоту». Но текст также добавляет: «Хотя в настоящее время в миру делают несколько иначе». Монаху следует пить бесшумно, «аки голубь».

Нельзя жаловаться, если монаху забыли за столом что-то подать. Это заметят. Но монах может, как мы говорили, привлечь к себе внимание келаря или прислужника за столом, чтобы указать, что чего-то недостает у его соседа. Это проявление милосердия. В связи с этим вспомним одну историю, старую как мир или, по крайней мере, как сами монастыри. Монах обнаруживает в своей тарелке маленькую мышку (или двух тараканов). Что делать? Пожаловаться нельзя. Есть такую пищу – тем более. Но можно проявить милосердие и выступить в защиту своих соседей. Монах осторожно подзывает к себе прислужника и шепчет: «Почему же отец Ансельм не имеет права на мышь (или тараканов)?»

Обычаи в Фарфа уточняют поведение дежурных монахов, прислуживающих в трапезной: в такой-то праздник или день начинают обносить сначала старших, затем тех, кто помоложе. А в такой-то день и праздник начинают с приоров. Крупные фрукты подают, начиная со старших монахов (хотя не обязательно наиболее старых по возрасту), которым принадлежат честь и удовольствие первого выбора. Мелкие плоды раздают без особых церемоний. Фрукты раздаются при участии трапезничего, а овощи – садовника. И так далее.

Скатерти и кружки

В обычные дни скатерти покрывают лишь половину стола так, чтобы тарелки и стаканы с вином не стояли на них. В праздничные дни монахи имеют право на скатерть, покрывающую весь стол, а у аббата скатерть на столе круглый год. В Страстную пятницу тамплиеры не покрывают стол скатертью, но он тщательно вымыт и вычищен. В разных орденах способ содержания стола варьируется в зависимости от череды праздников и от того символического значения, которое ему придается. Сборники обычаев друг за другом повторяют, что скатерти следует менять, как только возникает в этом необходимость, например, раз в две недели, а салфетки – каждое воскресенье, так как они пачкаются быстрее. В праздничные дни убранству стола надлежит быть очень красивым.

Установлен порядок и для маленьких кружек – оловянных, деревянных или, ради важных случаев, стеклянных, которыми монахи пользовались за трапезой, а также больших сосудов, в XII веке предназначавшихся для хранения провизии. Кружки чистили каждый месяц и перед каждым праздником, а ложки – ежедневно. Также ежедневно трапезную подметали, а столы чистили по мере необходимости.

Посты и воздержание

Воздержание означает отказ или запрещение есть ту или иную пищу – мясо, рыбу, молочные продукты и пить вино или пиво. Под постом же подразумевается либо сама природа вкушаемой пищи (например, Великим постом еремиты едят только «зелень» в сыром виде и без приправ, а также сухофрукты), либо однообразие этой пищи, готовность есть не досыта, либо время для принятия пищи. Пост, в специальном смысле слова означает прием пищи только один раз в день: зимой – в два-три часа дня, хотя монахи на ногах уже с зарей и даже раньше; в четыре-пять дня – весной, и в шесть часов вечера в Великий пост!

Знает ли тот, кто в наши дни из протеста отказывается принимать пищу, чтобы доказать незыблемость своих убеждений, что поступает так в соответствии с древней традицией, существовавшей даже до Средних веков?

Встречались и крайности, ведь часто основатели орденов или конгрегации заражали

окружающих невероятной волей к аскетизму (некоторые проявляли эту волю в очень раннем возрасте, и их биографы описывают будущих святых, которые отказывались от материнского молока по средам и пятницам из желания соблюдать пост...).

Среди наиболее строгих аскетов отметим св. Целестина. Он постился ежедневно, а три раза в неделю питался только хлебом и водой. Часто он довольствовался одними капустными листьями без хлеба; в его году было шесть Великих постов.

Некоторые подвижники весьма далеко продвинулись по пути самосовершенствования. Так, св. Симеон вкушал пищу, судя по всему, только один раз в неделю в течение всего Великого поста, а в другое время года – один раз в три дня.

Св. Ромуальд, основатель ордена камальдолийцев, ежедневно питался горстью нута (турецкого гороха) и половинкой маленького хлеба и, как сообщает хронист, «жил в очень строгом воздержании от вина и острых приправ».

Св. Николай Флюэльский (XV), отец швейцарцев, решил не вкушать ничего кроме Святой пищи евхаристии, он придерживался этого обета вплоть до своей смерти.

Другой подвижник питался цветами дрока и горькими травами. Еремиты утоляли свой голод медом, зернами мирта и мака, дикими фидами и ягодами.

Короче говоря, самые суровые ограничения регламентируют жизнь монастыря в течение, по меньшей мере, одной трети года. От них монахи освобождались редко, только в случае «старческой немощи» или «очень тяжелого труда». Перейдя возрастную границу, многие стремились к этому. Но все же, несмотря на свою строгость, монашеские уставы и сборники обычаев почти всегда требовали разумного и сознательного отношения к себе. Очень часто в них содержался параграф, запрещающий монаху по собственной воле принимать решение о «дополнительных мерах» для умерщвления плоти. Обязательно следовало получить на это согласие старшего в монастыре. У картезианцев монах был обязан в дисциплинарном порядке возвращать обратно то, что он не доел из своей порции, «дабы никто не постился без разрешения», – пишет Гиг, мудрый законодатель этого ордена. Практика показывает, в какие ужасные крайности могут впасть некоторые верующие, предоставленные сами себе. Церковь всегда неодобрительно смотрела на самочинные «трюкачества», даже если их удавалось выносить.

Кроме того, почти все сборники допускали если и не освобождение от неукоснительного соблюдения, то, по крайней мере, смягчение правил в отношении детей и подростков (Павел Диякон даже предусматривал лучшие пирожные для «младших братьев»), а также для путешествующих – им разрешалось завтракать и зимой, и летом даже по пятницам.

Обжорство?

«И все же, – скажут некоторые (таких было предостаточно и в Средние века), – взгляните на этих упитанных, краснощеких монахов: разве они не ханжи, бражничающие и наедающиеся тайком? Если бы они соблюдали устав, разве были бы они такими толстыми?»

Очень серьезная и занимательная статья Мишеля Руша позволяет нам судить об этих вопросах с большим пониманием и знанием дела. Автор изучил ежедневный рацион питания монахов и монахинь. Потребление хлеба варьировалось от 1,5 до 2 килограммов (что вполне обычно для того времени); потребление сыра – от 70 до 110 граммов; сухих овощей – от 135 до 230 граммов; меда – от 0,60 до 1,10 грамма. Потребление жира (там, где это было позволено) – около 35 граммов. Соли – примерно 20 граммов. Вина или пива в среднем выпивали 1,5 литра. Если пересчитать все это в калориях, то получится, что ежедневный рацион питания составлял более 4700 калорий, а максимально (как в Сен-Жермен-де-Пре) – 6882 калории. И без учета «трав», «корешков» и фруктов. Даже если, принимая во внимание возможные погрешности в расчетах, цифры М. Руша сократить на треть, все равно потребление калорий останется внушительным (цифры эти не связаны с церковными праздниками, так как наши вычисления касаются обычных дней).

Как же объяснить подобную ненасытность? Во-первых, это могло зависеть от холода, ведь во всех помещениях монастыря кроме одной теплой комнаты было холодно в ненастное время года. В теплую же погоду такой способ борьбы с холодом уже не выглядит веской причиной.

Может, это аппетит «колоссов на глиняных ногах в борьбе за выживание»? У нас нет никаких оснований полагать, что люди Средневековья были колоссами, напротив, их доспехи заставляют поверить в обратное. Но даже и будь они колоссами, все равно рацион питания остается огромным. Но на самом деле, везде и всюду вплоть до наших дней отношение к еде диктуют социально-культурное поведение и привычки. Какой-то народ привык есть много, какой-то – нет, и подобных различий не могут объяснить ни климат, ни физиологические потребности. Во многих отношениях голод является причиной психологической. Люди Средневековья жили в страхе перед голодом и реагировали на это чувство принятием пищи при каждом удобном случае. Причем как можно в большем количестве. Известен национальный аппетит англичан. Им ни в чем не уступают фламандцы.

Монах напичкивает себя углеводами, мучными изделиями и бобовыми. Режим его питания не сбалансирован из-за отсутствия протеинов и недостатка витаминов. Этим-то и объясняется его физический облик – толстый, красный и пузатый. А на самом деле это человек, страдающий ожирением, авитаминозом, плохим пищеварением, мучающийся вздутием живота, очень скоро теряющий свои зубы (за недостатком витаминов этим страдали все). В результате, пишет М. Руш, «это тело, постоянно требующее к себе внимания, вызывало только раздражение, пессимистическое настроение и приступы отвращения к самому себе».

Не знаю, стоит ли заходить так далеко; но главное, по нашему мнению, состоит в утверждении, что вне поста монахи ели слишком много. Подобная привычка усиливала стремление наесться, важность еды как таковой и значимость страдания (и заслуг), вызываемые ограничением в еде. Выходить из-за стола, не утолив в достаточной мере голод, не есть вне установленных часов, воздерживаться от мяса (наиболее нежелательное ограничение) – все это в совокупности действительно представляло собой страшное испытание, которое выносилось гораздо тяжелее, нежели бремя целомудрия или послушания.

Один недовольный цистерцианец (он был неофит) описывает эти испытания, отправляясь в больницу, выпрашивая себе мяса и желая получить вина. Дескать, отцы говорят, что они не смогут служить мессе; а конверзы – хорошо работать в монастыре, если будут голодными.

Без сомнения, монахи, подчиненные режиму питания, в котором излишки неудобоваримой пищи чередовались с постами, находили удовольствие в том, чтобы хорошо поесть, то есть, в понимании эпохи, которая переживает все революции вплоть до начала XX века, – поесть **плотно**. Вот, к примеру, описание постного стола, за которым собрались бенедиктинцы из Сен-Бенинь и картезианцы Дижона: шуки, карпы, сельдь, сливочное масло, оливковое масло, специи, шафран, неспелое зерно для приправы к салату, кресс-салат, синеголовник; сахар, белый хлеб, пышки, пироги (taltre) и яйца; груши, яблоки и каштаны, а также белое вино к жареной рыбе. Правда, это описание относится к XV веку, когда древние суровые правила несколько смягчились.

Понятно, как трудно приходилось пищеварительной системе. «Тайная тайных»¹⁵, упоминаемый Ланглуа трактат, предлагает нам два «лекарства» от «болей в животе». Первое – это распахнуть свои объятия для юной и невинной красотки, – лекарство, по меньшей мере, странное (особенно для монахов!). Второе, более мудрое (и, несомненно, более действенное) – положить на живот теплую тяжелую сорочку.

Повар

Сборники обычаев сообщают, каким должен быть достойный повар (coquinarius). Вот, например, что говорится в сборнике Эйнсхема:

«Повар должен обладать смиренным сердцем, доброй душой, он источает милосердие, скупой к самому себе, щедрый к другим, утешение страждущих, прибежище больных; скромный и сдержанный, он будет щитом для бедных, отцом всей братии после келаря во всем, что от него зависит...»

¹⁵ этот трактат в переводах и переделках с арабского языка на латинский и другие, был популярен в XIV–XV века.

(Читая эти строки, хочется спросить: «По тем добродетелям, которые требовались от повара, сколько же аббатов могли удостоиться чести занять его место?»)

У картезианцев повар охраняет вход в покои священников, раздает вино и пайки по четвергам в кельях, готовит пайки и овощи по тем дням, когда обедают в трапезной, выдает каждому монаху запас салата и фруктов, навещает больных (примечательно, что искусство ухаживать за больными входит в обязанности повара).

Повар должен следить за тем, чтобы его помощники не производили шума во время трапезы братии; чтобы посуда и кастрюли были чистыми, чтобы блюда, на которых подается кушанье, были тщательно вытерты, чтобы не запачкать скатерть.

За неимением хорошего повара из монастырской братии цистерцианцы решили (в 1274 году) призывать поваров-мирян со стороны, людей «хорошей репутации и порядочного образа жизни». Скорее всего, выражение «хорошая репутация» относилось к их кулинарным способностям.

Общим правилом во всех сборниках обычаев был запрет монахам, а тем более посетителям монастыря, заходить на кухню. Что это – желание удалить любопытствующих? Или избежать хватания кусков в перерывах между приемами пищи? Хотя, в общем-то, ни один повар не любит, когда посторонние суют свой нос в его кастрюли. Возможно, именно этот опыт диктовал общий запрет на посещение кухни.

Монахи по очереди, наподобие скаутов, дежурили в течение недели на кухне (когда они уже не готовили каждый для себя, как обычно происходило вплоть до 1320 года у картезианцев). Вероятно, монахам иногда нравилась суббота, и они ожидали ее прихода, так как можно было быть и святым, и ученым, и не возиться с готовкой. Но противоположное более вероятно. Св. Бенедикт (Устав, XXXV) советовал братьям не заниматься кухней слишком усердно, но исполнять свои обязанности в духе милосердия (тот же параграф устава, впрочем, советует заботиться о больных «без грусти», что красноречиво свидетельствует о той манере, в которой монахи несли кухонную повинность). В конце недели в субботу повар устраивал большую уборку: собиралось грязное белье, чистились кастрюли и сама кухня. Келарь производил инвентаризацию всей утвари и в связи с этим давал поручения монаху, заступающему на дежурство. Тот вместе с прежним дежурным мыл ноги всей братии, это единственная деталь, не напоминающая о сдаче смены у военных.

Повар должен следить за тем, чтобы кладовая всегда была полной, а также, чтобы никто без его разрешения не смел брать из нее что-либо. Вот почему повар носил при себе ключи от кладовой; он доверял своим помощникам, но в то же время не желал вводить их во искушение. В большом аббатстве на кухне готовили несколько поваров: один – для монахов, второй – для конверзов, третий – для гостей монастыря, иногда даже четвертый – для больницы. Упоминаются также повара-специалисты в приготовлении рыбы, или выпечки, или подготовке пайков.

Трапезная и трапезничий

В монастыре питались в трапезной, служившей местом, где все монахи обязательно собираются вместе для общего приема пищи (кроме ризничего, он сторожит храм во время обеда). Однако существовала практика, нарушавшая это правило, и нередко вызывала гневные осуждения со стороны визитаторов. Например, картезианцы обедали вместе только по воскресеньям или в некоторые праздники. Картезианцы Дижона (1395) соорудили «две тележки из дерева, чтобы развозить на них пищу по кельям монастыря для братии». Для тех же, кто ел не в трапезной, и без разрешения аббата или приора, предусматривались строгие наказания, и уж тем более если тайно от них тот или иной монах пошел по значным местам и присоединился к гулякам.

В Сен-Жермен-де-Пре трапезная имела внушительные размеры: 40 метров в длину и 20 в ширину, высота от пола до потолка – 16 метров. В Сен-Пьере в Генте трапезная была 58 на 12 метров. Когда позволяло место, трапезная располагалась в центре монастыря, чтобы иметь хорошее освещение. В Сен-Галле во избежание проникновения запахов кухня соединялась с трапезной узким проходом.

Трапезной заведовал трапезничий, который, как гласит сборник обычаев, был серьезным, глубоко верующим, любящим своих ближних, строгим в соблюдении порядка, искореняющим злоупотребления. Но, несмотря на обязанности по трапезной, он не освобождался от прочих обязанностей, возлагавшихся на монаха, за исключением, по вполне понятным причинам, чтения во время трапезы. Он должен был уделять внимание не только монахам, но также и прислужникам, гостям и тем, кто перенес кровопускание, и еще контролировать, чтобы те, кто несет наказание сухим хлебом и водой, не получали ничего другого (если это только не делалось по распоряжению отца-аббата). Он обеспечивает раздачу хлеба бедным. Статья сборника обычаев предусматривает, что он не может отказать в хлебе и пиве для гостей монаху, ответственному за прием путников в монастыре, если тот просит об этом для прибывших гостей. Другая статья гласит, что трапезничий должен снабжать пряностями для пива всякий раз, когда это потребуется, и подавать лучшее пиво певчим для смягчения голосовых связок.

Зимой в трапезной расставляли подсвечники, а на сиденья клали маленькие подушечки и такие же – под ноги (как в Эйнсхеме). Летом здесь ставили мухоловки. Пол трапезной и проходы к ней следовало покрывать половиками и ковриками. Трапезничий подметал трапезную веником из тростника и вереска всякий раз, когда это представлялось необходимым. Летом он сыпал пол в ней цветами, мятой и укропом. Также он отвечал за умывальники и висевшие там полотенца для рук. Ему полагалось обеспечивать песком и брусками монахов, собиравшихся чистить кухонную посуду и точить ножи. В помощь ему назначался монах, дежуривший в трапезной в течение недели, а затем сменявшийся другим..

Во время трапезы, трапезничий как хороший хозяин обходил столы, дабы убедиться, что ни один монах не нуждается ни в чем, и достаточно ли хлеба. Обнаружив нехватку, он должен был исправить положение, проследив, чтобы поданный хлеб не оказался «грязным», то есть подгоревшим.

Братьям же, которые в духе смирения и милосердия, как говорил св. Бенедикт, по очереди дежурили в трапезной, рекомендовалось вести себя проворно и расторопно, без особой спешки и шума, не бездельничать и не разговаривать с помощниками повара. Сборники обычаев Сен-Бенинь предписывали прислужникам в трапезной не дуть в миски, которые они несут в своих руках, не брызгать слюной, когда начинается пение псалмов, обязательно сопровождающее раздачу блюд, а также оборачивать руки краем рясы (бедная ряса!), чтобы не окунать пальцы в блюдо. Трапезничий также должен был снабжать монахов специальными маленькими щеточками, чтобы собирать крошки со стола.

Все имущество трапезной – скатерти, салфетки, ложки (ножи не упоминаются, так как у каждого монаха имелся личный нож, висевший на поясе; то же самое касается и вилок, которые появятся только в XVI веке) должны лежать в отдельном ларе, чтобы облегчить процесс накрывания на стол.

Трапезная – важное место в монастыре. Это признавали даже монахи, следовавшие более суровым правилам аскезы: они тоже видели в трапезной не просто помещение, где печальные потребности человеческой природы принуждают их бывать в определенные дни и часы. Да, трапезная предназначена для приема пищи, но она не имеет ничего общего с современными столовыми. Об этом свидетельствуют трапезные в Руаймоне во Франции; в Маульроне в Германии; в Фоссанова в Италии; в Риево в Англии; в Алкобаса в Португалии. Напомним также о бенедиктинской трапезной в Сен-Мартен-де-Шан в Париже, которая стала теперь библиотекой национальной школы искусств и ремесел, а также о трапезной бернардинцев, «временно» занятой пожарными, начиная... с 1845 года. *Sic transit gloria mundi* – так проходит мирская слава...

Глава III «Bonum Vinum» ...¹⁶

¹⁶ Славное вино (лат.)

Виноградники

Разумеется, вино было известно и ценилось задолго до того, как в Европе появились монастыри. Но после крупных нашествий варваров и невероятного упадка цивилизации именно Церковь вернула виноградникам достоинство, способствовала их распространению везде, где только позволяли погодные условия, и даже в местах с более суровым климатом, превратив виноделие в то изысканное искусство, которое известно нам сейчас. Христианство нуждалось в вине, потому что оно необходимо для литургии. Однако в Средние века виноделие было связано с серьезными проблемами транспортировки и невероятными издержками производства. Чтобы свести до минимума эти проблемы, епископы распоряжались сажать виноградники повсюду, где есть епископские города. А у монахов, находившихся вдалеке от городских центров, которые кормились собственным скудным хозяйством и долгое время хранили обет бедности, имелось еще больше веских причин заниматься виноградарством. «Роль монашества в „селекционной работе и в совершенствовании виноделия, – справедливо пишет Ж. Клодьян, – останется главенствующей до XVIII века“. Поистине, монахи в буквальном смысле – „отцы виноградарства“.»

Они разводили виноградники преимущественно возле судоходных рек (в то время, когда водоизмещение судов было невелико, таких рек существовало много) или же возле дорог, хотя подобное соседство весьма опасно. Случалось, что аббатство разбивало виноградник на землях, которые, на первый взгляд, казались не особенно пригодными для этих целей. Например, так обстояло дело с виноградниками Шампани. Имея разрешение самого св. Бенедикта пить вино, монахи ревностно разводили виноградники повсюду, где только позволяла почва, хотя это требовало от них значительного напряжения сил, чем отчасти тоже объясняется совершенствование виноделия в монастырях. Наконец, очень скоро монастыри и епископства поняли, какую выгоду для них представляет виноградник как источник существенных доходов в звонкой монете. Естественно, они занимались улучшением способов посадки лозы (цистерцианцам Германии, например, мы обязаны террасным виноградарством).

«Люди из Сен-Жермен-де-Пре ежегодно должны были поставлять каждый по семь тележек навоза, подрезать виноградные лозы, подвязывать их, дважды обрабатывать землю мотыгой, рыть необходимые каналы, делать посадки и разводить виноград отводками... Наконец, когда виноград созреет, они занимаются саженцами и сообща нанимают человека охранять виноградник» (Кастельно).

Виноградарство являлось первейшим делом. Руководил им непосредственно сам аббат.

Вот почему цистерцианцам мы обязаны появлением вин вужо, тар, бонмар, шабли; клюнийцам – бон и вон-романе; каноникам кафедрального собора в Отёне – алокс, поммар, вольнэ, мерсо и шассань; строгим бенедиктинцам конгрегации Сен-Ван – шампанским. Другим монахам мы благодарны за ша-то-шалан Юрских гор, вина Божоле и Анжу (в частности, надо упомянуть знаменитые виноградники Серрана), Они и Сентонжа, Керси и Орлеана (сент-аи), пессак из Борделе, гальяк, сен-пурсен, шатонёф-дю-пап... Будто бы случайно возникло аббатство Бургей в Турени...

Виноград зрел даже вокруг Парижа. Людовик Святой пожертвовал картезианцам дом, который якобы посещал дьявол, а дом этот был расположен среди виноградников Валь-Вер. Благочестие монашеской братии обратило дьявола в бегство... Бенедиктинцы Сен-Жермен-де-Пре владели 70 гектарами виноградников, они приобретали саженцы в Орлеане, Вольнэ, Боне и Мёрта. Виноград из района Гутт-д'Ор к северу от Парижа служил производству знаменитого сорта вина. Сорт барбо из Фонтенбло был столь же знаменит, как и провен. Целестинцы в Мант-ла-Жоли также производили известный сорт вина. Территория Аттошатель в старой епархии Вердена являлась центром виноделия. Даже непригодные для виноградарства места, например Морван в Сент-Перёз, благодаря труду и усилиям монахов начинали плодоносить.

Плоды монашеских трудов видны в Германии вдоль Рейна (виноградники Иоганнесберга принадлежали бенедиктинцам аббатства Фульда), в Гирсау, в предгорьях Шварцвальда, в Эбербахе, в Пфальце; в Австрии, в Испании, где Вальдепеньянс – дело рук

монахов-цистерцианцев, а вина региона Толедо – бенедиктинцев; в Португалии на берегах Дору. В Швейцарии аббатство Эйнзидельн владело собственными виноградниками с XII века. Упомянем еще сорт дезале, что зрел под Лозанной (1154).

Я перечислил знаменитые вина, вкус которых знаком нам и ныне. Каждая община монахов при основании собственного монастыря, обеспечив себя запасом продовольствия, спешила заняться разведением виноградника. Например, картезианцы Дижона, обосновавшись в своем аббатстве в 1384 году, в сентябре 1386 года за 1250 франков купили себе землю для виноградников и начиная с 1388 года занимаются виноделием. Иногда аббатства, потерпевшие неудачу на поприще виноградарства (или столкнувшись с большими трудностями), покупали себе виноградники на отдаленных территориях. Например, в Бельгии на берегах Мёза и Лиса виноград созревал только раз в пять лет. Поэтому монахи очень рано начали приобретать себе виноградники либо на берегах Рейна и Мозеля в Германии, либо во Франции возле Лана и Суассона. Монахи Нормандии едва ли любили вина собственного производства. Басслен писал:

Над нами (*нормандцами*. – Л.М.) французам смешно,
Но, правда, что бы там ни было,
Наш *sildre* (*сидр*) из Нормандии
Куда как лучше, чем наше же вино.

Нормандское вино ценилось так низко, что в 1258 году монахи запретили своему келарю разбавлять вина лучших сортов (из Анжу и Гаскони) водой или... их собственным вином.

В целом же, редко какой монастырь не владел собственными виноградниками. «У них не было никакой собственности, даже виноградника», – подчеркивает хронист крайнюю степень нищеты монахов, находившихся еще только в начале своего пути. Устав конгрегации Тирона (XII век) запрещал монахам пить вино под любым предлогом, однако у монастыря имелись свои виноградары.

Престиж, плоды всеобщего труда, традиции, религиозные нужды, источник доходов и, кто знает, возможно, гурманство, – таковы некоторые из причин, по которым монахи всегда с радостью трудились на своих виноградниках. Так, в 1217 году бенедиктинское аббатство Сен-Пьер-де-Без, погрязшее в долгах после опустошительного пожара, вынуждено было продавать некоторые свои земли. Покупателем оказался очень богатый капитул Лангра, но он остановил свой выбор на знаменитых виноградниках в Жевре, которые до сих пор дают большие урожаи. В аббатстве это предложение вызвало негодование, ведь эти виноградники – гордость братии, посажены руками монахов и принадлежат им с момента основания аббатства. Однако спустя два года загнанные в угол монахи все же уступили свои виноградники, да к тому же за смехотворную цену...

«Пьет как целестинец»...

Неумеренность монахов в потреблении вина постоянно давала повод для шуток, правда, скорее дружеских, чем злых.

Известная французская поговорка гласит:

Пить как капуцин
Означает пить немного.
Пить как целестинец –
Это много пить.
Пить как якобинец,
значит, брать полпинты.
Пить как францисканец –
Погреб осушить...

Старинные монашеские уставы чаще всего категорически запрещали пить вино, но другие законодатели были более снисходительны и позволяли употреблять вино на отдельные

праздники. С появлением Устава св. Бенедикта, распространившегося по всему Западу, вино окончательно сделалось разрешенным и рассматривалось как элемент ежедневного рациона питания. Бенедикт, этот патриарх Европы, вряд ли с радостным сердцем принимал такое решение. Он, подобно своим великим предшественникам, скорее бы запретил употребление вина, но, неизменно оставаясь верным чувству меры и принципу дискретности, проявил снисхождение к человеческим «немощам и слабостям», как сказал он на капитуле, обсуждавшем, что позволительно есть и пить. Св. Бенедикт добавлял при этом, что вино, конечно же, не подходит образу жизни монахов, но невозможно заставить их осознать причину и послушаться голоса разума, потому-то он и делает уступку общественному мнению. Кроме того, он позволил превышать рацион в трех случаях: в связи с местными условиями, когда слишком сухой климат и столу редко подаются фрукты и овощи (знаменательно, что патриарх Запады и не думал советовать просто воду); по случаю сезонной работа – жатвы, сенокоса, сбора винограда, а также работы в мастерских, и наконец, в период летней жары. Разумеется, разрешение сопровождалось советом избегать опьянения и несварения желудка.

С приходом св. Бенедикта Аньянского (IX век), уроженца Эро, к вину стали относиться строже: оно разрешалось как своего рода лекарство для стариков и больных, а также для тех монахов, «коим необходимо подкрепить свои силы в суровых дисциплинах», – по словам строгого св. Петра Дамианского.

Прибегали к авторитету апостола Павла, который в Первом послании к Тимофею (5, 23) писал: «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего, и частых твоих недугов».

По правде сказать, в Библии нередко встречаются высказывания по поводу вина, в основном положительные, хотя Екклесиаст отметил (и это напомнила Абельяру лукавая Элоиза), что «вино и женщины развращают мудрых». Но он говорит также: «Итак, иди, ешь с веселием хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим» (9: 7). Ной, единственный праведник в глазах Бога, посадил виноградник (Бытие, 9: 20). Цитируемый множество раз брачный пир в Канне Галилейской также возводит в обычай употребление вина.

Даже такой требовательный аскет, как Целестин V (1215–1261), основатель конгрегации монахов-бенедиктинцев, которая носит его имя, разрешает вино, конечно же, за исключением постов перед Пасхой, Рождеством и праздника св. Иоанна Предтечи. Что же касается св. Бенедикта, то он советовал монахам не роптать и не проявлять недовольства, если вино отсутствует или сокращена норма его потребления. Значит, уже в его время право на вино рассматривалось как неотъемлемое, а послушание старшим в монастыре и смирение перед волей Божией вовсе не были настолько безусловными, как полагают зачастую.

Вино наряду с хлебом стало одной из главных забот келаря, следившего теперь за пополнением винного погреба и хранением вина. Первая задача прибывшего в монастырь визитатора – проверить, достаточные ли там запасы вина. Он был вполне удовлетворен, если в своем отчете о том или ином монастыре мог написать: «У них есть запасы вина до следующего урожая».

Вину придавалось настолько большое значение, что сусло освящают, вспоминая на молебне одно из чудес, совершенных Иисусом Христом, когда Он накормил множество народа пятью хлебами и двумя рыбами (Матф., 24,13–20), хотя при этом не было ни единого намека на вино! В день благословения вина монахи не имели права ни на один лишний стаканчик. Вне всякого сомнения, они страшились навлечь на себя беду, проявив чревоугодие.

Сколько вина потреблять ежедневно? Св. Бенедикт позволял одну гемину в день. Но чему равнялась гемина? На протяжении веков и в разных регионах ее значение изменялось от 10 до 18 унций, как пишет Кальме в своем «Комментарии к Уставу Св. Бенедикта», следовательно, либо 0,5 сетье, либо 1 сетье – такова порция умеренного человека. Другие утверждают, что гемина – это мера того, что выпивается за один прием пищи, а некоторые комментаторы усматривали в ней объем вина, предназначенный для двух раз в день! Подобная неясность открывала путь к различным толкованиям и бесчисленным дискуссиям, подчас весьма интересным.

Если верить историку Кастельно, в IX веке потребление вина составляло 1132 литра в год на монаха (а по моим подсчетам, даже больше!). В конце XIV века монахи бенедиктинского

аббатства Сен-Пьер-де-Без получали по литру вина в праздники и примерно по пол-литра – в будние дни. В 1389 году они добились того, чтобы в память об умерших за год монахах служилась особая литургия. В этот день «аббат устраивал в монастыре обед, напоминающий воскресный, с четырьмя пинтами вина», то есть литром вина за обедом! В XIV веке австрийские монахи выпивали от двух до четырех литров вина в день.

Высмеивая это пристрастие монахов к вину, средневековый автор пишет: «Как бы ни велика была жажда монаха, он никогда не утолит ее молоком». А вот поговорка, словно предостерегающая монахов от злоупотребления выпивкой: «Как рыба попадает на крючок, так и пьющий вино монах может попасться на эту свою слабость». Но все тщетно.

Во всяком случае, вино в монастырях всегда разбавляли водой. Это было вовсе не по вкусу монахам, и когда по праздничным дням к столу подавалось чистое, неразбавленное вино, они, что весьма показательно, называли его «неиспорченным». Разбавленное же вино называли «вином-бастардом», что тоже знаменательно для эпохи, когда слово «бастард» (внебрачный ребенок) считалось оскорблением.

Неизвестно, в каких именно пропорциях разбавлялось вино. Вероятно, это зависело от количества запасов в винном погребе, строгости устава или требований аббата. Во всяком случае, решение капитула в Мон-Сен-Мишель предупреждало келаря о том, что нельзя чересчур разбавлять вино под предлогом слишком большого числа сотрапезников! Правда, монахи этого знаменитого аббатства действительно настойчиво требовали вина, дабы «поддержать свои силы в этом суровом климате». Гильомиты же, напротив, так сильно разбавляли вино водой, что от него оставался только цвет, как пишет Элио. Один клюнийский монах сетовал: «Нет, я никогда не был пьян от монастырского вина. В Клюни лучше умереть, чем жить». Действительно, некоторые аббатства слишком усердствовали с разбавлением вина водой, даже несмотря на то, что посещавшие монастырь визитаторы сами признавали, что вино для стола монахов сильно разбавлено. И к тому же его недостаточно.

Вначале на стол монахам подавали по одному кубку или кружке на двоих, соответственно, с двойной порцией напитка. Но даже среди священников, а не все монахи имели духовный сан, этот обычай не считался хорошим. Затем вино стали подавать в индивидуальных чашках. В Клюни для этого использовали деревянные чашки, что наверняка заставит вздрогнуть современных дегустаторов. В других местах встречались и стеклянные стаканы. Размер порции зависел от иерархии. Для простого монаха, ребенка или клюнийского конверза она составляла одну меру за обедом, а для монастырского приора – две меры. Главный приор получал вина вволю... уже с утра... В определенные дни монахи получали дополнительную порцию вина, так называемое «вино милосердия» (аналог съестного пайка), которая, согласно Кальме, равнялась трети обычной нормы или, в случае необходимости, ее половине.

Наконец, в летние вечера после девятого часа монастырская братия шла в трапезную выпить глоток вина. Этот обычай отмечен еще в уставе Учителя, который соблюдался в Клюни, в Гирсау, у регулярных каноников и даже у цистерцианцев, не посмевших отменить его, настолько он был старинным. Эту традицию не соблюдали только картезианцы. В XIV веке в Клюни ежегодно раздавали сто четыре порции «вина милосердия» и еще пять раз – увеличенную обычную порцию (поистине «примиренческий» орден)...

Качество вина также было разным, от вина простого до вина для литургии, «особенно хорошего вина, достойного короля», по словам Анри Этьена. Он пишет также: «Пусть стремятся к воздержанию от питья и довольствуются малыми количествами». Это не столько приказ для монахов Сен-Бернарда, сколько запрет (встречающийся во всех сборниках обычаев) самостоятельно определять способ и степень умерщвления плоти каждым монахом. Столетия опыта показывали, что наряду со святым подвижничеством существовало изрядное число крайностей.

«Французскому вину» противопоставлялось более грубое «вино гуннов» или «венгерское» вино. Гренаш, ликер из Русильона, мальвазия, мускатное вино из Греции, и другое мускатное вино мускателлум, ценились высоко. Было известно также критское вино из очень спелого винограда (spatlesse, позднего сбора, как говорят немцы), вино сладкое и очень насыщенное. Также было известно португальское зеленое вино и мюскаде.

В своей книге «Европа за столом» я уже описывал, почему шампанское, изобретенное бенедиктинцами очень строгой конгрегации Сен-Ван, стало «наиболее европейским из всех европейских вин». Поэтому в этой книге я не буду возвращаться к его истории.

У истоков вермута

В Средние века никогда не пили простую воду. Это легко доказывается тем, что одно из наказаний для строптивых монахов заключалось как раз в том, что их переводили на сухой хлеб и воду. Правда, известно, что Герлуин, основатель аббатства Бек, и его спутники пили одну только «мутную воду», но хронист тут же объясняет: «...ибо во всей округе не было ни одного источника».

Обычно пили воду с добавлением какого-нибудь сока – смородины, малины, тутовых ягод. Иногда довольствовались добавкой просто нескольких капель уксуса. В безвыходном положении пили воду, но кипяченую, чтобы «она портилась не так быстро». Автор этого мудрого совета добавляет: «Лучшая вода – дождевая» (подтверждая недоверие даже к родниковой воде).

Как и все люди Средневековья, монахи любили фрукты, ягоды, всевозможные душистые травы: мирт, чабрец, дикий виноград, шалфей, анис, розмарин, алоэ, пахучий ландыш (который и сегодня можно встретить в метранке, вине Мозеля, ароматизированном «царем лесов», и в зубровке, «бычьей водке»). В праздники монахи аббатства Флёри могли без разрешения пить подслащенный медом абсент. Медом улучшали качество воды, пива и особенно вина. Это, кстати говоря, хороший опыт, предшествующий изготовлению напитка, впоследствии названного вермутом от немецкого слова «Wermut» – «полынь». По-французски «полынь» – «absinthe», так что позже абсентом станет называться полынная водка. Подобные вкусы объясняются различными причинами, в частности тем, что вино, такое, каким его делали тогда в тех регионах, где стремились получить его любой ценой – в Бельгии, Англии, даже в Дании, – видимо, было одновременно кислым и легким, «терпким и слегка зеленым», как говорит Гишарден, упоминая вина Люксембурга. Вино со специями называлось «pigmentium». Лучшими сортами вин с добавлениями пряностей были легкое вино «клере», приготовленное из красного вина и меда, и «гипокрас» – смесь корицы, ориандра, мациса, миндаля, мускуса и иногда измельченного имбиря с вином «пайет», обильно подращенным медом. По воскресеньям и праздникам клюнийцам разрешалось пить такое вино, хотя оно и считалось пагубным для строгих добродетелей, иными словами – возбуждающим средством.

Но это не все превращения, случавшиеся с вином. В Средние века также любили вина, изготовленные путем уваривания сусла на огне, после чего на одну треть получалось вино, подвергнутое термической обработке, а на две трети – виноградное повидло, которое мазали на хлеб.

В холодных стенах средневековых монастырей был распространен обычай пить зимой подогретое вино. Устав VI века уже содержал совет разбавлять вино в трапезной горячей водой. Вино либо просто подогревали на огне, добавляя немного корицы и сахара (если верить Литтре, то такой напиток называли «епископом»), либо добавляли в вино очень горячие гренки, либо погружали в него раскаленную добела кочергу.

Пиво

Долгое время приготовление пива являлось уделом монастырей. Первое письменное сообщение об этом принадлежит приору Санкт-Галленского монастыря в Швейцарии. Слово «хмель» (галлы не знали, как варить пиво из хмеля) впервые появляется в хартии аббатства Сен-Дени в 768 году: *cervesia lupulina*, буквально «ячменное пиво с хмелем». В Лотарингии это пиво ввели в обиход бенедиктинцы.

Только в одной Бельгии пиво Орваля, Рошфора, Вестмалле, Скурмона, то есть цистерцианцев, и премонстрантов во Флореффе, а также во многих других местах было монастырского происхождения. Знаменитым стало английское пиво из Бартон-на-Тренте, где в 1000 году бенедиктинцы основали аббатство. Даже название города Мюнхен (от слова

«монах»), равно как и пиво под названием «францисканское», тоже напоминает нам о своем происхождении.

Ячменное пиво (от латинского «*cervesia*», хотя это слово, вообще-то, галльского происхождения), собственно говоря, не было тем пивом, какое знаем мы. Это был не осветленный отвар, насыщенный забродившими злаками – овсом, полбой (от латинского названия полбы «*braces*» произошли французские слова «пивоваренный чан» и «пивная»¹⁷), чечевицей и даже горошком-викой. В Иллирии пиво называлось «*sabaja*», откуда произошло название известного итальянского десерта «*zabaione*». Сам факт, что слово могли использовать в таком смысле, хорошо показывает, каковым же на самом деле было «пиво» того времени, пока монахи не занялись изготовлением «неистового пива», более крепкого и лучше сохранявшегося (*cervesia violente* или *lupulina*).

Итак, монахи варили пиво, вернее говоря, доверяли варить его специалистам, которые сушили злаки в специальных печах, называвшихся «*torra*». Тяжкий труд ради того, чтобы получить напиток, который смог бы заменить вино. Различали крепкое «пиво отцов», предназначавшееся для монахов (за исключением конверзов), и «монастырское пиво», более слабое, его пили монахини (бригиттинки пили слабенькое пиво «*cervisia debilis*»).

Пиво особенно распространилось в северных странах, то есть там, где не рос виноград. По словам Д. Кноулса, пиво было основным напитком английских монахов.

Покровителем пивоваров является св. Арнульд или Арнульф, фламандец, родившийся в Памеле в Брабанте и ушедший в мир иной в 1087 году. Сначала он был епископом Суассонским, а затем аббатом-бенедиктинцем в Уденбурге. Он утверждал, что те, кто пьет пиво, менее подвержены эпидемиям, чем остальные. В этом нет ничего удивительного: в процессе пивоварения в кипящей воде погибают микробы, а благодаря ячменю и хмелю этот напиток насыщен витаминами, декстринами и минеральными солями, очень полезными для здоровья.

В иконографии упомянутый святой изображается погружающим свой епископский посох в пивоваренный чан. На протяжении веков этот образ привлекал к себе симпатии любителей пива.

И все же пиво даже в Германии рассматривалось как напиток на крайний случай, хотя аббат Арнульд и советовал пить его в периоды эпидемий. Мнение о пиве как о неважном напитке было настолько широко распространено, что реформатор бенедиктинского ордена св. Бенедикт Аньянский позволял пить монахам по две гемыны пива, то есть вдвое больше, чем вина. В Ключи пиво пили без ограничений. Монахи аббатства Бек пили пиво вечером в Страстную пятницу вопреки монашеским обычаям того времени (еще одно подтверждение их нежелания умерщвлять свою плоть). Сборник обычаев этого аббатства предусматривал, что должны делать монахи, если ночью они захотят пить (в Средние века для сохранения продуктов обычно использовалась соль). Монахи могли утолить жажду водой или пивом в трапезной, но никогда – вином. Показательно также, что столь подробный Эйнсхемский сборник обычаев не уточняет, какое количество пива позволительно, а довольствуется лишь тем, что рекомендует: надо пить только по необходимости, а не ради удовольствия. В бенедиктинском аббатстве в Трире во время поста выдавали по краюхе хлеба с солью и воду или пиво – на выбор.

Сборник обычаев Корби сообщает о раздаче по два стакана пива бедным, садовникам и... келарю.

Людовик Святой, не любивший пива, пил его перед Великим постом в целях умерщвления своей плоти. Он пытался несколько улучшить вкус пива, добавляя в него мед и тмин.

Сикера

Долгое время пиво преобладало в Бретани и Нижней Нормандии. В Нормандии сидр (или сикера, яблочный напиток) заменил собой пиво только в XII веке, а в Бретани – в XIV. Из Нормандии монахи-бенедиктинцы завезли яблоневую культуру для сидра, улучшенную

¹⁷ Может, и русское слово «бражка»? (При. ред.)

испанскими прививками, и саму технологию изготовления сидра в Южную Англию, где она широко используется до сих пор, а также в Тюрингию (Пфорта). Для приготовления грушовки («*prigaseum*» по-латыни) использовалась груша. Грушовка была напитком бедных и крестьян-вилланов.

Как написано в «Тайная тайных», из вишни, сливы и тутовых ягод тоже готовились напитки, «прохладительные и оказывающие слабительное действие». В житиях святых зачастую особо обращается внимание на то, что они, будучи людьми строгой нравственности, не пили ни вина, ни меда, ни пива, ни хмелевого пива, а «один только горький напиток из воды и сока диких яблок». По правде говоря, учитывая примитивную производственную технологию того времени, этот напиток, должно быть, представлял собой просто терпкое вино. В целом же все эти напитки практически не ценились как качественные. Поговаривали, что Бог послал их нормандцам как своего рода проклятие, если не кару.

Мед

Также как напиток, был известен мед (*medo* по-латыни, *mead* по-английски). Он, как и вино, приберегался для праздников. (*Drambuie* – это виски, искусно подслащенное медом.)

«Отцы живой воды»

Монахи стояли у истоков производства многих ликеров, водки из виноградных выжимок и прочих спиртных напитков. Объяснение здесь простое: монахи долгое время были единственными, кто имел в своем распоряжении аптекарские снадобья, запасы вина, финансовые средства и технологии производства, а также обладал духом новаторства и чувством традиции, смелостью нововведений и способностью дать им устояться. Кроме того, из Египта они привозили перегонные аппараты (так что не случайно среди первых дистилляторов Средневековья мы находим францисканца Раймонда Люлля и доминиканца Альберта Лёграна). Прибыв в Ирландию, они основали там самые могущественные и деятельные монастыри, какие когда-либо знавала история. Климат зеленого Эрина едва ли благоприятен для разведения винограда, поэтому монахи придумали спиртной напиток, который обойдет весь мир: виски. Первое упоминание о нем восходит к 1494 году, и оно касается поставки определенного количества ячменя некоему брату Джону Кору: «Для производства аквавиты» («*acqua vitae*» – «живая вода» по-латыни, а от слов «*uisce-batha*» и произошло название «виски»).

Так что легенда, приписывающая изобретение виски св. Патрику, содержит долю правды: действительно, три из четырех производств по перегонке, действующих в современной Ирландии, находятся в городах, где раньше были знаменитые аббатства.

Монахи-ирландцы, новаторы и великие путешественники, потомки св. Патрика, отправлялись с проповедью Евангелия в Северную Европу. И следом за ними в этих местах разливались потоки джина, шнапса, водки, шотландского виски, голдвассера. К этому внушительному списку Раймон Дюме добавляет две водки из виноградных выжимок – кальвадос и граппу. Они производились для богатых... «Утверждение, что между монастырем и перегонным аппаратом существует прямая связь, а не пропасть, – пишет он, – отнюдь не кощунственно».

Белые спиртные напитки: мирабелевая настойка, вишневая водка, сливянка, эликсир Спа, беккерс вписывались в обширный четырехугольник – Виттель, Спа, Эмс, Карлсбад, то есть в те места, где процветали бенедиктинские и ирландские аббатства Люксембург, Санкт-Галлен, Зальцбург, Фульда... В итоге все наши современные спиртные напитки пережили монастырский период в начале своего существования. Цистерцианцы Орваля изготавливали ликер-траппистин, цистерцианцы Эгбелля – аркебюзад, премонстранты – эликсир отца Гоше, монахи Сенанки – сенанколь, монахи Гранд-Шартрез – шартрез, бенедиктинцы Фонгомбо – вишневую водку «кирш». Суровые камальдолийцы, монахи Казамаи, изобрели свой особый ликер, а иезуитов в XV веке венецианцы прозвали «отцами живой воды» (*I padri dell' Acqua-vita*), то есть водки. Мелиссовая вода изобретена босоногими кармелитами Италии: все началось с их садов в Париже на улице Вожирар. Похоже, что появлением флёрдоранжевой воды мы

обязаны... военному ордену госпитальеров Родоса, ставшего позднее Мальтийским орденом. И только один бенедиктин – мирского происхождения, однако этот ликер производился в старинном аббатстве Фекана.

Торговля вином

Элио рассказывает, как оливетанцы, решив вести необычайно строгую жизнь, выкорчевали свои виноградники и разбили бочки монастырского винного погреба. Они пили только воду, но начали болеть и были вынуждены вернуться к вину. «Но вино их было таким слабым, таким разбавленным, что не могло поправить их здоровья». Тогда они оставили для себя лучшее вино, а... плохое вино пустили в продажу, называя его «вином, разбавленным водой».

Эта история содержит три познавательных факта: для здоровья полезнее вино, а не вода; если пить вино, то уж лучших сортов; и, наконец, наши оливетанцы, хоть и аскеты, понимали значение торговли. Они были не одиноки: цистерцианцы, клюнийцы, картезианцы занимались развитием торговли еще активнее. Торговые пути по реке Луаре почти целиком находились в руках прибрежных монастырей: Сент-Эн्यान, Флэри, Сен-Месмен, Сен-Мартен, Коммери и пр. Аббат Сен-Филибера из Нуармутье мог свободно возить товар по Гаронне и Дордони; а аббат Сен-Жермен-де-Пре пользовался аналогичной привилегией на реке Сене и ее притоках – Марне, Йонне, Уазе и Эн. Эвербах имел целую флотилию судов на Рейне. Монахи преуспевали в торговле, так как были свободны от пошлин на перевозимые товары. Часть монастырей, не производивших вина, занималась виноторговлей, например аббатства Гента и Сен-Тронда в Бельгии.

Торговля вином шла хорошо: в XII веке ежегодное потребление вина на душу населения достигало почти 40 литров в Генте, 50 литров – в Льеже. (Сегодня оно составляет от 12 до 15 литров.) Можно вообразить, каким было потребление вина в местах, где росли виноградники. Торговали главным образом винами лучших сортов, они этого стоили. Вина Парижского бассейна, в особенности Сюрена, Гутт-д'Ор близ Монмартра или Во-де-Серне, ценились столь высоко, что аббатство Сен-Жермен-де-Пре отправляло их даже в Анжу. Впрочем, вкусы могли меняться. В Средние века сен-пурсен стоил 2 су, а гранах – 20 су, в то время как бургундское вино продавалось не намного дороже (13 денье), чем кислое вино и уксус (12 денье)... Анжуйские вина стоили 10 фунтов за бочку, а вина из Нормандии – 60 су (в 1338 году).

Вина из Бордо продавались в основном в Северной Европе, Англии, Фландрии, Гамбурге и редко доходили до Парижа. Торговцы из Бордо практиковали разбавление вин из Медока и Либурна. Белые вина ценились дороже красных.

Св. Бернар негодовал по поводу тех изысков, каким предавались клюнийцы при дегустации и сравнении вин. Действительно, Франция уже тогда была страной «разборчивых любителей выпить», и реклама новых сортов на улицах не уступала тому, что мы можем наблюдать сегодня. Судите сами:

«Достойное, изысканное, крепленое вино, текущее, как белка по стволу дерева, без привкуса тухлого или кислого, сухое, живое, светлое, как слеза грешника, это вино так и просится в рот. Взгляните, как оно пенится, как искрится и рвется наружу (это *frizzante* некоторых итальянских вин, пена натуральных шампанских вин. – Л. М); попробуйте это вино, и вы почувствуете его вкус, проникающий глубоко в сердце».

В странах виноградарства, где вина в изобилии, его продажей занимались все, во главе с аббатами и приорами. Аббатство Сен-Бенинь в Дижоне имело свой «пункт реализации» уже в IX веке. Цистерцианское аббатство Рена, основанное в 1129 году, открыло магазин по продаже вин в розницу с вывеской, не лишенной юмора: «Веселый капюшон». Суда Эвербаха ежегодно перевозили в Кёльн около 2000 галлонов вина. В 1213 году епископ Пек из Венгрии жаловался папе Иннокентию III на то, что соседнее аббатство Сикадор скупает многочисленные виноградники и, отказываясь платить десятину, производит вино исключительно на продаж). В 1204 году аббатство Пфорта в Саксонии предложило в уплату за покупку собственности 200 фудер (около 2000 галлонов) вина, таким образом заменив деньги вином.

Монашеская виноторговля причиняла ущерб местным торговцам. Возможно,

существовала серьезная конкуренция со стороны продавцов иностранных вин. Виноградари Беза в Бургундии жаловались на это аббату. Им никак не удавалось сбыть свои вина в таверны. Аббат согласился с ними и заключил договор, ограничив право продажи иностранных вин одним месяцем. Для обеспечения реализации принятых мер матрикулярные списки были доверены аббату и местному судье, и каждый год эти «меры» перепроверялись «из опасения, чтобы они не уменьшились или, наоборот, не слишком расширились» (Монтене).

Глава IV **Одежда делает монаха**

Монашеская мода

Достоверно не известно, была ли действительно у Аристотеля глава о шляпах, зато нет сомнений, что рано или поздно глава о монашеском облачении должна появиться в труде любого историка. Это одна из самых ярких и сложных страниц истории моды, хотя сами монахи всегда подчеркивали свою волю к неизменности, независимости от настроений времени, свою скрупулезную верность той одежде, какую завещал носить основатель ордена, приверженность к этой однообразной одежде-униформе, а также желание соответствовать требованиям жизни с идеалами бедности, простоты и строгости, подчинения тела духу. Но как жить в миру и без экстравагантности показывать свое стремление к иной жизни, которая, если не отделена от мира, то, по крайней мере, стоит в стороне от него? Как жить, не подчиняясь велению своего времени, но вместе с тем не выглядеть человеком из другой эпохи?

Проблемы одежды, белья, обуви, перчаток на протяжении столетий занимали умы монахов, как, впрочем, и военных, ибо костюм как таковой всегда имеет богатый символический смысл. Одежда – знак принадлежности к определенной группе, свидетельство единства во времени и пространстве. Она подтверждает это единство, и потому – силу той или иной группы в целом.

Для примера возьмем сборник обычаев Эйнсхема. Сначала описывается, какой должна быть жизнь монаха – «всегда воспламененной любовью к Богу», преображенной, по словам Иисуса Христа, в «обитель Царствия Небесного»; затем подчеркивается, что одеяние и тонзура должны постоянно напоминать монаху о его целях в жизни. «Вот почему монах носит дешевые, темные одежды, дабы показать, что он сам смотрит на себя как на последнего грешника. Он одет с головы до ног и тем самым учит себя соблюдать заповеди с самого начала и до самого конца своей жизни». И далее в том же духе.

Текст Жильбера Криспена, аббата Вестминстера (скончался в 1119 году), весьма убедительно выражает главное назначение монашеской одежды как свидетельства того, чем является человек внутри себя. Ношение монашеской одежды представляет собой торжественный акт, ибо он подтверждает желание монаха изменить свою жизнь и отныне исповедовать целомудрие и смирение.

У каноников Марбаха старший в монастыре произносит молитву об освящении одеяния и призывает Духа Святого совершить над человеком внутреннее преображение, символ которого заключается в монашеском одеянии. И наоборот, в ордене Артиж, если монах нес наказание, ему подрезали капюшон «спереди и сзади... дабы показать его бесчестие». Цистерцианцы заставляли провинившегося конверза работать в мирской одежде.

В облачении монаха заключена невероятная священная сила. Считалось, что человек, поцеловавший полу рясы странствующего монаха, обретал отпущение грехов на пять лет, чего можно было бы добиться, только неукоснительно соблюдая сорокадневные посты в течение этого срока. Недаром некоторые миряне желали быть погребенными в монашеской рясе. Так, герцог Бургундии Филипп Смелый похоронен в белом облачении картезианца (1404), послужившем ему саваном. Какова бы ни была вся предшествующая жизнь умирающего (а Средние века изобиловали невероятными приключениями), все равно, в монашеском облачении, смилившийся и раскаявшийся, он мог, по крайней мере, надеяться на помилование

Богом. Облачение называлось в таком случае «спасительным». Этот обычай, зародившийся IX веке, широко распространился со временем. Желая поступить подобным образом монахи более или менее охотно соглашались предоставить эту «услугу». Они дорожили своей латынью, но монашеское облачение обесценивалось.

В Средние века, столь богатые символикой, общество имело четкую структуру: социальные классы, братства, ремесленные цехи и корпорации, четко разграниченные между собой, поэтому понятно, что монахи тоже стремились подчеркнуть свою принадлежность к определенному ордену. Главную роль здесь играла одежда – исключительная «собственность» каждого монашеского ордена. Отсюда и бесконечные споры, возобновлявшиеся от века к веку, уточнявшие замысел и воплощение. Все становилось предметом дискуссии: цвет одежды, ее покрой, длина туники, размеры капюшона, пояс, обувь... Каждая реформа одежды влекла за собой какое-нибудь новшество, когда, разумеется, все требовали возврата к первоисточникам.

Однако по одному вопросу разногласий не возникало (по крайней мере, вначале): имеется в виду требование бедности и простоты. Какой бы ни была ткань: пенька, овечья шерсть, козья или верблюжья, лен (лен, скорее, предназначался для белого духовенства в воспоминание о плате св. Вероники), все равно эта одежда описывалась как грубая, жесткая, колючая. Монашеское облачение походило на платье крестьян и пастухов, так одевались картезианцы, францисканцы, авелланиты.

То же самое требование бедности приводило к тому, что монахи без всякого стеснения, а скорее даже с гордостью, носили изношенную, латаную одежду (за исключением тамплиеров – монахов-воинов). Св. Бенедикт Аньянский смирения ради латал свой куколь заплатами из ткани другого цвета, дабы, по словам Элио, «навлечь на себя насмешки других монахов, которые оскорбляли его и считали безумным»...

Из этого можно сделать несколько выводов. Во-первых, любая группа, даже если в ней одни святые (что маловероятно), всегда прореагирует на отклонение от нормы. Во-вторых, уважение к иерархии было не столь развито в ту эпоху: оскорбить Бенедикта Аньянского не стоило ничего. В-третьих, даже святые отцы могли доходить до крайностей. Нет ничего страшного в том, что Бенедикт Аньянский за неимением лучшего носил пестрый от заплат куколь. Но то, что он добровольно, ради умерщвления плоти выступил предшественником наших хиппующих юнцов, доказывает, что можно быть великим человеком и в то же время не ведать, как далеко зайдешь. Во всяком случае, Церковь, проявляя терпимость, никогда не поощряла разного рода экстравагантность, придерживаясь мнения, что сам Христос одевался хорошо, если стража у креста бросала жребий, деля его ризы; и что не следует выставять себя большим католиком, чем папа римский.

Другое следствие монашеского обета бедности: шерсть никогда не красили, ибо красить ткань означало вводить в заблуждение.

Генеральный капитул цистерцианцев в 1181 году принял решение исключить окрашенные и привлекающие к себе внимание (*tincti et curiosi*) ткани. Такого же правила придерживались гумилиаты и все приверженцы идеала бедности.

Однако, вопреки воле законоучителей, в одном и том же ордена появляются значительные различия цветов одежды. Отныне возникает проблема: следует ли афишировать бедность и пренебрежение одеждой, допуская тем самым известную долю анархии, или же предпочтительнее, пожертвовав малым, сохранять главное – однородность своей группы? В конце концов, все ордена приняли второе решение.

Новые вопросы возникали в связи со сменой времен года. Нужно ли доводить умерщвление плоти до такой степени, чтобы и зимой, и летом ходить в одном и том же, отказаться от обуви, от нижнего белья, или же, следуя принципу дискретности, поступать более мудро, принимая во внимание климат и обычаи страны? И если принять более разумное решение (не все монахи сделали это, некоторые из них добровольно выносили невероятные испытания зимой на севере), то как следует поступать в конкретной ситуации? Можно ли носить пелиссоны?¹⁸ Перчатки? Обувь на меху?¹⁹ Петр Достопочтенный запрещал своим

¹⁸ Пелиссон – свободная длинная или полудлинная одежда на меху с длинными рукавами. Мужские пелиссоны иногда делали с капюшоном. В XIV веке пелиссоном называли также плащ на меховой подкладке с прорезями для

монахам надевать шкуры ягненка, но это не распространялось на немцев и на монахов из «соседних» регионов. Но до каких же пределов простирается «соседство»?

Следует ли монаху носить одну и ту же одежду для работы, богослужения, сна, трапезы, путешествия? Различные требования заставляли быстро принимать решения в зависимости от обстоятельств, и здесь проявлялась неистощимая изобретательность монахов.

В одежде соблюдалась тщательная регламентация. Небрежный или отчасти «цыганский» вид свидетельствовал о ненормальности. В качестве примера приведем отрывок из Элио с описанием одежды бригиттинов:

«Монахам выдаются... две нижние рубашки²⁰ из белой ткани, туника из серого буре²¹, такого же цвета прикрепляющийся к ней капюшон с пелериной²² и мантио²³, на котором священники с левой стороны носят Красный Крест в память о Страстях Господних, а в середине Креста – кусочек белого сукна в форме облатки в память о Святом Причастии, ради которого совершаются ежедневные литургии»...

Также описывались детали облачения для диаконов, конверзов и сестер (у них мантио застегивалось «деревянным узлом», головной убор крепился на голове «иголкой», а поверх него – покрывало из черного полотна, которое «прикалывалось тремя иглками»).

Как и в армии, малейшие детали одежды монахов были важны и имели свой собственный смысл. Цвет одежды был близок к естественному цвету ткани. Опытный глаз мог сразу же различить тот или иной важный знак: кожаный пояс у доминиканцев, веревку вместо пояса у бриктинцев и францисканцев, пояс из льна или оленьей кожи у бенедиктинцев Бурсфельда и т. д.

Апостолики носили рясу и скапулир²⁴, а сверху – большой камай²⁵ из серого сукна, к которому прикреплялся маленький капуччо. У иезуатов была белая ряса, кожаный пояс, мантио коричневого цвета, большой белый квадратный капюшон, спадающий складками на плечи. Келлиты или алексиане выделялись своими роб²⁶ из черной саржи и скапулирами из того же материала, к которому прикреплялся капюшон. Бониты носили тунику, кап²⁷ и куколь с

рук. (Прим. ред.)

¹⁹ В данном случае в оригинале речь идет о башмаках на деревянной подошве, подбитых мехом. (Прим. ред.)

²⁰ Шемиз – нижняя рубашка (мужская – без рукавов) существовала еще у франков и в мужском костюме сохранилась до 30-х годов XX века. (Прим. ред.)

²¹ Буре – грубая шерстяная ткань. (Прим. ред.)

²² Капуччо по-итальянски, шаперон по-французски – средневековый капюшон, закрывающий плечи, с длинным «хвостом» от затылка. В XIV веке мужчины стали носить его с жестким бортом, «хвост» удлинился, его драпировали над бортом различным образом, спуская конец на плечо. (Прим. ред.)

²³ Мантио – накидка, плащ без рукавов, королевская мантия имеет форму круга или полукруга, позднее – одежда некоторых должностных лиц, но уже с рукавами. (Прим. ред.)

²⁴ буквально «наплечник», головной убор, закрывающий плечи, сшитый из двух прямоугольных кусков ткани с оставленным в одном шве отверстием для лица. Разновидность куколя. (Прим. ред.)

²⁵ первоначально кольчужный подшлемник, закрывавший шею и плечи, позже короткая пелерина, соединенная с капюшоном. (Прим. ред.)

²⁶ первоначально в XIII веке обобщающее понятие мужской и женской верхней одежды с распашными полами и застежкой, если она есть, по центру; в отношении католических монахов ее смело можно назвать рясой. (Прим. ред.)

²⁷ длинный широкий плащ из любой ткани в форме полукруга с небольшим отложным воротником, если его делали с капюшоном, то называли «кап по-испански».

«хвостом» из прочных тканей, шерсти или пеньки, и подпоясывались поясом. Одежда доминиканцев, первоначально уставных каноников, была из белой шерсти, а пояс – кожаный. Поверх туники и под куколем также белый шерстяной скапулир, но короче туники. Кап черный, без рукавов, с черным же куколем. Облачение францисканцев-кордельеров (буквально «веревочников») – маленький куколь, шаперон, мантия из сурового сукна коричневого, серого или черного цвета (в разные эпохи), пояс из веревки с тремя узлами. Изначально францисканская одежда кроилась в форме креста: в разложенном виде рукава и капюшон верхнего облачения монаха образовывали крест.

Были и иные признаки, позволявшие определить, к какому именно ордену относится тот или иной монах. Красный Крест из шерсти на левой стороне мантии? Это тамплиер. Красная пятиконечная звезда с маленьким голубым кругом посередине? Это вифлеемиты. Крест и две лилии? Целестинцы Франции. Мальтийский крест из красного шелка с шестиконечной звездой? Крестовосцы Красной Звезды. Камальдолийцы Мурано носили «белый головной убор на подкладке из черного шелка и такой же оторочкой», гумилиаты – берет²⁸ из грубой шерсти серого цвета, иезуаты – «согреватель или белый шаперон», который они обычно сдвигали на плечо, когда хотели обнажить голову. Кармелиты конгрегации Мантии отличались от прочих кармелитов белой шапочкой, под которую надевался куаф²⁹ из черного холста, из такого же холста были сделаны окантовка по краю и подкладка...

Итак, скажете вы, теперь все ясно. Монах одет соответственно тому, в каком ордене или конгрегации он состоит, поэтому определить его принадлежность можно без труда.

Однако считать так – значит плохо понимать человеческую природу. Монах носит капюшон, но какой длины?³⁰ Основатель ордена и его последователи никогда и не думали уточнять такие детали. Отсюда и бесконечные споры о том, каким должен быть настоящий капюшон. Надлежало определить не только длину, но и форму. Например, в конце XV века босоногие минориты носили квадратный капюшон, но придавали ему остроконечный вид наподобие капуччо св. Франциска. Затем, неведомо как (очевидно, везде по-своему толковали устав и традиции), различия появляются даже внутри одного и того же ордена в зависимости от его местонахождения. Французские камальдолийцы носили остроконечный капуччо и скапулир, доходивший до колен, тогда как камальдолийцы Сен-Мишеля и Мурано – круглый капуччо и скапулир такой же длины, как ряса. Когда говорят о больших и малых августинцах или больших и малых кармелитах, чаще всего имеется в виду размер их одежды – широкой или узкой.

Разумеется, между братьями не утихали споры, и каждый стремился доказать свою правоту. В частности, капучины, наиболее пылкие из всех монахов, доходили до того, что начинали судиться с другими францисканскими конгрегациями по поводу цвета их одежды, фасона кожаных сандалий, капюшона, бороды, белой веревки, служившей им поясом... Приверженность монахов определенному виду одежды поразительна. Бедный папа Геласий II, монах из Монте-Кассино, занимавший престол св. Петра чуть больше года (с 24 января 1118 года по 28 января 1119-го) и ставший объектом бесчисленных нападков и угроз со стороны могущественного семейства Франжипани и императора Генриха V, предчувствуя приближение смерти, вернулся во Францию и скончался в Клюни в своей монашеской рясе, расстелив ее на земле.

Одежда столь точно характеризовала монаха, что зачастую он получал от нее свое название. Францисканцы носили пояс из веревки, их стали называть «кордельерами» – «веревочниками» от французского слова «corde» – «веревка»; валломброзанцам их серая

²⁸ мягкий мужской головной убор, состоящий из широкого круга ткани, собранного по объему головы на узкий околыш с небольшими отогнутыми полями, слегка расширенными в верхней части.

²⁹ женский чепец из полотна, поверх которого надевали все головные уборы в эпоху Средневековья. IX–XIV века.

³⁰ Речь идет о длине «хвоста» шаперона. (Прим. ред.)

«униформа» дала название «серых монахов»; «бежевые братья» – братья милосердия в своих бежевых одеждах, а форма их скапулиров повлекла за собой прозвище «брусочки», намекая на соответствующий геральдический элемент; кармелитов за их смешное примитивное манто прозвали братьями-сороками; скапулир из мешковины кающихся братьев объяснял, почему их величают «мешками»; сервитов Пресвятой Девы за их одеяния прозвали «белоризцами»...

Были и другие отличительные признаки: одни монахи путешествовали только пешком, другим разрешалось ездить верхом, однако, как у госпитальеров Сент-Антуана из Вьеннуа, при условии, что на шее лошади будет привязан колокольчик. Другим (в частности, тринитариям) позволялось, в знак смирения, садиться только на осла, из-за чего их и прозвали матюренами («матросиками»). В 1252 году папа Иннокентий IV разрешил бонитам отменить ношение посоха, «высотой в пять ладоней в форме костыля», который отличал их от миноритов. В 1255 году папа Александр IV повелел носить точно такой же посох августинцам, но уже на следующий год это решение было отменено...

С одеждой монахов происходило то же самое, что и со всеми людскими одеяниями: некоторые монахи впадали в крайности (францисканцы Кануччиола были осуждены за это в 1434 году, причем среди прочих!). Бог ведает, по какой причине, но клунийцы прятали свой узкий скапулир, хотя едва ли из опасения быть узванными. Наиболее неразумные из монахов надевали узкие туфли и широкие манто под названием *huque* по мирской моде, наряжались в яркие цвета на манер фламандских девушек и носили рогатые капюшоны *soqueluch*, напоминавшие петушинный гребень, а также осмеливались разъезжать верхом с клинком на боку.

Носильные вещи

Вот перечень носильных вещей монаха X века в описании Элио: две саржевые рубашки, две туники, два шапа³¹, два куколя (называемых также скапулирами), две пары кальцони³², четыре пары обуви для дня, тапочки для ночи, две пары мягких туфель без каблука, один рок³³ из шерсти, два пелиссона до пят, перчатки для лета, рукавицы для зимы, деревянные сандалии, подвязки или пояса, чтобы подпоясываться во время путешествия или, находясь в монастыре, прикреплять кальцони и чулки.

Монже, историк картезианского ордена в Дижоне, описывает происходившую в 1389 году покупку белой каэнской, английской и аррасской саржи, из которой шили кале (или куле, как назывался куколь у картезианцев), а также поставку белого сукна из Невера, предназначенного для носильных вещей картезианцев: двух котт³⁴ дневных, двух котт ночных, двух больших куле, двух *aalmices* (скапулир с капюшоном), трех пар шоссов³⁵ (название другого вида штанов, кюлотов, происходит от латинского «*calcea*» – женского рода слова «*calceus*» – «туфли») и четырех пар мягких туфель (которые у картезианцев были из белой ткани) без каблука. Кроме того, Монже описывает закупку брунете (тонкого сукна из мериносовой шерсти почти черного цвета) для шитья шапов, камлена из Бомона, то есть двусторонней шерстяной ткани (этот материал редко красили, он был либо серого, либо темно-коричневого цвета), и манто из овчины для прогулок, поскольку картезианцы, как мы увидим, регулярно совершали

³¹ плащ с рукавами и капюшоном

³² разъемные широкие штаны-чулки до колен и длиннее.

³³ по-немецки буквально «юбка», любая длинная широкая одежда с отрезной юбкой.

³⁴ средневековая мужская и женская одежда, до XII века соответствовала блузе, у мужчин до этого времени была выше колен, затем – ниже щиколоток, в XIV веке вновь стала короткой. Крестьянский вариант назывался «котерон», что-то вроде короткой куртки без рукавов, к низу тесемками привязывали разъемные штаны.

³⁵ длинные, плотно облегающие ноги разъемные штаны-чулки XI–XV века.

прогулки.

Текст 1389 года сообщает о том, что аббат-бенедиктинец из Сен-Пьер-де-Без выдал своим монахам пять локтей³⁶ хорошего камлена; пять четвертей белой ткани бланкот; пять с половиной локтей полотна; рясу, куль и шаперон, пару зимних сапог и пару летних.

Упомянем также носовой платок («sudarium» или «mappula» по-латыни), деревянный гребень, нож (в Фонтевро уточнялось, что цена ножа – 2 денье, цена ножен – 1 денье), иголку с ниткой, стило и дощечку для письма, дополняющие имущество отшельников.

Из-за финансовых затруднений мало-помалу распространился обычай выдавать каждому монаху определенную сумму денег «для поддержания своего облачения», как тогда говорили. Эти меры были приняты после решения генерального капитула цистерцианцев в 1396 году. Но клунийцы начали действовать подобным образом на целое столетие раньше. Нельзя сказать, что эта практика слишком хороша, поскольку она приводила либо к пренебрежению внешним видом, либо к чрезмерной заботе о нем. Кроме того, у старших монахов возникало искушение не исполнять своих обязанностей перед остальными братьями. Отчеты клунийских визитаторов часто сообщают о подобных фактах: «Бывает, что приоры дают монахам деньги на их облачение». Другой текст (1290 года) упоминает об одном монахе, который требует отдать ему «деньги на облачение», просроченные за... двенадцать лет! Решили выплатить ему сумму, необходимую, чтобы одеться сносно, а в счет остального – выдать хороший молитвенник. Еще один отчет визитаторов Клуни отметил, что монахи некоего аббатства получают всего лишь одну рясу один раз в год, хотя им часто приходится заниматься таким трудом, при котором «ношение рясы неуместно».

Цвет

Вполне понятно, что люди, придающие такое значение символике одежды, будут уделять большое внимание ее цвету. И цвет, можно сказать, варьируется до бесконечности. В разные века разными орденами выбирались и разные цвета, что в основном зависело от основателя ордена. Вначале некоторые довольствовались просто натуральным цветом шерсти – серым, коричневым или черным; другие отбеливали шерсть, а третьи уже начали ее красить.

Первые монахи-бенедиктинцы были одеты в коричневое, вернее сказать, в рыжее; затем цвет их облачений стал черным – цветом покаяния, траура и смирения. Но это также и цвет чистоты, ибо на нем сразу заметны пятна! Лишь только в германских и англосаксонских землях, где, вероятно, испытывали трудности с тканями черного цвета, продолжали носить каштановые оттенки. Но все же черные одежды предпочитали многие: гранмонтанцы, сервиты, монахи Фонтевро, конгрегации Тирона (первоначально имевшие одеяния пепельно-серого цвета), августинцы, кармелиты.

Цистерцианцы же, напротив, назывались «белыми монахами», поскольку их одежда шилась из неокрашенной шерсти (скорее все-таки серой, поскольку именно такой цвет чаще всего изображен на миниатюрах). Один автор описывает этих монахов как «стаю чаек, сияющих снежной белизной». Говорили, что, узнав о видении, явившемся святому основателю их ордена, камальдолийцы, носившие до тех пор черную одежду бенедиктинцев, переменили ее на белые ризы, символ чистоты, причем они были первыми, кто сделал это.

Одеяние мерседариев и тринитариев белое, но с непременным черным кожаным поясом. А мерседарии к тому же имели на груди королевский герб и крест собора Барселоны как знак привилегии, дарованной королем Иаковом I Арагонским (1213–1276); у тринитариев же на левой стороне капа крест из ткани – красная и черная перекладыны.

Одежда премонстрантов также белого цвета – цвета причастия, Агнца Воскресения и Девы Марии, но сшита из грубой шерсти, «как и подобает кающимся грешникам». Белый цвет избрали картезианцы, авелланиты, паулисты, гильомиты, оливетанцы («из почтения к нашей Владычице, Царице Небесной»), доминиканцы, монахи Монте-Вирджино, а также уставные каноники базилики в Латеране (у них, как считалось, этот цвет заимствовали папы); каноники

³⁶ старинная мера длины во Франции, равен примерно 120 см. (Прим. ред.)

приняли белый цвет одежды, «дабы не смешиваться с мирянами».

Облачения бежевого, серого или пепельного цвета носили паулисты (по крайней мере, до того времени, пока они не приняли белый цвет, что произошло примерно в 1342 году), добровольные бедняки, богарды, монахи конгрегации Савиньи, бегины, по этой причине получившие название «маленькие серые братья» или «голуби»; и, конечно же, францисканцы, которые по-английски так и называются «серые монахи» – «grey friars». Вполне вероятно, что здесь речь шла о неокрашенной шерсти, имевшей коричневатый, сероватый или белый оттенок.

Во избежание споров о цвете св. Джованни Гвальберто, основатель ордена валломброзанцев, приказал изготавливать ткань из белой и черной шерсти. Получался серый цвет, поэтому монахи ордена назывались еще «серыми монахами». Так была решена проблема единообразия.

Кордельеры, члены конгрегации Вальядолида, добровольные бедняки (в другую эпоху), ерemitы Мон-Серра носили одежды коричневого, каштанового или цвета дубленой кожи. Среди наиболее редких упомянем голубой цвет, использовавшийся, несмотря на повторяющиеся запреты со стороны генеральных капитулов, «добряками», братьями-«мешками» францисканцами Латинской Америки, ибо, как утверждали эти монахи, индейцы (и, вероятно, они сами) любили этот цвет. Был также красный цвет или красноватый оттенок, закрепленный уставом Гендерика, аббата Реома (1240), и зеленый цвет апостолликов (XV век).

Монахам было совсем не обязательно носить одноцветную одежду. Часто случалось, что какая-то деталь костюма одного цвета, а другая – иного. Но в целом следует отметить, «ансамбль» подбирался со вкусом, и вкус этот, равно как и чувство гармонии оттенков, были почти всегда безупречны. Например, у цистерцианцев туника белая, а скапулир, капуччо, куль³⁷ – черные. В Фонте-Авеллана монашеские одеяния были белыми, но мантио – бирюзового цвета, и таким же было облачение силвестринцев, украшавших манжеты и воротнички белым фаем³⁸. Кап кармелитов начиная с 1287 года – белый, а куколь – коричневый. В Люксёй носили белые облачения со скапулиром или камаем голубого или фиолетового цвета. Келлиты, или александре, носили, как и все добровольные бедняки, одежду из неокрашенной шерсти, черный скапулир и серое мантио в широкую складку.

Цвета также могли и меняться: в начале XII века куколь цистерцианцев из серого становится черным, а туника вместо каштановой делается серой. Еще более сложные изменения произошли у кармелитов. Из Палестины они привезли себе ткань в полоску под названием «джеллаба»: три полосы коричневого цвета напоминали о теологических добродетелях, и четыре белых – о главных добродетелях. Но такая расцветочка вызвала насмешки, и папа Гонорий III (1216–1227) приказал заменить это на серую «gonne»³⁹ и белый шап; однако кармелиты отказались. И только в 1284 году они смирились с тем, что им пришлось принять черную рясу с капуччо и куколем того же цвета, сверху широкий шап и камай черного или темно-коричневого цвета. Отправляясь петь на хоры, кармелиты надевали и до сих пор надевают белые мантио и капуччо, поэтому их прозвали «белыми братьями».

В некоторых монастырях, например в Сен-Васт в Аррасе, одежды разных цветов означали аббата, диакона, священника, монаха или новicia. У силвестрианцев генерал монашеского ордена имел право носить одежду фиолетового цвета.

Выделявшиеся своими одеяниями, монахи были удобной мишенью для насмешек мирян. Известна пословица: «Одежда не делает монаха». Меньше известны стихи Рутбефа, касающиеся молодых монахинь – «синиц»:

³⁷ первоначально плотно облегающая голову шапочка, при выходе на улицу поверх нее надевали головной убор.

³⁸ шелковая ткань.

³⁹ буквально «бочка», речь идет о gonnelle – форменной одежде, украшенной гербом. (Прим, ред.)

Монашки голубые, и черные, и серые –
Разумные паломницы, святые и примерные.
Что Бог их с ними заодно,
Наверняка сказать мне не дано.

Перчатки

Мы находим упоминания о «рукавицах» – «mitaines» («mitteanae laneae» от старо-французского слова «mite», одного из названий кошки, намекающих на ее мех!), летних перчатках и варежках для зимнего времени. В тексте 1385 года говорится о 110 дюжинах пар перчаток (рукавиц на двойной подкладке) для каменщиков, работавших в картезианском монастыре Дижона. И все эти рукавицы были использованы за 15 месяцев! На славу потрудились в этом монастыре! Орден тамплиеров разрешал капелланам⁴⁰ носить перчатки (исключительный случай!) «из уважения к их положению предстоятелей Божьих».

Обутые и босые

Босиком ходили еремиты, первые францисканцы, кармелиты и доминиканцы, иезуаты, авелланиты, камальдолийцы, монахи конгрегации Флор и другие.

Монахи аббатства Бек снимали обувь в монастыре с начала октября до Пасхи. Кармелиты, называемые босоногими, ходили в холщовых туфлях на веревочной подошве. «Мешки», или иезуаты (походившие достаточное время босиком), апостольские бедняки, оливетанцы носили деревянные сандалии, а трапписты – сабо. Бернардинцы ходили «на босу ногу», то есть без чулок, но в цокколлы – башмаках на деревянной подошве, позаимствованных у местных крестьян. Отсюда их прозвище: zoccolanti.

Картезианцы в зимнее время носили кожаную обувь или же обувь на деревянной подошве. Они получали по две пары в год, а также жир в придачу (в Камальдоли им выдавали свиной жир для смазывания обуви; этим занимались или в теплой комнате, или на кухне, как в Ключи). Текст Монже повествует о работе сапожника, шившего сапоги на войлочной подкладке для монахов-картезианцев «гарнизона Шартрё». Нужно сказать, что монахи этого ордена всегда селились в особенно суровых местах, часто в горах.

Известно, что существовала разная обувь для дня и для ночи (несомненно, более мягкие тапочки). Зимой часто носили обувь на деревянной подошве, называемую *ratini*, с гвоздями, хотя устав 1259 года запрещал каноникам Ахена заходить в такой обуви в церковь «во избежание стука» подошв. Чулки делали из грубой шерсти, белой или серой; длинные зимние подвязывались к поясу, а летом более короткие закрепляли подвязками под коленями. Картезианцы носили чулки из полотна.

В XVI веке был проведен ряд реформ с целью придать уставам большую строгость. Одним из признаков «возврата к истокам» стало появление «босоногих» монахов.

Во всех орденах старую обувь раздавали бедным. Это происходило в определенный день, часто на Пасху. Также поступали и с одеждой. У бригиттинов после смерти монаха его носильные вещи раздавались неимущим. Некоторые удивляются такой щедрости в условиях постоянной бедности и нехватки. Но не нужно забывать, что, поступая таким образом, монахи творили милостыню – и одеждой, и пищей, и приютом путников. К тому же их одежда и обувь, в общем-то, мало стоили, если принять во внимание дешевый труд в монастыре и многочисленность монахов. Кроме того, монахи носили свою одежду и днем, и ночью часто на протяжении целого года, и довольно заманчиво было сменить ее на новую.

В отношении обуви слабость человеческой природы неизменно проявляется сполна: щеголи того времени обычно носили туфли разного цвета, подбирая к ним шоссы из двух

⁴⁰ католический священник, состоявший при капелле, то есть церковном хоре. (Прим. ред.)

разноцветных половинок (как еще наши современные модники не додумались до такого?). Духовенству запрещалось подражать им, и монахам предписывалось ходить только в черной обуви. Кроме того, монахи не имели права носить слишком узкую обувь, ибо, по словам одного из авторов того времени, «ноги в узких ботинках есть признак греховности, от коей истекают низменные поступки».

Нательное белье

Носить или не носить белье? Несомненно, это вопрос серьезный. Вначале его не существовало. Еремиты не имели склонности нежить свою плоть: прямо на голое тело они надевали одежду из грубой шерсти, из ткани в рубчик или из козьей шкуры. Власяница из конского волоса, вся в узлах (как у целестинцев) или из поросычьей щетины, а иногда вдобавок еще и кольчуга, которую носил св. Этьен де Мюре, основатель ордена валломброзанцев, «доставляли плоти мученья».

Кто же носил нижнее белье в первые века Средневековья? Изнеженные и утонченные люди. А монахи подражали аскетизму своих учителей: Можно ли признать лишением отсутствие нижнего белья? Несомненно, поскольку мы видим, что многие сборники обычаев запрещали носить какую бы то ни было, рубашку – будь то из шерсти или из полотна. Подчеркивая аскетизм некоторых уэльских монахов, говорили, что они отказывают себе в мясе, женщинах, лошади и... нательном белье. Отказ носить сорочку рассматривался как умерщвление плоти. Так поступали монахи в Монте-Кассино (где, однако, разрешалось носить «саван из грубого полотна под саржевой туникой»), камальдолийцы, цистерцианцы (правда, дети могли носить белье из льна или из конопли), марсельские викторинцы.

Кармелиты же, сервиты, бенедиктинцы Бурсфельда, доминиканцы и премонстранты, напротив, носили шерстяную сорочку, шершавую и колючую на ощупь; целестинцы, силвестринцы и позднее мавристы – сорочку из саржи. Монахи Фонтевро – рубашку из льна или же из конопли, а «обычно из белой шерстяной ткани или кисеи».

Картезианцы, тамплиеры и рыцари Тевтонского ордена (эти суровые сибариты тоже использовали льняную ткань!) носили полотняные рубашки. Кальме пишет также о сорочках из фая – разновидности грубого шелка.

Лен и льняные («кисейные») сорочки появятся в более позднее время. Разумеется, некоторые видели в этих изменениях признак упадка. Один средневековый автор бросает горькие упреки в адрес монахов, некогда живших в лесах и носивших одежду из грубой шерсти, а теперь сменивших шерсть на лен. Возмущение было столь велико, что бегарды, они же бегины, позволяли себе задирать платье братьев-миноритов, демонстрируя всем надетую на них – о, какой скандал! – сорочку...

В орденах, где сорочки были разрешены, монахи получали их по две штуки. «Одну – носить, а вторую – стирать», – как написано у бригиттинов. «Для стирки», – отмечает и св. Бенедикт (Устав, LV, 21).

Забота о рубашке была одной из многих других в монастыре. Например, в отчете 1299 года, составленном визитаторами ордена Ключи, аббату предписывалось самому купить «кисеи» и проследить, чтобы братья не носили одежду, не разрешенную уставом.

Стирка белья

Ахенский собор 817 года постановил, что монахи сами должны стирать и чистить свою одежду. Для этого предусматривались специальные помещения, емкости, мыло, щелок, горячая вода. В картезианском монастыре Дижона изготовили два корыта: одно для кухни, а другое, как было сказано, для «ризницы», чтобы «стирать ткани, одежду и другие необходимые церкви вещи».

Раз в две недели устраивалась общая стирка. Постановления Бурсфельда требовали от монахов, чтобы они стирали свою сорочку один раз в месяц летом и два раза – зимой. Это, по меньшей мере, занимательно. В Ключи разрешалось разговаривать между собой во время стирки. Одежду сушили в специальном месте или расстилали прямо на траве. Вешать ее на

веревке запрещалось, что особо отмечено в сборнике клюнийских обычаев. Ежедневные дежурные стирали скатерти и салфетки (для рук и лица или для ног), а также носовые платки примерно такого же размера, как и полотенца для рук (1х3 фута). Эти платки монахи носили привешенными к поясу.

Наконец, отметим, что цистерцианские монахи, отправляясь в туалет, должны были предварительно снять свой куколь. С другой стороны, выделения из носа или рта следовало тщательно растереть по полу ногой, не только для того, чтобы не вызвать тошноты у слабонервных братьев (как сказано в сборнике обычаев Эйнсхема), но и для того, чтобы братья во время молитвы не испачкали своей одежды.

Глава V Гигиена

Баня

Трудно сказать, откуда пошла молва о монахах как о чрезвычайно нечистоплотных людях. Правда, некоторые из них действительно заходили далеко в своем стремлении к умерщвлению плоти таким способом. О св. Бенедикте Аньянском рассказывали, что «множество вшей ползало по его шероховатой коже, пожирая его тело, истощенное постами». Но это следует признать чем-то совершенно исключительным, вроде рекорда, как в спорте. Говорили еще, что он никогда не мылся. Это позволяет предположить, что так вел себя только он один, иначе, в чем же тогда заключалась его заслуга? Впрочем, компетентный ученый Кальме в своем «Комментарии к Уставу св. Бенедикта» едва ли выражает симпатии к бане (но это XVIII век). Он с удовольствием перечисляет свидетельства недоверия монахов к гигиене тела: цистерцианцы отлучали от причастия того, кто мылся без разрешения (но речь здесь шла об общественных банях, пользовавшихся дурной репутацией). Картезианцам запрещалось купаться в реках и прудах (то есть опять-таки публично, тогда как они имели воду в кельях). Монахам Монте-Кассино позволялось мыться только в крайних случаях, для чего требовалось разрешение генерального капитула! Пожилые монахи конгрегации Бурсфельда ходили в баню четыре раза в год, а молодые – два раза. Монахи Гирсау мылись два раза в год. В других местах мылись на Рождество, на Пасху и Пятидесятницу. В Фарфа мылись ежемесячно. Те же правила касались и монахинь, соблюдавших устав св. Августина. И лишь больные имели право помыться, когда только почувствуют такую необходимость.

Дом Кальме радуется, что бани были редкостью. Он объясняет это тем, что нательное белье монахи могли стирать сколько угодно. В прежние времена монахи спали одетые, не снимая своих грубых шерстяных одеяний, поэтому грязь, запах, кожные заболевания были обычными явлениями. Теперь же, утверждает он, нательное белье изменило ситуацию. Желая опереться на авторитет, Кальме цитирует св. Иеронима, который предписывал не стремиться к горячей бане тем, кто хочет потушить «жар плоти холодом поста».

К этому предубеждению, порожденному стремлением к умерщвлению плоти (ибо, в отличие, например, от хиппи, монахи всегда рассматривали телесную нечистоту как испытание), добавлялся также тот факт, что в обществе убежденных «холостяков» неизбежно пропадает вкус к чистоте, но это, скорее всего, было реакцией на скрупулезную регламентацию, которую так тщательно внедряли сборники обычаев. В конце концов, вся эпоха Средневековья пронизана подобными упреками (даже в сравнении с веком Людовика XIV); и если некоторые тексты рекомендуют мыться летом и осенью, то в них не упоминается зима или, что любопытно, весна; да и советуют они мыться только один-два раза в месяц людям в возрасте после 36 лет.

На самом же деле во всех средневековых монастырях царила большая забота о чистоте тела, по крайней мере, если опираться на то, что пишут и бесконечно повторяют сборники обычаев того времени. С первых же десятилетий существования ордена картезианцев в монашеские кельи была проведена вода, дабы монахи никуда не выходили. И вот результат: ко

всеобщему удивлению в монастыре не водилось клопов, хотя некоторые обстоятельства должны были бы способствовать их появлению: монашеский образ жизни (отсутствие нательного белья), манера спать одетыми, деревянные постройки, редко сменяемые постели и соломенные тюфяки. Правда, клопы водились у братьев-конверзов (как, впрочем, и у остальных людей в Средние века). По этому поводу возникали споры. Некоторые усматривали здесь особую милость Небес, оказанную этому наиболее строгому из монашеских орденов. Другие считали отсутствие клопов результатом того, что здесь не ели мяса. Однако проще всего предположить, что картезианцы вывели всех клопов благодаря поддержанию чистоты.

Начиная с VII века в некоторых монастырях существовали бани, в которых мылись горячей водой. В аббатстве Сен-Галль бани располагались рядом со спальней, и в них мылся каждый, кто хотел. Однако час, день и сам процесс мытья были строго регламентированы. Монахам предписывалось раздеваться, как в спальне, то есть по правилам целомудрия (чтобы лучше соблюдать эти правила, монахи и стали носить нижнее белье). Им не разрешалось опаздывать в баню. Вымывшись, монахи надевали выданное им чистое одеяние и возвращались в монастырь. Вся процедура проходила под наблюдением старшего брата, «благочестивого и целомудренного».

Умывание

Помимо мытья в банях (правила посещения которых, как мы уже видели, были самыми разнообразными), монахам предписывалось мыть руки перед едой и после еды; после сиесты; перед тем, как отправиться на хоры для совершения утрени; после мессы (в аббатстве Флэри горячей водой мыли и руки, и ноги); перед тем, как совершить омовение ног тринадцати бедным в Чистый четверг на Страстной неделе.

Сборник обычаев аббатства Бек упоминает слово «умывание» («ablatorium») более пятнадцати раз. Существовал специальный удар в колокол, возвещавший о том, что готова вода для умывания (об этом говорится в сборниках Бек и Эйнсхема). У мирян «звонить к воде» означало время обеда. Великим постом монахи некоторых аббатств не мыли ноги и не ходили в баню. Но Устав законоучителя устанавливал, что следует омыть ноги пришельцам, постучавшимся у ворот монастыря, в воспоминание о той женщине, которая омыла слезами ноги Иисуса Христа. Устав Ланфранка уточнял, что необходимо вовремя менять загрязнившиеся полотенца для ног.

Борода

В эпоху классической античности бороды носили философы и следом за ними некоторые римские императоры. Борода отпускалась в знак презрения к роскоши и социальным условностям. На Востоке борода служила признаком мудрости. На Западе же, наоборот, варварские народы вряд ли заботились о том, чтобы выглядеть «мудрецами», и борода вновь сделалась здесь синонимом грубости и непросвещенности. Конверзам в монастыре было позволено носить бороду, но отцы ее брили. Однако, как и в случае с баней и мытьем головы, в разных орденах бритье (*rasura*) совершалось по-разному: у одних бороду брили пять-шесть раз в год; у других – раз в три недели, каждый месяц или каждые пятнадцать дней, перед Пасхой и за два дня до Рождества. Некоторые сборники обычаев запрещали бриться в течение всего Великого поста или сорока дней (надо полагать, что монахи с радостью отказывались от бритья, и перспектива вновь подвергнуться этой процедуре выглядела не самой радужной). Действительно, совершить эту операцию бритвами того времени – немалое испытание, да еще когда это дело поручалось неумелым людям (даже если, в общем-то, каждый монах должен был научиться сам делать это), к тому же и бритье происходило без специального мыла. Я сильно подозреваю, что обычай петь псалмы во время бритья ввели с целью заглушить вопли «клиентов». Отметим, что какими бы аскетами ни были монахи, они не доходили до того, чтобы жертвовать своими щеками ради бритвы подростков, воспитывавшихся в монастыре. Они говорили, что наставники не должны подвергаться этой пытке, если юноши не владеют искусством брадобрея, и, как правило, мэтры сами брили друг друга. Зимой в холодных

северных странах это испытание было столь жестоким, что вопрос о бритье принимался капитулом.

У картезианцев подобных проблем не возникало: они вели отшельническую жизнь, и их устав предусматривал, что при входе в келью каждый из них должен был получить гребень, щетку, камень и ремень для правки бритвы.

Мартен оставил нам описание церемонии бритья в аббатстве Фарфа. Вот как, вкратце, все это происходило. Сначала раздавались бритвы, хранившиеся в ларце возле спальни, предварительно наточенные камерарием. Бритье совершали в самом монастыре (в Ключи – в теплой комнате). Братья сидели лицом друг к другу в два ряда. Одни держали в руках бритвы, другие – миски с горячей водой (надеюсь, с мыльной пеной). Тот брат, который брил, снимал рясу и «оперировал» в куколке. Тот, кого брили, снимал рясу и куколку и клал их рядом. Во время бритья пели псалмы, а конкретно – пятый псалом, как уточняет автор. Но стричь ногти или волосы было нельзя до тех пор, пока продолжали петь или пока снова не надевали куколку...

Как быть, если уже звонят к службе, а процесс бритья еще не завершен? В сборниках обычаев предусмотрено и это: монахи должны отправиться в храм, надев свой куколь, но не занимать свои места на хорах и не обнажать голову.

Прическа

В одном старинном сборнике обычаев говорится, что монахи обязаны мыть голову перед Вербным воскресеньем. При этом не уточняется, мыли ли они голову при других обстоятельствах (последнее вполне вероятно).

Бенедиктинцы, бернардинцы, картезианцы, которые не стригли волос, как пишет Кальме, часто мыли голову.

В аббатстве Фарфа каждый желающий мог вымыть голову в день бритья без особого разрешения. Но в другой день делать этого было нельзя. Почему? Я не ведаю. Не известно мне и то, почему монахи должны были спрашивать разрешения вымыть голову; и почему, если в большинстве случаев их брил один из братьев, они не могли заодно помыть и голову. И вообще, для чего была разработана эта сложная и тщательно расписанная церемония для таких обыденных действий, как стрижка волос и ногтей, бритье (целых три страницы, 85 строк в сборнике Эйнсхема!) и кровопускание. К примеру, указывалось, что в день бритья в трапезной должны быть заменены скатерти. Почему? Записано также, что в то время, когда дети, больные и монахи, перенесшие кровопускание, получают свой «mixtum», рефектории должны побрить друг друга под пение псалмов. И пока они поют, никто не может ни мыться, ни стричь волосы, ни заниматься своими ногтями, ни покидать монастырь без разрешения.

Мыло и лосьон

Галлы пользовались смесью жира и золы, чтобы красить свои волосы в рыжий цвет. Германцам было известно мыло: жидкое («Schaum») и твердое («Seife», по-английски «soap», по-латински «saipo»). Упоминается раздача мыла в поместьях Карла Великого. Известно и о том, что часть оброка выплачивалась мылом. У Петрарки говорится о «едком» мыле. Стало быть, в Средние века мыло знали. Употребляли ли мыло монахи? В одном из текстов того времени сообщается, что монахи мыли голову водой со щелоком после того, как в ней кипятили белье. В другом тексте речь идет о «мыльном жире», что указывает на употребление некоей жирной субстанции. Говорится также о траве, из которой делали брикеты под названием «herbacos» (травяные); в высушенном виде их использовали в качестве мыла. Это наша сапонария или мыльнянка.

В аббатстве Эйнзидельн мыло раздавалось в маленьких коробочках. Дом Жак Лекрек указал мне на текст, в котором говорится об использовании мыла после того, как монах уже вымылся. Вероятно, сначала в чистой воде монахи смывали основную грязь с рук и ног, а затем уже использовали мыло как ценный продукт, завершая мытье.

Монахи изобрели и первый лосьон. Они испытывали в нем необходимость. Текст 1305 года говорит о том, что монахи употребляли душистую воду на травах, выращиваемых в саду

рядом с трапезной и больницей; это были шалфей, майоран, базилик, мята, рута, розмарин. Вступив на путь элегантности, человек уже никогда не остановится. Перед сном гранмонтанцы, эти образцы строгих правил, ежедневно мыли бороду, расчесывали ее и укладывали красивыми волнами! На кого и уповать, если даже эти монахи, более суровые, чем сами цистерцианцы, занимались подобными вещами!

Ногти

Ногти не полагалось стричь ни в воскресенье, ни в праздничные дни. В сборнике Эйнсхема сказано, что можно стричь ногти на ногах, не испрашивая особого позволения, всякий раз, когда моют ноги. Что же касается ногтей на руках, то те, кто решил заняться этим, занимались маникюром перед вечерней или после капитула, спросив разрешения у соседей. Все это совершалось в полной тишине. Если же случалось, что кто-то заговаривал, когда стриг ногти, следовало обратиться к ближнему брату с *Benedicite*⁴¹.

Тонзура

Изначально тонзура служила отличительным признаком монаха более, чем его одежда. Макушка головы брилась, а оставшиеся волосы образовывали кружок в подражание «венцу» апостола Петра. Картезианцы выбривали тонзуру шесть раз в год.

Монашеская тонзура (не путать с тонзурой клириков) – знак и свидетельство «священника и короля» – выстригалась ножницами. Волосы венчика достигали середины уха. В основном эта процедура совершалась в тишине. В основном... Когда же выстригали первую тонзуру у новичиев, что в Эйнсхеме производили в больнице, то читали семь псалмов.

Находились и такие монахи, которые выделялись своими необычными, если не сказать авангардными, тонзурами. Поэтому сборники обычаев предписывали возврат к единообразию и традиции: «И пусть никто не украшает себя иной тонзурой, кроме принятой у нас».

Кровопускание

В Средние века все прибегали к кровопусканию (*minutio*) ради укрепления здоровья. Считалось, что производить кровопускание и очищение желудка лучше всего в определенное время, поэтому советовались с врачом, сведущим в астрологии. Весна и осень считались наиболее благоприятным временем для такого лечения. Старикам, пьяным, а также беременным кровопускание не делалось. Различные вены человеческого тела служили разным целям. Например, вена мизинца руки «отвечала» за исцеление печени, а вена правой руки гарантировала целомудрие.

Монахи уважали обычаи своего века. Поначалу они не соблюдали ни ритма, ни определенных дней, установленных для этой процедуры. Они действовали по потребности, но затем, как и во многих других областях, появилась более точная регламентация. Картезианцы Дижона производили кровопускание в пасхальную октаву, после праздника св. Петра, во вторую неделю сентября, за неделю до первого воскресенья Рождественского поста и за неделю до первого из трех воскресений до Великого поста. Четыре раза в год кровопускание делали августинцы, доминиканцы, кармелиты и монахи Бурсфельда; три раза – камальдолийцы, пять раз – викторинцы Парижа, премонстранты и каноники Арруэз; двенадцать раз – в других конгрегациях (как и у мирян).

В Эйнсидельне монахи являлись на операцию в ночной одежде. Зажигали яркий огонь. Перевязав руки, они пускали друг другу кровь, вызывая тем самым чувство милосердия. Эта процедура позволяет предположить наличие у монахов определенных медицинских навыков. Все происходило в полной тишине. По окончании кровопускания раздавали хлеб и вино или, по

⁴¹ Благослови (лат.)

обычаям этого аббатства, воду, которая, по мнению средневековых врачей, более полезна в данном случае!

Летом операция происходила после девятого канонического часа, а зимой – после вечерни. Разумеется, только с разрешения старшего во избежание крайностей. Кажется странным, что можно проявить крайность в таком деле, как кровопускание. Но все объясняется просто: дни после операции назывались «днями болезни» или «днями запаса крови» и означали нечто вроде отпуска или каникул. Перед операцией монах получал дополнительные хлеб и вино, а после нее – освобождался от всенощных бдений в течение двух дней; ему разрешалось разговаривать с другими монахами, которые находились в сходном положении, и с гостями монастыря. В течение двух-трех суток (в разных орденах по-разному) он имел право на вечерний паек, получал вино и лучшую пищу: пшеничные лепешки, оладьи, овощной суп, жареную рыбу или мясо – такое меню было у строгих камальдолийцев; в Ключни – яйца, дополнительную порцию сыра, три блюда жареного; в Сито – белый хлеб. У викторинцев в XIV веке в течение первых двух дней после операции полагались совершенно немыслимые деликатесы: жареный цыпленок на двоих, гусь – на четверых в полдень, а на третий день – цыпленок на одну персону сверх того, что полагалось обычно! В Шартрез на три дня прерывали пост, и монах в первые два дня получал вечером три яйца.

В другом тексте, относящемся к монастырю Сен-Витон в Вердене (X век), говорится о блюде из яиц и угрей, о щуке с черным перцем и других рыбных яствах, приготовленных на свином сале, весьма жирном. Вечером братья получали вафли и сверх того двойную порцию кларета. И все это из лучших побуждений, здоровья ради. Монахи чувствовали себя знатоками в искусстве врачевания и с полным правом давали рекомендации. В другом тексте говорится, что за неимением рыбы больным давали жидкую, жирную смесь вина, яиц и топленого свиного сала. Так что монахи прошлых веков были склонны к энергичному «восстановлению сил». Только одно суровое аббатство Бек ничего не предусматривало для дней после операции.

Кровопускание начали практиковать с VII века. Ни причины, ни истоки этой процедуры не известны. Возможно, попытка преодолеть плачевные результаты несбалансированного питания и малоподвижного образа жизни? Если так, то уровень науки в Средние века был близок к нашему. Во всяком случае, обильная пища после кровопускания быстро ликвидировала ощущение блаженства, действительного или воображаемого, какое наступало после операции. Может, это был способ победить плотские искушения? Но подобный механический образ действия совершенно противоположен самому духу обета целомудрия, основанному на воле и самоконтроле. Кто поверит, что для борьбы с искушениями не достаточно трудов, отказа от сна, суровых постов и воздержания?

Возможно, что практика кровопускания была принята, как сказано в одном старом тексте, по «медицинским» соображениям: лекарств существовало мало, или они отсутствовали вообще. На самом деле, эта операция попросту была модной на протяжении IX–XVII веков (вспомним Людовика XIV) и как любая мода прекратила свое существование без видимых причин. Некоторые монашеские ордена довольно рано отказались от кровопусканий, например, картезианцы еще до 1373 года. У других эта метода оставалась в уставах до XV–XVI веков. Достаточно долго хранили верность такой моде миряне. Они составляли клиентуру «минутора»⁴². Нередко целыми семьями они отправлялись на несколько дней в монастырь для участия в церемонии, скажем даже, празднике с отдыхом после каждого сеанса. Кроме того, люди прибегали к пиявкам, так, восемнадцать мансов⁴³ аббатства Прюм посылали монахам по тридцать пиявок каждый.

Судя по тому обильному питанию, какое получали монахи после кровопускания, можно сделать вывод: они лишались значительного количества крови. Рассказывают, что св. Жерар из аббатства Сов-Мажер, страдавший невыносимыми головными болями, попросил сделать ему кровопускание и затем отправился в путешествие, хотя его разрезы закрылись еще не

⁴² то есть того, кто проводил кровопускания (лат.)

⁴³ крестьянский надел.

полностью. Следует предположить, что они были глубокими.

Как же потом поступали с кровью? В одном тексте 1336 года говорится, что бенедиктинцы Сент-Андре во Фландрии даровали городу Брюгге поле, предназначенное для выливания крови после операций, чтобы «не отдавать ее свиньям»! Вероятно, наши монахи всегда проявляли уважение к ценности человеческой крови.

Глава VI

Белый убор монастырей

Монастырь

Монастырь – это сложная организация, ибо в условиях хозяйственной автономии он должен отвечать всем потребностям достаточного количества людей, как духовным, так и материальным. Прежде всего, это храм и ризница. Затем, на территории монастыря расположены дополнительные строения, предназначенные для повседневной жизни монашества: собственно монастырь или его внутренние галереи как центр монастырской жизни (в этом мы убедимся дальше), зал капитулов, отдельные спальни для монахов, новициев и конверзов, трапезная и кухня, всегда соседствующие друг с другом, теплая комната или зимняя приемная, умывальная комната и парильня, больница, которая в больших аббатствах, вроде Кентерберийского, могла иметь собственную часовню, внутренние галереи, свою кухню и сад; далее, отхожее место рядом со спальней, соединенное с ней узким извилистым коридором по вполне понятным причинам. Кроме всего прочего в монастыре есть прачечная, пекарня, хлев, конюшни, хлебный амбар, продовольственные склады.

На плане приората Крист-Черч в Кентерберии видны отдельные апартаменты для архиепископа и приора, административные здания, помещения для гостей. В Побле были предусмотрены дома для престарелых монахов. В других аббатствах имелись больницы, в которых принимали паломников и гостей. И всегда на территории монастыря возле церкви или больницы существовали два кладбища: одно – для монахов, другое – для братьев-мирян. Наконец, в каждом монастыре имелись свои живорыбные садки, свой огород, свои посадки хозяйственных и лечебных трав. Всего в середине XII века в Кентерберии жили 150 монахов, это аббатство располагало тремя спальными помещениями, одной больницей площадью 250 квадратных футов; монастырские галереи и трапезная составляли по 130 квадратных футов каждая.

Даже в монашеских орденах, где царила большая строгость, такое количество построек требовало значительных затрат, особых организаторских способностей, усилий, таланта, изобретательности, глубоких познаний в самых различных областях. И монахи вскоре станут обращаться к специалистам: архитекторам, каменщикам, стекольщикам, ювелирам, каменотесам. Аббат Гуго Клунийский в 1009 году постановил, что мастерские различных ремесленных цехов будут занимать площадь 125 футов в длину и 23 фута в ширину. Существовала канализация. В сухой каменистой почве (как у картезианцев Дижона) прокладывали подземные трубы для стока хозяйственных вод, для водопровода в монашеских кельях и рядом с кухней, а также для «осушения подвала, влажного из-за многочисленных подземных источников» (1396).

Река, на берегу которой строился монастырь, тоже служила нуждам братии: крутила мельничные жернова, снабжала водой кухню, канализационную систему, уносила отбросы из богадельни, отхожих мест, кухни и больницы. И все это было таким основательным, продуманным и разумным, что зарождавшаяся в начале XIX века промышленность не нашла ничего лучшего, как разместить свои фабрики в бывших монастырских стенах. Так, в Бельгии, в Генте, текстильная фабрика заняла старое помещение картезианцев; в Дронгене – префектурный дом, а в бывшем цистерцианском аббатстве Валь-Сен-Ламбер француз Лельевр открыл производство хрусталя.

Внутренние монастырские галереи

Изначально французское понятие «cloître» (от латинского «claustrum») означало «ограда», «замкнутое пространство» и даже «тюрьма». Похоже, что св. Пахомий, заложивший в Египте первый монастырь (IV век), в целях безопасности следовал образцу военного здания. Затем такое сооружение получило духовную санкцию в качестве «огражденного рая» или «рая за оградой», места прохлады, зелени, тишины и покоя, тени и света, вознесенного над мирской суетой места созерцания и молитвы.

Главное здание монастыря (claustrum) – сердце обители, геометрический центр монашеской цитадели и средоточие общежительного бытия. Монастырские постройки – спальни, трапезная – все это внешние, можно сказать, подсобные помещения братии, как и кухня, пекарня, прачечная и пр. Большинство монастырей имеют в плане четырехугольную форму, но встречаются и треугольные, и в виде трапеции (как в Тороне), многоугольные (в Вестминстере) или даже в виде круга (Маргам). Форма имеет символическое значение: например, треугольный монастырь возводили в честь Святой Троицы. На самом деле это часто зависело от характера местности. Но какими бы ни были их формы, монастыри первоначально представляли собой ряд галерей, крытых гонтом (Бек, Сен-Трон в Цвифальтене), черепицей или впоследствии шифером (Клюни, Субьяко, Кентербери и др.).

В повседневной жизни внутренние монастырские галереи служили местом основной деятельности в течение дня: здесь распределялись обязанности, выполнялись некоторые работы, здесь проходила процессия монахов, направлявшихся из церкви в зал капитулов, здесь шествовали процессии в большие праздники; здесь же совершались омовения перед принятием пищи (в каждом монастыре была умывальная комната, где мыли руки перед трапезой); здесь читали, молились, размышляли... По галереям каждый шествовал вдоль стен. Никто не занимал середину прохода. Ходили в молчании: посетители монастыря стеснялись звука своих шагов. Из библиотеки выходит монах: самое большое – краткий кивок и вопрос шепотом: «Вам что-нибудь нужно?» В точное время прозвонят angelus⁴⁴. Каждый остановится на миг, чтобы сотворить молитву. «Все тут – порядок и красота... Великолепие, покой, благодать». Как ничтожны здесь всякие слова.

Монастырская ограда

Ограда – это не только физическое препятствие, ограничивающее свободу монаха, ибо он не может выйти за ее пределы без разрешения аббата; это также замкнутое пространство, укрепляющее чувство общности; а главное, совокупность церковных правил, относящихся к этому пространству и к ограде, которая хранит его.

Вполне понятно, что ни одной женщине не позволялось проходить на территорию монастыря. Заманчиво, особенно в нашу эпоху, бросить беглый взгляд на причины, которые веками делали монастырь недоступным для женщин: их плотское вожделение, любопытство, свойственное женскому легкомыслию, безрассудное стремление к удовольствиям, пагубные желания, через которые действует зло. Можно вспомнить Соломона, Давида, Самсона, Лота, самого Адама, сотворенного непосредственно руками Бога, которым не удалось избежать обольщений и лукавства со стороны женщин. Уместно спросить, почему бы не вспомнить при этом также и об Олоферне⁴⁵...

Зал капитулов

⁴⁴ Молитва к Пресвятой Деве у католиков (Прим. ред.)

⁴⁵ военачальник ассирийского царя Навуходоносора, был убит Иудифью, спасшей таким образом свой город от гибели; об этом рассказывается в библейской книге «Иудифь». (Прим. ред.)

В этом зале собираются все монахи монастыря или весь монастырь (слово «монастырь» в значении «здание» является неологизмом, появившимся, в XVIII веке), чтобы послушать чтение главы («capitulum») из устава; отсюда и название этого помещения. Здесь монахи обсуждают различные вопросы, принимают важные решения, избирают настоятеля после смерти (или смещения) его предшественника, при случае заслушивают сообщение о той или иной проблеме духовной жизни, сознаются в своих прегрешениях (обвинительный капитул) и... обличают грехи других.

Зал капитулов почти всегда прямоугольной формы, как Парламент Англии в Вестминстере. Известны также круглая и многоугольная формы этого помещения. В Тороне такой зал расположен в восточной галерее монастыря, «ибо капитул собирается по утрам» и ему необходим ранний солнечный свет.

Спальня и постельные принадлежности

Вначале существовала одна общая спальня (дормиторий) и для монахов, и для аббата. В больших аббатствах (Эбербах, Побле, Хейлигенкрейц) это было весьма просторное помещение, например, в Побле – 66 на 12 метров. Каждый, кто служил в армии, согласится, что не будет преувеличением назвать спальню основным местом умерщвления плоти. Трапписты делились со мной, что они годами привыкали к своему общежительному существованию. Разве люди Средневековья, не знавшие одиночества, не страдали оттого, что все время спали друг у друга в ногах? Можно и усомниться. Иначе будет непонятно, почему монахи боролись за то, чтобы отказаться от общих спален. И лишь после XIII века в спальне появятся перегородки и занавески, когда по причине малонаселенности монастырей новиицы смогут добиться своего. Начиная же с XIV века деревянные обшивки и панели сделаются постоянной частью интерьеров монастырей. Во всяком случае, в отчетах визитаторов встречаются многочисленные упоминания о том, что монахи хотят отказаться от общей спальни.

Папа Бенедикт XII (1334–1342), угрожая отлучением, приказал разрушить все кельи, построенные цистерцианцами.

В больнице же были только отдельные кельи, и, главное, постели тоже были рассчитаны только на одного человека в отличие от обычной практики Средних веков, когда даже в госпиталях обычно спали по трое или по четверо.

Св. Бенедикт считал, что достаточно циновки, которая служила подстилкой, одеяла, пледа для ног и подушки. Монахи ордена фельянов спали на досках; премонстранты – тоже на досках, но слегка прикрытых соломой; братья-минориты строгого устава спали на голой земле или на досках, циновки же разрешались тем, «кто был менее крепкого склада». Оливетанцы спали на дощатом настиле без одеяла. Наиболее избалованные имели тюфяк (набитый соломой или сеном, иногда сухими листьями), который редко менялся, а также подушку (с соломой, волосом или перьями), шерстяное одеяло, иногда баранью шкуру (как у картезианцев), но никаких простынь, по крайней мере в самом начале.

Визитаторы выказывали недовольство: в таком-то монастыре они обнаружили шерстяные или льняные полотна; в другом – шкуры диких животных; еще в одном – разноцветное постельное белье (что в те времена было свойственно людям низшего сословия). Монахи Фонтевро имели право на саржевые простыни. Кроме того, визитаторы отмечали, что монахи прячут в постельных принадлежностях отдельные предметы. Аббат монастыря был обязан совершать частые «инспекции» (что, впрочем, предусматривалось и Уставом св. Бенедикта: LV, 33–34) и сурово карать виновных.

Монахи спали, не снимая одежды, за исключением скапулира и ножа, чтобы не пораниться во сне, как уточняет св. Бенедикт. Трапписты, даже заболев, никогда не раздевались перед сном, однако могли в таком случае получить «колючий соломенный тюфяк», соломенную же подушку и одеяло.

Уборка помещений

«По субботам следует убираться», – предписывает св. Бенедикт (Устав, XXXV, 13). В

аббатстве Бек садовник занимался уборкой трапезной перед третьим часом, а галереи – после повечерия. Секретарь убирался в зале капитулов и церкви. Он мыл алтари сначала водой, а потом вином при помощи иссопа или самшита. Застекленные окна мыл трапезничий – один раз за зиму, он же следил за чистотой полов в самой трапезной. На пол стелили сено или солому. Уже в те времена немало хлопот причиняли голуби. Один епископ X века требовал содержать крышу в приличном состоянии, так как птичий помет мог бы смутить паству и помешать богослужению. Забота о чистоте была столь усердной, что картезианцы Дижона купили 50 локтей полотна «для покрытия алебастровых камней, дабы мухи не засиживали упомянутый алебастр».

Отопление

Люди Средневековья постоянно страдали от холода. Выражение «держат ноги у камина» было синонимом хорошей жизни, но такую жизнь вели не все. Бедняк съезжился у своего очага, в котором тлели несколько хворостинок конопли или ободранная с деревьев кора. Вспомните картинку, набросанную Вийоном для прекрасной Гельмиеры про грядущую старость:

Время сгорает в костре из пеньки,
Время, которое было прекрасным,
Старые рядом сидят дураки,
Плачут, закутавшись в кучки тряпья,
Жмутся на корточках возле огня,
То разгорится костер, то погаснет...

К испытаниям холодом, общим для всех в Средние века, в монастыре добавлялось сильнейшее стремление братии к умерщвлению плоти. Вначале ни одно помещение монастыря не отапливалось (кроме кухни). Мой друг-картезианец писал мне (в декабре 1969 года), что каждую ночь температура опускалась до минус 10–15 градусов. А в апреле 1970 года он сообщил следующее:

«Этой зимой выпало рекордное количество снега. Вместо наших пяти метров (речь идет о Гранд-Шартрез, где климат особенно суровый. – Л. М) у нас было 8,2 м, и даже теперь, когда я пишу это письмо, продолжает идти снег... Первый этаж братского корпуса в течение многих месяцев погружен во тьму; мы вынуждены выходить из окон второго этажа и копать проходы, чтобы спуститься вниз и чтобы дать путь дневному свету на нижний этаж».

Это происходило в XX веке. В келье картезианца имелась печка с дровами, и зимой, как пишет мой уважаемый корреспондент, эта печка «мурлыкала и напевала денно и ночью». Добавлю от себя, что в Шартрез климат настолько суровый, что даже во время моих летних визитов в этот монастырь там слышалось пение печки. «Она не нарушает одиночества, – пишет мне мой друг в другом письме, – но, напротив, углубляет тишину, потому что это пение намного мудрее людских разговоров».

Однако средневековый монах вел иной образ жизни, нежели сегодняшние картезианцы. Большинству монахов прошлых веков были знакомы суровые холода, которые могли парализовать жизнь в монастыре. В церкви порой холод стоял такой, что невозможно было начинать богослужение. В этом случае ризничий готовил металлический шар из двух половинок – «огненный шар», в котором находилось либо «горящее дерево», либо уголь, и этот шар служил грелкой. Папа Александр III (1159–1181), сжалившись, разрешил бенедиктинцам аббатства Сен-Жермен-де-Пре, заболевавшим от холода, стоя с непокрытой головой во время канонических часов, носить фетровую скуфейку.

В конце концов, нужно было решить вопрос либо с отдельным помещением, которое бы отапливалось (помимо кухни), либо – с очагами и печками. В аббатстве Флёри на Рождество топили; так поступали почти во всех остальных монастырях за исключением сурового аббатства Бек, сборник обычаев которого никоим образом не упоминает об отоплении. Со временем наступят улучшения и послабления: в Санкт-Галленском монастыре спальня была

расположена над теплой комнатой; в других монастырях в такой комнате делали кровопускание или же чистили обувь.

Как обычно, не обходилось без крайностей: в 1291 году строгие визитаторы требовали наказать монахов за то, что те чрезмерно топили в монастыре.

Освещение

Как освещался монастырь? Каменными или металлическими светильниками иногда с многочисленными отверстиями, заправлявшимися маслом, оливковым или маковым (в Центральной Европе); бараньим жиром или пчелиным воском. Существовали также «железные канделябры» для освещения ночью. Вероятно, такие подсвечники предназначались для освещения храма, а зимой – и трапезной, ибо тексты бенедиктинского аббатства Сен-Пьер-де-Без, датирующиеся 1389 годом, уточняют, что «Гранд Приор», как и «Прево», должны каждый вечер укладываться спать при свете светильника. Но это не относилось к остальной братии. Спальня освещалась слабым огоньком, в одном тексте он называется «lucubrum», поскольку «он светит во мраке», и объясняется, что это был свет от горящего кусочка пакли, плавающего в воске. В другом тексте, который приводит Монже, говорится о «жаровеньке», похоже, предназначавшейся для растапливания воска, используемого в светильниках. На храм же монастырь не скупился: потребление там воска и масла было огромным, можно даже сказать, неумеренным по сравнению со средствами того времени (но нам затруднительно судить о расходе энергии). Упоминается о центнере свечей, которые распределялись между всеми монахами (в картезианском монастыре) перед праздником Святой Троицы. «Сияющая корона», паникадило в аббатстве Сен-Реми, в Реймсе, имело 6 метров в диаметре и было рассчитано на 96 свечей в память о количестве лет, прожитых св. Ремигием, в честь которого названо аббатство.

Но случалось и так, что было нечем осветить храм, дабы отслужить утреню, такой факт визитаторы ордена Ключи отметили в 1300 году.

Картезианская келья

Размеры монастыря Гранд-Шартрез монументальны: 215 метров в длину и 23 метра в ширину, а по периметру – 476 метров. Здесь 113 окон. Подобный размах объясняется отшельническим обетом монахов этого ордена: каждый монах живет в своей келье, которая на самом деле состоит из нескольких помещений: галереи для прогулок (в расчете и на зимнее время), маленького садика (там по своему усмотрению работает или не работает монах), дровяного сарая, мастерской – «лаборатории» – со столярными принадлежностями. Все это – первый этаж, а на втором – две комнатки, образующие собственно жилище картезианца: меньшая, украшенная статуей Пресвятой Девы, называется «Аве Мария», здесь монах обычно читает молитву «Аве Мария» всякий раз, когда возвращается в свою келью; и вторая комната для молитв, занятий и размышлений. Здесь картезианец ест и спит.

Таким образом, картезианская келья в действительности представляет собой маленький сельский домик. В Гранд-Шартрез монастырские галереи окружают тридцать пять келий, и кельи эти столь же еремитские, сколь и ароматные, благоуханные (воспользуемся игрой слов, которую так любили в Средние века). Возле двери есть маленькое окошечко, оно служит для передачи пищи затворнику. В случае необходимости монах оставляет там записочку и вскоре находит то, о чем он просил. Иногда на стене библиотеки, трапезной или кельи начертан девиз: «О блаженное уединение, о уединенное блаженство», или «Из кельи – на небо», или еще: «О, доброты», – слова самого св. Бруно.

Предметы в келье монаха, сохранившиеся и по сей день, обеспечивают ему максимум одиночества и независимости. Прежде всего, «самое необходимое для разведения огня», – как пишет о картезианцах Монже. Это кузнечные мехи. «Когда картезианцы раздувают огонь, то они не слишком хороши на вид», – по словам Гио де Провена. Дело в том, что в Гранд-Шартрез ветер часто разносил копоть. Еще подставка для дров, железная решетка (огонь был открытым), кочерга, совок, топор, кривой садовый нож, кирка. В других текстах упоминаются также

ремень, рубанок (чтобы настрогать стружек) и некий воспламеняющийся материал для растопки, служивший по определению Дю Канжа «возбудителем огня».

«Пустыни» босоногих кармелитов

От монахов-киновитов кармелиты отличались тем, что постоянно чередовали созерцательную жизнь с активной деятельностью: они «работали для спасения душ... если церковь нуждалась в их служении». Кармелиты владели не только домами в городах, но и монастырями с кельями по образцу картезианских, позволявшими им вести почти отшельническую жизнь. Эти кельи назывались «пустынями». Такой весьма суровый образ жизни – молчание, молитва, чтение духовных книг, скудная пища, бодрствование, умерщвление плоти – запрещался «молодым, недавно постриженным монахам, больным, слабоумным, меланхоликам и немощным, а также тем, у кого мало склонности к духовным упражнениям».

Кармелиты могли вести и еще более суровую жизнь, для этой цели в лесах у них имелись «отдельные кельи, удаленные на расстояние трехсот-четырехсот шагов от монастыря, в которых, – как пишет Элио, – монахам разрешалось на некоторое время расставаться друг с другом и жить в полном уединении и строжайшем воздержании». Издали они участвовали в монастырской жизни, отвечая маленьким колокольчиком на колокольный звон в монастыре, чтобы «сообщить, что они тоже ощущают себя вместе со всей братией, в одни с ними часы молятся Богу, размышляют и участвуют во всех других духовных занятиях». Продолжительность подобного уединения обычно составляла три недели за исключением Великого поста, который такие отшельники целиком проводили в пустынной келье. По воскресеньям и праздникам анахореты должны были возвращаться в монастырь, и после вечерни они снова отправлялись в свое уединение.

Крыша

Первое время монастыри крыли соломой. Позднее, когда Бенедикт Аньянский запретил красную черепицу, кровлю стали настилать из гонта, так сказать, из «черепицы» деревянной. Но слишком велик оставался риск пожара. После сильного пожара 1371 года картезианцы заменили гонт шифером, а затем, после пожара 1509 года, для большей безопасности покрыли крышу свинцовыми и железными листами. Не во всех картезианских монастырях использовался шифер. В Дижоне для крыш применяли сланцевую плитку (для покрытия келий), а также свинец и черепицу. Монже рассказывает, что черепице придавали блеск при помощи окиси свинца или массикота: пройдя через печь, она приобретала блестящий желтый цвет. Добавляя медь, получали зеленый лак, а марганец – коричневый.

Колокола

Трудно представить себе монастырь без колоколов и колокольной. Тем не менее в Фонте-Авеллана суровый Петр Дамианский осуждал «бесполезное звучание колоколов». И все же, в конце концов, он купил колокола «из милосердия к человеческой слабости и к человеку, этому хрупкому существу, которое не может отказаться от ностальгических звуков, баюкавших его в детстве». Данте описывает меланхолию вечерних часов в одном из наиболее прекрасных пассажей в «Чистилище» (VIII, 5–6), говоря, что это тот миг, когда странник, отправившись в путь, живо чувствует любовь ко всему и всем на его родине:

А новый странник на пути своем
Пронзен любовью, дальний звон внимая,
Подобный плачу над умершим днем...

Тем лучше, если люди испытывают именно такие слабости...

Когда колокол звонит впервые, это, должно быть, очень волнующий момент. Каков получится звук колокола? Будет ли он соответствовать ожиданиям мастера, отлившего его, ревностно храня тайны своего мастерства: 78% меди, 17% олова и 5% какого-то другого, секретного металла...

Цистерцианцы запрещали использовать колокола весом более 50 фунтов. Не разрешали они и звонить в два колокола одновременно. Эти запреты, все в том же духе цистерцианского смирения и простоты, касались также строительства каменных башен. В 1218 году один аббат в Пикардии был наказан генеральным капитулом за постройку башни вопреки установленным требованиям. А в 1274 году братья-минориты из монастыря в Валенсьенне отказались идти в другой монастырь, потому что тот слишком богат. В итоге они все же подчинились приказу своих старших братьев, однако не без ропота и при условии, что там снесут колокольню, символ гордыни (ее называли донжоном) и заменят ее новой, менее высокой и поскромнее. Черные бенедиктинцы различали тяжелые колокола, *campanae*, и более легкие, *tintinabula*.

В XII веке слово «*signum*» (сигнал) или «*classicum*» (глас трубный) в связи со звучанием последнего короткого удара колокола перед мессой означало «колокол» (*campana*). *Minimum signum* – это колокольчик, который назывался еще *scilla*. У аббата такой колокольчик был в трапезной под рукой. Колокол меньшего размера по сравнению с «кампаной» возвещал о начале трапезы. По определенным случаям подавали сигнал с помощью «*symbalumi*» – гонга, в который били молотком. За несколько дней до Пасхи колокола заменялись трещотками «*postis*» с «более смиренным» звуком, нежели голос меди. Трещотки, деревянные дощечки, согласно обычаю, восходящему по меньшей мере к X веку, возвещали также о приближении смерти монаха и созывали братию к постели умирающего. Понятно, почему в одном средневековом стихотворении упомянутая деревянная дощечка говорит о себе: «Когда кто-то умирает, то посылают за мной», а также: «Я – плохое предзнаменование, ибо я возвещаю смерть».

Витражи

В 1182 году в Сито особое постановление запретило цветные витражи в монастырях, в связи с чем предписывалось заменить таковые, где они есть, простыми стеклами. Если этот «декрет» не исполнялся, то приор и келарь были обязаны сидеть каждую пятницу на хлебе и воде до тех пор, пока не сделают требуемого. Известны аббатства, в которых цветные витражи отсутствовали: Обазин и Бонлье во Франции, Хейлигенкройц в Австрии, Валь-Дье в Бельгии, Альтенберг в Германии.

Сначала в монастырях запрещалось иметь также органы, ковры (1196), цветные и раскрашенные пергаменты (1218), картины (1203). Нам трудно представить себе средневековый храм без витражей и органа; однако воля к суровой простоте у некоторых орденов была очень сильной и непреклонной. Но вкус к красивым вещам позднее одержал верх над стремлением к крайней простоте. И в Сито появились колокола, цветные витражи с витыми узорами, арабесками и цветами, чаще всего белыми на красном фоне, позднее с фигурами, и все это вопреки повторяющимся запретам генеральных капитулов. Вкус к украшательству проявился даже у картезианцев. Монже отмечает, что в 1397–1398 годах были закуплены «золотая бумага, рыбы плавники (для варки клея), тонкие свинцовые белила, тонкий синопль (зеленая краска), массикот, финроз (продукт сублимации золота и ртути), лакмус (сине-фиолетовая краска), тонкий сурик...». Правда, нужно сказать, что это уже Дижон эпохи бургундского великолепия.

Чувство природы

С одной стороны, Средние века не скупилась на описания «ужасов» в тех местах, где основывались монастыри, а с другой – восторженно сообщалось о буколическом очаровании монастырской жизни вдаль от шума и «заразы больших городов», как в моральном, так и в физическом смысле... Никогда не следует забывать, что Моисей и Давид вели жизнь пастухов, что является мечтой и многих наших современников.

Очевидно, что некоторые места были действительно «ужасны» до того, как их облагородили жизнь и труды монахов. Но не преувеличивалось ли это? Вот, к примеру, текст

Гильома де Жюмьежа, описывающий основание Герлуином в 1034 году аббатства Бек. Герлуин покинул ту местность, где обитал ранее, так как «там совершенно отсутствовали необходимые для жизни ресурсы», и поселился в местах, где «все есть для нужд человека», остановив свой выбор на селении Бек, «в котором всего-навсего три дома мельника и еще одна маленькая хижина». Таким образом, люди все-таки жили в этом «скудно обитаемом поселении». Кроме того, оно находилось в одной миле от замка, так что диким назвать его никак нельзя. Однако текст уточняет: «Там водилось много диких зверей, отчасти по причине непроходимой лесной чащобы, а отчасти – из-за прекрасного ручья», он-то как раз и назывался Бек.

«Когда св. Бернар, – пишет Ж. Леклерк, – говорил о „Книге Природы“ и обо всем, чему можно научиться „под сенью деревьев“, то он думал прежде всего не о красоте пейзажа, а о тяготах пахаря, о молитве, о раздумьях, об аскезе, которая помогает в полевых работах».

Итак, аббат Клерво, похоже, не склонен любоваться природой как таковой; когда он говорит о «прохладных долинах», то лишь для того, чтобы противопоставить труд земледельца «городскому пустословию», где друг с другом сражаются «шутовские школы». Он пишет монахам-основателям Фоунтена: «Камни и деревья научат вас большому, нежели любой учитель в школе... Вы думаете, что нельзя добыть меда из скалы, масла – из камня? Но разве горы не источают сладость, а долины не изобилуют молоком и медом, а поля не переполнены зерном?»

Здесь нет ни следа любования природой, но, скорее, чисто утилитарный подход. Впрочем, не все монахи мыслили, как он. Даже те, кто придерживался его суровой строгости, рано или поздно изменяли свою точку зрения. Возможно, им пошло на пользу обучение «остерегаться приятности вещей» и не слишком усердствовать в восхвалении брата Солнца и сестры Луны. Все же в сердцах этих чувствительных и замкнутых людей было живо сознание того, что природа заключает в себе красоту. Вот текст XII века, в котором описывается приход первых цистерцианских монахов, посланных св. Бернаром, в местечко Риево в Англии.

«Высокие холмы короной венчают эту местность; они покрыты разнообразной растительностью и приятно обрамляют уединенную долину, которая видится монахам как второй рай, лесная отрада. Водопады устремляются со скалистых вершин вниз, в долину, разветвляясь на множество более мелких ручейков, нежное журчание которых смешивается в легкие звуки чарующей мелодии».

Этот достаточно вольный и манерный стиль откровенно свидетельствует о любовании природой. Автор текста добавляет: «И когда ветви деревьев шумят и поют, а листья падают на землю и шуршат, то счастливый слушатель позволяет увлечь себя легкостью этой гармонии, настолько все вызывает радость, музыкой, каждая нота которой созвучна всем остальным».

Можно ли считать это чисто литературным, условным созерцанием природы? Бернар Аббевильский, основатель конгрегации Торона цистерцианского толка, а значит, строгих правил, выбрал «очень приятное место, окруженное лесами, где звенели многочисленные ручьи, омывающие большие луга». Даже грозный Петр Дамианский живо чувствовал красоту мира. «В саду, – писал он, – можно вдыхать запахи трав и аромат прекраснейших цветов».

Красота ландшафта

Возможно, стоит задаться вопросом: а были ли монахи чувствительны к красоте природы, и, если да, то в какой степени? Нельзя отказать им в понимании красоты. Об этом свидетельствует и выбор местности для монастыря. Не будем впадать в ошибку прошлого века, когда настаивали на том, что монахи руководствовались только интуицией, а само место стало красивым со временем благодаря упорному труду монахов, их уму и опыту, тонкому пониманию функциональности, неизменно проявлявшемуся в сооружении величественных монастырских построек. Как бы то ни было, такое объяснение правомерно во многих отношениях, и все же оно вызывает, по крайней мере, два замечания.

Во-первых, труд сам по себе не является обязательным творцом красоты, о чем красноречиво свидетельствуют наши индустриальные пейзажи, бетон наших городов и безобразие наших пригородов. Во-вторых, вовсе не каждое место и после вложения в него человеческого труда превращается в достойное обиталище души. И если монахи, выбирая

«стройплощадку» для будущего монастыря, действительно стремились поселиться только в «ужасном месте» – в чащобе, на болоте, в лесу, кишасшем дикими зверями, – как об этом обычно повествуется в хрониках и житиях святых, то трудно предположить, что каждый раз они находили себе именно такой уголок, который годился для чудесного преображения. Гранд-Шартрез, Карсери над Ассизи, Сен-Мартен-ан-Кани-гу, Побле, Риево, Тороне, Сенанк, Сен-Мишель-о-Пе-риль-де-ла-Мер, Эйнзидельн и сотня других мест – что, все они будто бы выбраны случайно? Из желания остановиться именно на том, что, кажется, невозможно сделать цивилизованным и облагороженным? И каждый раз совершалось чудо? Почему же тогда монахи так часто давали этим местам, где они селились, «дабы умерщвлять плоть», названия, воспевающие радость жизни, если они сами не испытывали этого чувства? Это само по себе можно признать свершившимся чудом.

Монахи-строители

Подобное чудо свершалось всегда, когда под небом Европы в самых различных местах монахи возводили свои постройки, красота, совершенство и духовная устремленность которых до сих пор не перестают поражать нас.

Как объяснить их неизменный успех? И можно ли вообще объяснить его? Я снова перечитал прекрасную книгу Жоржа Дюби, посвященную цистерцианскому искусству, а также великолепный труд Кристофера Брука «Монастыри, 1000–1300», в котором автор рассматривает все средневековые формы искусства монахов. Что можно прибавить к этому? И можно ли сказать лучше? Пожалуй, можно еще вспомнить только проникновенные страницы Режи́н Перну⁴⁶ о проблемах художественного творчества в ту же эпоху.

В связи с этим следовало бы задуматься прежде всего о первостепенном значении требований веры, живой веры, или, как сегодня сказали бы мы, о безраздельном принятии идеологии, причем вдали от мира, вдали от людей, как в случае со св. Бернаром. Жорж Дюби первым признал это: «Цистерцианский храм есть выражение мечты о нравственном совершенстве». Скажем также, что «идеологическая мотивация каждого ордена с ее глубокими „лингвистическими“ различиями и особенностями во времени и пространстве сливается с архитектурными формами (пространственными, структурными, орнаментальными), диктуя им свои законы и мировоззрение.»

Здесь доминирует духовная творческая инфраструктура. Именно она решает, проектирует, сосредоточивает необходимые ресурсы для строительства зданий, столь многочисленных, что невозможно изобразить их все на карте Европы. Но если век ожидает воплощенного слова, если цивилизация вся пронизана верой, то первотолчком к действию служит фактор духовный.

Св. Бернар ничего не написал о том, что свидетельствовало бы о его интересе к произведениям искусства, и сам он ничего не построил. Но, тем не менее именно он – отец цистерцианского искусства, «покровитель этой обширной стройки» (350 зданий за несколько десятилетий), которая охватит всю Европу (Ж. Дюби). Вера, обличение мира сего или, точнее, истинная его оценка, высокие моральные требования – вот побудительные причины деяний св. Бернара. И дело будет обстоять так же, когда типичное для монахов бегство от мира примет форму отказа (явно спорного) от общественной жизни, светской иерархии, денег, безопасности, благополучия, – отказа, характерного для нищенствующих орденов. Даже будто бы непосредственно отвечая на духовные запросы «буржуазного» общества своего времени, нищенствующие монахи не смогли бы ничего сделать, не откликнувшись на призыв великих боговдохновенных личностей своего века.

Одним только богатством аббатств нельзя объяснить тот факт, что они смогли выстроить все эти «Грады Божий», подтверждающие их жизнеспособность (то же самое касается и строительства соборов общинами малых городов). И уж тем более не объяснить, как монахи сумели столь быстро создать широкую сеть «дочерних монастырей» (в частности, цистерцианский орден). Чтобы достичь подобных успехов, нужно иметь нечто большее, нежели

⁴⁶ Pour en finir avec le Moyen Age, ed. Du Seuil, 1977.

деньги. Для этого нужно обладать душой, способной к самопожертвованию. «Средневековое искусство – это изобретательность» (Р. Перну). Тщетно пытались найти в нем более или менее ловкое стремление подражать римскому или восточному прошлому. Средневековые не собирались слепо копировать быт древних, разве только мимоходом. Нет, эпоха Средних веков выражала в искусстве то, что она ощущала в самой глубине своей души, и так появлялись шедевры искусства.

Это искусство (к счастью) также обуславливалось практической необходимостью. План строительства какого-нибудь аббатства никогда не был плодом воображения архитектора. Аббатство крупное или малое, по существу, включало в себя определенный набор зданий: монастырские галереи, храм, трапезную, dormitorio и прочие, устройство которых должно было отвечать требованиям общежительной жизни особого типа – велениям духовности и особенностям богослужения. На первый взгляд в этом заключалось препятствие на пути к поискам нового. В итоге желание сделать нечто новое, необычное просто отсутствовало (по крайней мере, сознательно). Идеалом считалось придерживаться уже испытанного плана, строить в духе уважения к урокам прошлого. В какой-то мере можно признать, что зодчие Сито и еще больше Гранмона вдохновлялись тем же духом, который присутствует в строительстве кварталов некоторых больших городов: рациональность, модульные строительные материалы, органичность, четкость. Но результаты несравнимы.

Дело в том, что кроме этой основы, диктовавшей монахам свои законы, был еще и «язык», который проявлялся в уставе, указах, сборниках обычаев, письменных предписаниях духовной жизни. Этот «язык» вписывался в функциональное и преображал его. Осмелимся даже сказать, что «на протяжении всей эпохи Средневековья... искусство не отрывалось от своих истоков... оно выражало Святое... Горнее в этом вторичном языке, которым является Искусство во всех его проявлениях» (Р. Перну). Только одно это присутствие может объяснить невыразимую красоту, какую источают даже самые скромные монастырские строения: кухня в Алькобаса в Португалии или в Фонтевро, трапезная в Фоссанова, теплая комната в Сенанке или Сильвакане, умывальная комната в Маульбронне, больница в Мач-Уэнлок в Англии, зал капитулов в Эвербахе в Германии или в Лакоке в Англии. Я оставляю в стороне такие сооружения, как храмы, крипты (подземные церкви), монастырские галереи, где естественно во всем своем великолепии проявляется вера, творящая такую красоту. Это она заставляет нас испытывать горечь при взгляде на трагические развалины Ключи, Риево или Вилле-ла-Виль. Именно отсутствие веры столь неумолимо обнаруживается в большинстве современных построек, даже если они церковные. На протяжении столетий монахи возводили храмы во Славу Божию и строили жилища для людей, до конца преданных Ему, благодаря чему в изобилии творилась красота. С тем или иным успехом земная религиозность проникала во все, и не только в архитектуру.

Как бы ни стремились строить по сходным, если не сказать идентичным, планам и нормам, все равно различия были неизбежны. Разумеется, они связаны с разнообразием духовной жизни, склонностей и видения мира (например, различия между цистерцианцами и францисканцами, или цистерцианцами и доминиканцами, или даже различия в рамках одного и того же ордена, такого, как бенедиктинский, где были ветви оливетинцев, камальдолийцев и валломброзанцев).

Эти различия обусловлены историей, частным опытом, разнообразием строительных материалов, местности и климата, влиянием внешней среды, неуловимым, но явным развитием чувственного восприятия, а также самой личностью мастера, который, однако, остерегался проявлять оригинальность. Три родственных аббатства Тороне, Сильвакан и Сенак – все цистерцианского ордена и все одного и того же времени (1136, 1147 и 1148) и построены в одной местности, а два из них произошли непосредственно от Сито. Тем не менее они обладают такими индивидуальными особенностями, что их невозможно спутать одно с другим. То же самое касается и многих других «Рождеств» и «Распятий», авторы которых, по словам Раймона Радиге, проявляя свою индивидуальность, «изо всех сил стремились... быть похожими на других, никогда не достигая этой цели».

Монастырское искусство (которое не полностью совпадает с религиозным искусством в понимании светских людей или мирян) – это читаемое искусство. Или, лучше сказать, оно –

книга и чтение, доступное зрелище, моральный и церковный урок, символ и образец. Ни храм, ни монастырь не являются эзотерическими творениями. Монастырь совершенно наглядно демонстрирует, каким именно потребностям он отвечает, что он есть для всех, приходящих в него, чего он ожидает от них на протяжении одного дня и многих лет.

Эти «монады», каковыми являются монастыри, говорят с сердцем и разумом. Как бы они ни были удалены от мира, как бы они ни охранялись иногда «щитом дикой природы» (Ж. Дюби), окружавшей их, все равно они никогда не были закрытыми, недоступными для непосвященных, предназначенными для одной только элиты, немymi для мира из желания говорить только на своем собственном языке. Аббатства и часовни, храмы и монастыри говорят людям о Боге, какими бы ничтожными и презренными ни были эти люди.

Эти здания, похожие и различные, меняясь по воле веков и тем не менее отвечая все тем же глубинным потребностям, смиренные реликвии, руины, развалины или великолепные и живые свидетельства прошлого, говорят о непреодолимом стремлении монашества жить в соответствии со своим предназначением, видением мира и по своей вере вопреки варварским временам и нравам, несправедливым упрекам со стороны любых ренессансов и классицизмов.

Пышность или строгость?

Отметим, что все это не зависит от стиля церкви или монастыря или утилитарного назначения – будь то кухня или спальня, основательный романский стиль Сен-Бенуа-Сюр-Луар, или пламенеющая готика Кентерберийского кафедрального собора-приората, или же стиль Клуни, где в каждой детали выражена хвала Славе Божией, «преобразуя, – как говорил Сутерий, аббат Сен-Дени (1122), – видимое в невидимое»; а в многочисленных драгоценных камнях раков святых мощей, паникадил и подсвечников таится побуждение к «раздумью над разнообразием добродетели», к «удалению от мира при помощи благолепия дома Божьего», по словам Элио. Или цистерцианская архитектура, явившаяся реакцией на роскошь утонченности бенедиктинцев, она человечна и гармонична уже одним только расположением объемов, их размерами и совершенством конструкций.

Любуйтесь не ценной доскою портала,
Но красотой работы немалой –

эту надпись велел сделать Сутерий на двери в свою базилику. Действительно, подобное произведение «не блистает, полнясь тщеславием, эта красота светит только для того, чтобы позволить слепой, греховной, погибающей душе человека достичь подлинного великолепия, истинного света», ибо XII век понимал Красоту как чистоту и свет, а произведение искусства – как плод избавления от тьмы, победы человека над мраком.

В мире, разоренном и опустошенном набегами варваров, пышность и великолепие имели общественное значение и влияние, поскольку они вселяли в людей определенное чувство уверенности в жизни, при условии, что эта жизнь основывается на всепоглощающей вере в Бога. Только потом, когда города, порожденные чисто экономическим видением общественной жизни, утвердятся как центры объединения людей и источники могущества, великолепие и богатство монастырей (особенно клюнийских и цистерцианских), пышность и блеск зданий, в частности храмов, будут подвергнуты осуждению. Очень часто – со стороны других монахов. Кроме того, XII–XIII века изобиловали религиозными движениями; вспомним катаров, вальденсов, католических бедняков, гумилиатов, богардов, гильомитов и многих других предшественников нищенствующих орденов с их идеалами подвижнической бедности. С тех пор бенедиктинская роскошь стала восприниматься как скандальная привилегия.

Во всяком случае, достоверно одно: искусство и пышное, и строгое признавалось всеми как один из прямых путей, ведущих к Богу. Но словом «искусство» называлось множество различных проявлений творчества, менявшихся в различных обществах и в разные века в соответствии с тем духом, который вдохновлял ту или иную группу людей или отдельного мастера. Как выразить торжество веры? Архитектурным великолепием? Взлетом колонн? Чудесными витражами? Или же бедностью, строгостью, неподвижностью линий? Клуни или

Сито? Об этом можно спорить до бесконечности. Как и о строгом, очень строгом и строжайшем соблюдении устава.

Я понимаю, что цистерцианцев, картезианцев, премонстрантов, валломброзанцев или гранмонтанцев вдохновляла крайняя строгость в архитектуре (и я охотно разделяю их вкусы, потому что, как мне кажется, именно это лично я больше всего люблю в XII веке). Но повод ли это для неприятия готических соборов, этих «проповедей в камне», этой «эстетики света» (А. Димье)? В таком смысле тамплиеры разумно практиковали «простоту в целях экономии и основательность во вкусе», прибегая в различных провинциях то к романскому стилю, то к готике, то к местным стилям – шарантскому, шампанскому, босскому и пр. Как и они, мы в этом плане – экуменисты...

В общем и целом мне представляется, что св. Бернар с его аскетическим порывом не принимал во внимание ни человеческую слабость, ни разнообразие темпераментов. Но, в конце концов, где же здесь зло, если для некоторых верных, как для «женщины... бедной и старой... темной», которая была матерью Франсуа Вийона, единственный способ чувствовать себя озаренной светом веры (сегодня мы бы сказали – «культуры») состоял в том, чтобы воочию лицезреть какую-нибудь богато украшенную раку, великолепный подсвечник, статуи, эту «Библию для неграмотных», «нарисованный рай с арфами и лютнями»?

Св. Бернар считал «навозом» все то, что очаровывает зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, то есть все плотские удовольствия (в этом он близок Савонароле). Но было ли разумным это осуждение «уродливых красот и красивых уродств», со всей силой обрушенное на Муассак? Тем более что «строительная горячка» в итоге захватила и самих цистерцианцев, которые, «изменив древней чести ордена», принялись возводить каменные колокольни и столь большие и великолепные монастыри, что аббаты брали в долг, дабы довести строительство до конца.

Вот чего стоит насилие над человеческой природой...

Глава VII Управление людьми

Монастырская демократия

Как управлялись монахи? Как избирались те, кто правил ими, и каковы были их полномочия? Имели ли права подчиненные? Или все держалось исключительно на послушании? На этот счет существует такое количество ложных мнений и предрассудков, что мне показалось необходимым написать отдельную главу с таким явно провоцирующим названием. Для начала придется обосновать именно название.

Жизнь монахов протекает в правовом режиме, то есть таким образом, что устав тщательно определяет дух, структуры, функционирование и даже механизмы пересмотра и приспособления правовых норм к жизни монашества. Регламентированы также права и обязанности руководителей и подчиненных. Как гласит глава LXVIII бенедиктинского устава, если старший приказывает нечто, «невозможное» для выполнения – и морально, и физически, – то монах имеет право возразить ему, однако «без высокомерия или постоянного духа противоречия». В крайнем случае монах может даже воззвать к совести. Проявлять послушание он должен лишь там, где «не замечает греха», как позднее скажут иезуиты.

Другой демократический принцип: примат церковного собора. Еще в 1115 году, за целый век до Magna Charta Libertatum⁴⁷ и ее «дитя» – парламентаризма (которому понадобятся шесть веков для развития), орден цистерцианцев учредил первый общеевропейский межнациональный собор – орган, уполномоченный принимать законы, изменять и отменять, а также истолковывать их. Только генеральный капитул, Parliamentum, имел право оправдывать и

⁴⁷ Великая хартия вольностей, подписанная в 1215 году английским королем Иоанном Безземельным.

освобождать. Он избирал генерального настоятеля (орденского генерала) и его помощников; он же мог сместить их (многочисленные примеры смещения цистерцианских аббатов). Именно генеральный капитул решает, какой «политический» выбор следует сделать, представляет иерархам средства для выполнения этих решений и осуществляет контроль за их выполнением. Все это, разумеется, в соответствии с духом закона, а не «контра», если использовать лексику картезианцев.

Генеральный капитул был облечен властью, однако он не имел абсолютных прав, не сопряженных с какими бы то ни было обязанностями. Капитул не мог править против воли собора, принимать решения без веских причин, то есть «удаляться, – как говорили картезианцы (1432), – от прав, законов и разума», а также избегать принятия лишних законов. Деятельность генерального капитула и орденового генерала действительно выливалась подчас в излишнее законотворчество. Так, в 1292 году помощники орденового генерала клунийского ордена денонсировали «множественность» обязательных законов под угрозой отлучения, ибо этот избыток, как мудро подчеркивали они, «не является лучшим путем ко спасению». Они также предписали упростить законодательство, придерживаясь сути законов, «чтобы никто больше не смог вызывать к прощению за незнание законов».

Таким образом, церковный собор был высшим органом власти, источником любых властных полномочий. Сам орденовый генерал подчиняется (*subjeciteur*) собору, как гласит статья 22 краткого изложения Устава иезуитов. «Он ниже его и подчиняется ему» (*inferior et subjectus*), – уточняет Суарец. Он является «его наместником, его викарием, его помощником», – добавляют картезианцы (1310). Конечно, он обладает полномочиями, ибо ему надлежит управлять, но пользуется своей властью (статья 784 Устава иезуитов) только для того, чтобы «созидать», причем в тех пределах, которые положены уставом, указами и церковным собором. Собор не может переложить на него все свои полномочия даже на некоторое время. Из этих двух постулатов – правового режима и соборной власти – естественно вытекают и другие демократические принципы.

Принцип избрания путем всеобщего избирательного права и одобрения. «Ни один епископ не должен быть навязан», – предписывает папа Целестрин I (422–432). «Каждый, кому предстоит управлять, должен быть избран всеми, кем он призывается руководить», – уточняет папа Лев I (ок. 440).

Другой принцип: делом всех являются не только выборы, но и само управление. «То, что касается всех, должно быть обсуждено и одобрено всеми», – пишет папа Иннокентий III (1198–1216). Этот древний тезис развивал еще св. Бенедикт. Он советовал собирать всю братию, включая самых молодых («ибо часто Бог возвещает наилучшее решение устами молодых»), всякий раз, когда возникают важные вопросы.

Третий принцип – делегирование полномочий. Св. Бенедикт не пренебрегал им; цистерцианцы применяли этот принцип с XII века; его подхватят также доминиканцы и францисканцы.

Еще один демократический принцип, принятый у доминиканцев и сохраняющийся до сих пор, – это право отзыва, то есть право подчиненных отзываться избранных ими руководителей до истечения срока их полномочий.

И, наконец, последний принцип – обязательное присутствие народа для подтверждения законности избрания. «Требуется согласие народа, духовенства и рыцарства», – пишет папа Целестрин I.

Впрочем, не забудем также и о подлинно христианском принципе, провозглашающем: «Священники не должны править народом».

Процедура выборов

Совершенно очевидно, что все эти принципы имеют значение только тогда, когда выборы и обсуждение являются свободными и регулярными. (На практике не всегда было так из-за

проявления насилия со стороны короля, дворян, епископов, коммун⁴⁸; но в данный момент нам важно рассмотреть сами принципы.) Для того чтобы обеспечить свободные выборы, монашеские ордена и Церковь долго и терпеливо разрабатывали подробные правила их проведения.

Мы кратко перечислим те процедуры, которые на протяжении веков существовали в практике выборов и принятия решения у монашества (даты в скобках указывают, в какое время, по нашим сведениям, в текстах появилось описание подробных процедур).

Наиболее распространенный способ избрания в первые века христианства заключался в том, что умирающий аббат сам называл своего преемника. Если этого не происходило, то самый старый из монахов и, как предполагалось, самый мудрый, предлагал кандидатуру преемника, которая тотчас же принималась всеми – потому что либо она внушала доверие к себе, либо не оставалось возможности для выражения мнения меньшинства.

Решение доверить монастырской братии в целом (там, где умер аббат, и потому монастырь остался «овдовевшим», как сообщалось в текстах) избрание того, кто будет ими править, шло, таким образом, в разрез с обычаями эпохи. Это решение, возникшее в VI веке, ясно и твердо выражено в главе LXIV Устава св. Бенедикта.

На протяжении столетий аббат избирался пожизненно. У св. Бенедикта не говорится об этом прямо, но, поскольку он не определяет срока действий полномочий настоятеля, напрашивается вывод, что иного он просто не мыслил. Если принять во внимание продолжительность жизни в те отдаленные времена, то можно увидеть, что срок полномочий получался относительно коротким: 5 лет (в среднем) у сервитов, до 14 лет у валломброзанцев и 6 лет для пап.

Вопрос о пожизненном избрании едва ли создавал проблемы. Во всяком случае, в нем были свои преимущества: преемственность, опыт, моральный и духовный авторитет, редкость выборных собраний, на которых проявлялись бы амбиции и интриги, «чума этого дела», как напишет однажды св. Игнатий Лойола. Именно поэтому пожизненное избрание заставляло позабыть о присущих ему неудобствах: пороки этой системы в конечном счете становились ее достоинствами. Правда, гильбертины в XI веке избирали своего настоятеля сроком на один год, но пытаться решить, какая из этих двух систем лучше, равносильно оказаться между Сциллой и Харибдой.

Впоследствии все возможные сроки полномочий были опробованы на практике, отвергнуты, вновь приняты, продлены или сокращены в соответствии с потребностями различных орденов, в разные века, в связи с опытом и эволюцией идей. В этой области ни одно решение не считалось окончательным и бесповоротным.

Практика избрания

Прежде чем приступить к выборам, монахи постились, читали псалмы, пели *Veni Creator*⁴⁹ «размеренными голосами, которые пробуждали сердечное сокрушение и раскаяние, а не пыл страстей» (Л. Тейс), призывая на помощь Духа Святого, обращаясь к своей совести, дабы она указала им истинного избранника. Братии зачитывались правила выборов.

Никто никогда не мог выставить собственную кандидатуру – ни косвенно, ни тем более открыто. Тот, у кого возникала подобная идея, немедленно лишался права голоса, как пассивного, так и активного, то есть права избирать и быть избранным. В замкнутой группе людей все хорошо знали друг друга. Чаще всего выбор падал на человека, который ранее уже исполнял какие-либо важные обязанности и проявил при этом свои способности. У оливетанцев полагалось, чтобы избираемый монах прежде уже был либо наставником новичков, либо секретарем конгрегации или богословом. В других орденах от кандидата требовались

⁴⁸ В Средневековье коммуной называлась городская община.

⁴⁹ Гряди, Создатель (лат.).

двенадцатилетний срок пребывания в монастыре и определенный возраст. Во всяком случае, прежде чем приступить к самим выборам, председатель, приор или другой наделенный полномочиями представитель напоминал всем, какими качествами и добродетелями необходимо обладать, чтобы руководить душами и аббатством в целом, как внутри его, так и в связях с внешним миром. Нужно, чтобы избранник знал Священное Писание, чтобы он был целомудренным, скромным, милосердным... Статья картезианского устава гласит, что в случае, если при избрании приора предстоит выбирать между отцом духовным и отцом, проявившим способности в руководстве земными делами, то лучше избрать последнего, если его превосходство в хозяйственной деятельности несомненно, но чтобы при этом он не удалялся и от духовной жизни. И это все при том, что декларировалась вторичность, подчиненность брэнного духовному. Замечательный повод поразмыслить о руководстве людьми и управлении делами. Разумеется, избранный из среды монашества должен быть мужского пола; хотя Кристофер Брук и упоминает об удивительном случае с одной дамой, которая попала в монастырь Бек и стала там настоятельницей во времена св. Ансельма. «Как можно было противиться, – пишет автор, – благочестивой вдове, особенно если она богата и упряма?»

Избранный не может отказаться от возложенной на него ответственности. Взять ее на себя – его обязанность (гражданский долг, как бы мы сказали). В аббатстве Бек избранник принимает на себя эти обязанности из смирения пред волей Божией и из добродетели послушания. По этим же причинам избранный аббат не может добровольно сложить свои полномочия. Св. Бенедикт даже косвенно не упоминает такую возможность. Некоторые страшились бремени ответственности, ложившейся на их плечи. «Не достоин» – такой суровый приговор вынес себе Бенедикт XII, цистерцианец, избранный в 1334 году. Своим избирателям он сказал: «Вы сотворили доброе дело: поставили на это место осла» (однако он оказался хорошим папой и строителем Авиньона).

Из мнимого или действительного смирения полагалось медлить с принятием оказанной чести: избранный начинал отказываться, так что «по приказу приора монахи хватали его и увлекали с того скромного места, которое он занимал в предпоследнем ряду...», ибо, как говорится в другом тексте, «следует в равной степени сдерживать того, кто недостоин, но бессовестно стремится к управлению, и того, кто, будучи достойным, старается уклониться от этого».

В XII веке картезианский орден принял оригинальное решение. Всякий раз, когда собирался генеральный капитул, главный приор, распростершись ниц, просил об отставке и «милосердии», так это делается еще и в наши дни. Затем он удаляется, и собор приступает к совещанию. Проводится избрание большинством голосов. В случае разделения голосов приор остается на своей должности. Если же его отставка принимается собором, то он в последний раз председательствует на нем, публично кается в грехах, то есть испрашивает прощения «за нерадивость и ошибки, совершенные в управлении оказавшим ему доверие орденом»; преклонив колена, он передает собору печать ордена и удаляется, дабы впредь вести незаметную и уединенную жизнь. Текст 1481 года сообщает о таком «милосердии», оказанном приору, с условием, что тот отчитается о своей административной деятельности. В том же тексте уточнено, что приор не может брать с собой в келью копии официальных документов.

Собор всегда имеет право сместить избранного им настоятеля, будь то по причине неизлечимой болезни или старческой немощи, злоупотребления властью, плохого управления, недостатка уважения к уставу. Факт выдвижения на другие должности не может служить причиной отказа от обязанностей аббата. Став архиепископом Кентерберийским, св. Ансельм просил у своих монахов письменного разрешения отставки.

Единодушие

Долгое время главным принципом выборов было достижение единодушия, которое выражалось в более или менее спонтанных возгласах одобрения или в немедленном принятии кандидатуры, предложенной тем или иным монахом. Оно могло достигаться и в ходе пространных рассуждений и взаимных уступок (этот порядок избрания известен с V века).

«Единодушно», «без единого возражения», «едиными устами», «единым сердцем»,

«вдохновляемое Христом единодушие» – подобные формулировки встречались часто. Забота о единодушии столь глубоко проникала в сердца монахов, что даже описания выборов, которые проходили с неистовыми спорами, с возражениями меньшинства, составлены летописцем в выражениях, подчеркивающих полное единодушие братии при избрании своего настоятеля! Эта жажда единодушия позволяет понять любопытную форму «поправляющих» выборов, позволявших меньшинству, не проголосовавшему за того, кто собрал большинство голосов, присоединиться к большинству. Именно таким способом в 1294 году был избран папа Целестрин V. Однако отсутствие единодушия, разделение голосов при выборах не являлось ни предосудительным, ни противоречащим духу христианства, как писал папа Лев I (V век).

Между тем принцип абсолютного большинства был принят и провозглашен еще в IV веке. И напротив, избрание относительным большинством голосов запрещалось (1205), даже если не удавалось получить желаемое абсолютное большинство. Также запрещалось прибегать к жеребьевке, обычной в эпоху античности.

Принцип здравомыслия

В VI веке св. Бенедикт несколько нарушил эту стройную систему мажоритарных выборов, применявшуюся при избрании многочисленных пап и аббатов. Он ввел понятие «здоровой части» (*sanior pars*) В главе LXIV своего устава он перечисляет следующие способы избрания:

- единодушное голосование и избрание достойного монаха;
- единодушное избрание недостойного монаха (поскольку он соучаствовал в прегрешениях коллектива). (Как мы видим, св. Бенедикт не питал иллюзий относительно неперменной мудрости решений собрания, которое тоже могло впасть в заблуждение);
- мажоритарное голосование по поводу недостойного монаха (отметим мимоходом, что Учитель не рассматривает вариант хорошего выбора большинством);
- избрание меньшинством, которое тем не менее выносит наиболее здоровое решение и потому должно возобладать над большинством заблуждающихся.

Но как же определить, что мнение меньшинства является здоровым? И кто будет делать это? Наиболее старые? «Боговдохновенные», о которых дважды говорит св. Бенедикт (Устав, IV, 60 и LXVI, 11)? Те, кто облечен властью? Сравнение достоинств, усердия, благочестия как избираемых, так и избирателей будет создавать неразрешимые проблемы на протяжении веков. До начала выборов назначали двух или трех монахов, пользовавшихся доверием (такие монахи назывались «*scrutatores*», отсюда слово «*scrutinium*», первоначально означавшее «исследование»), которые могли бы беспристрастно изучить предполагаемый выбор каждого, взвесить его, исследовать и рассмотреть добросовестность побудительных причин каждого монаха. Прodelав это с помощью неведомо какой избирательной алхимии и подсчитав голоса (каждый избиратель, который назывался «*vocalis*», «подавал свой голос» на ухо «исследователю»), эти монахи объявляли имя избранного, и все собравшиеся аплодировали в знак одобрения. Подобная процедура неизбежно приводила к конфликтам.

За неимением практического решения проблем, возникавших в связи с понятием «здоровой части», и для того, чтобы не пренебрегать мнением большинства, эти принципы были объединены в общей формуле: «здоровая и большая часть», получившей распространение с XI века и официально признанной на Латеранском соборе в 1179 году. Но и этот принцип тоже становился источником конфликтов.

Возврат к принципу большинства

Именно поэтому некоторые монашеские ордена продолжали использовать ясную и простую мажоритарную систему. Генеральный капитул цистерцианцев в 1134 году постановил, что в случае разделения голосов (похоже, это было частым явлением) следует придерживаться мнения большинства. Латеранский собор принял это положение в 1215 году. Орден доминиканцев – в 1221–1227 годах. В 1247 году папа Иннокентий IV осудил положение, по которому над большинством может возобладать один лишь моральный и духовный авторитет. Презумпцией разумного решения является только количество голосов. В 1253 году кардинал

Иоанн из Сен-Лоран-ин-Лючина, картезианец и англичанин по национальности, постановил, что меньшинство не может подчинить себе большинство. В 1261 году было провозглашено: «Всегда решает большинство», где слово «всегда» – ключевое. А в конце века папа Бонифаций VIII (1294–1303) повелевает «не производить сравнение усердия или заслуг голосующих, но лишь подсчитывать голоса.» В случае равного распределения голосов голос аббата или председателя засчитывается за два (Сито, 1134) или же просто признается решающим (оливетинцы).

Латеранский собор 1179 года постановил, что для избрания папы требуется большинство в две трети голосов. Это являлось признанием того, что здоровое решение принимается большинством.

Для Латеранского собора 1215 года законными методами избрания признавались следующие: выборы «как бы Духом Святым», то есть путем более или менее спонтанного одобрения; единодушное голосование; принятие решения простым большинством; все еще голосование «здравой частью»; выборы путем компромисса.

«Per quasi inspiratioriem»

Избрание «как бы Духом Святым» (отметим, что словечко «квази» сообщает данной формулировке некоторый скептицизм) применялось довольно долго, несмотря на недостатки этой системы. В тексте 1124 года говорится, что выборы проходили «в большой неразберихе... вопреки возражениям, исключавшим возможность единодушия». Так что хронисту было непросто подобрать слова, которые подтвердили бы, что выборы в ордене «проходят с Духом Святым, без промедления, с соблюдением всех процедур, совершенно свободно, без единого возражения». Просто мечта...

«Per compromissum»

На протяжении всего Средневековья и даже в последующие эпохи наиболее часто использовалась система компромиссного избрания. Ее практиковали, когда собрание было слишком многочисленным. Опыт показывал, что в условиях многочисленного собрания невозможно было безупречно применить какой-то один определенный принцип. Об этом же прямо свидетельствует текст, дошедший до нас из XII века. Собрания, на которых мнения разделялись, проходили бурно и трудно.

Слово «компромисс» означает «пакт», «контракт». В применении к VI веку (по крайней мере, с этого времени) такой метод состоял в том, что собрание единодушно (так как право большинства всегда превалирует; однако существует и «*ius singulorum*» – другой основной принцип любого правового режима, защищающий право меньшинства) назначало нечетное число арбитров – три, пять и даже больше одиннадцати. Кстати, именно поэтому такой способ выборов обычно называли «арбитражным».

Эти арбитры совещались, а затем голосовали в соответствии с решениями, принятыми либо всеми собравшимися, либо ими самими согласно принципам единодушия, простого большинства, квалифицированного большинства, или даже на основании мнения «здравой части».

Как только достигалось согласие, один из арбитров объявлял имя избранника. Собрание не могло ни оспорить решение арбитров, ни отказаться от системы компромисса. Избиратели были связаны собственным волеизъявлением и обязательствами.

Арбитры могли выбрать одного из своих рядов. Такое случалось нередко, поскольку арбитры чаще всего избирались из числа высших представителей монастырей. Во всяком случае, сборник обычаев аббатства Бек сообщает, что такой род кооптации не может быть использован, если только не будет достигнуто согласие по поводу того или иного монаха, который не входит в группу двенадцати.

Система компромисса примиряла, хотя бы в теории, участников собрания, то есть и количественное большинство, и «здравую часть». В силу этого компромисс рассматривался как примиряющее средство в ходе выборов по принципу большинства, которые постоянно

превращались в неразбериху, или в ходе избрания «Per quasi inspirationem», тоже порождавшего путаницу.

В самом деле, компромиссная система обладала большими преимуществами, и монахи прекрасно сознавали это, ибо она позволяла избежать долгих и напрасных дискуссий, являвшихся общим уделом всех спорных предложений на слишком многочисленных собраниях. В орденах госпитальеров эта система компромисса основывалась на весьма любопытной системе кооптации последовательными степенями.

Голосование

Принцип туров голосования был известен уже в V веке как закономерное следствие всякой мажоритарной системы.

Объявление о результатах голосования делалось одним из счетчиков голосов. В некоторых монашеских орденах при объявлении результатов называли только двух-трех отцов, получивших наибольшее количество голосов. Принцип тайного голосования начал использоваться с 1159 года. Примерно тогда же Сито провозгласил, что речь идет о «соответствии обычаю», подтверждая еще большую древность этого принципа. (Триентский собор признает его официально в XVI веке.)

Голоса подсчитывали различными способами. Можно подсчитывать сами голоса, если голосование было открытым (избиратели вслух называли избираемого ими кандидата), либо бюллетени, которые после выборов сжигались (1436) во избежание путаницы, либо «ballotae», то есть камешки, монеты, медали, бобы различных цветов (система, отмеченная еще в XIII веке). Также можно было голосовать при помощи головного убора, садиться или вставать, поднимать руку (правую) или же выходить в ту или иную дверь зала капитулов (последняя система до сих пор используется в британском парламенте).

Практика подсчета лишь голосов, поданных против предложенной кандидатуры, которая называлась «*girrova*» или «*givoluto*», использовалась, похоже, только коммунарами (Брешия, 1274).

В 1245 году Лионский собор постановил, что на выборах будут «отвергаться» и не засчитываться «обусловленные» голоса, то есть поданные с оговорками (например: «Я голосую за X при условии, что...», или «Я голосую за X, если Y не будет избран»).

Разрешалось голосовать по доверенности. Начиная с середины V века это практиковалось латеранскими канониками. В тексте 1461 года описывается, как члены «счетной комиссии» или скруторы сначала проводили голосование среди лично присутствовавших избирателей, а затем среди тех, кто отсутствовал, но выбрал себе представителя, некое доверенное лицо. Случалось также, что один монах обладал многими голосами и пользовался большим влиянием.

Кворум – минимальное число членов собрания, присутствие которых необходимо для того, чтобы голосование считалось действительным. Наличие кворума было мерой, позволявшей бороться с неявкой, которая очень рано обнаружилась на собраниях капитулов. Панормита (около 1450 года) считал, что отсутствующие (из числа тех, кто обязан участвовать в собрании) не должны приниматься во внимание, и в этом заключается классическое различие между «записанными» и «голосующими». По лимиту, один человек, пользовавшийся поддержкой, мог составить капитул.

Неявка вряд ли позволялась в монастырской среде, где все понимали, что каждый из монахов несет свою долю ответственности и ничего не отдает на волю случая. Кроме того, в ограниченном кругу неявка могла затруднить или вообще сделать невозможным любое действительное избрание.

Императивный мандат был запрещен. Каждый должен был голосовать по совести, как считали картезианцы.

Продолжительность совещаний часто определялась временем горения свечи, специально для этого зажигавшейся в зале собраний капитула (1254 год).

Тогда как средневековые коммуны все еще продолжали использовать малонадежные избирательные системы с не уточненными правилами, «изменчивыми, запутанными и подвергавшимися частым переделкам» (Дюфурк), что создавало предпосылки для

фальсификаций и насилия, и прибегали к жеребьевке и кооптации, монашеские же ордена, несмотря на давление извне, уже практиковали детально разработанные и весьма совершенные правила проведения выборов. Первый свод этих правил «*Liber super electionibus*» («Книга о проведении выборов») датируется 1254 годом. Этот труд Лоранса де Сомеркота посвящен исключительно церковным выборам.

В принципе, можно утверждать, что практика проведения выборов в современном мире берет свое начало не в греческой и римской античности, как считалось долгое время (ибо избирательная практика древних, кстати говоря, весьма примитивная, была предана забвению после германских нашествий, а частично даже и до них), а в тех избирательных системах, которые на протяжении веков без всяческого принуждения или фальсификации использовались Церковью в целом и монашескими орденами в частности.

Интересно отметить, что единственная практика не церковного происхождения была «конклав», применявшийся коммунами с 1216 года. Утомленные непомерными расходами в связи с присутствием на выборах большого числа избирателей, они приняли решение запираť их на ключ («*clavis*»), оставляя без постели на хлебе и воде, чтобы ускорить принятие решения. В некоторых городах это запирание на ключ кончалось тем, что запертые разбирали крышу! И все же практика конклавов, правда в смягченном виде, была принята сначала доминиканцами (в 1238 году), а затем вторым Лионским собором (1274).

Тем не менее все эти великолепные избирательные системы создавали проблемы. Что делать, если единодушие не удастся достичь путем компромисса? Если не получится собрать большинство голосов? Или меньшинство будет упорствовать в своем отказе признать мнение большинства? Дом Шмиц отмечает удивительные формы компромиссов, например, передачу решения на усмотрение... одного арбитра, к тому же местного епископа!

Мартен рассказывает о голосовании, проведенном по правилам, в котором, однако, анализ результатов производился счетчиками голосов весьма странным образом. Объявив имена победителей на выборах, публично разобрав достоинства и добродетели каждого из них, они перечислили и имена тех, кто выказал свое предпочтение тому или иному, анализируя причины выбора и личные качества избирателей. Легко представить, до каких крайностей можно дойти ради заботы об общем благе в ходе публичных разоблачений, какие раны можно нанести подобной практикой.

Всегда ли выборы были свободными и регулярными? Всегда ли удачным оказывался выбор руководства? Разумеется, до совершенства было далеко. Как и нет нужды далеко ходить за примерами: Жиль де Мюизи рассматривает выборы, отмеченные завистью, притязаниями и гордыней, чего не было, возможно, у нищенствующих орденов («потому что они умели скрывать свои дела лучше других»). Многие указывают на то, что в монастырях случалось и соперничество, и столкновение амбиций, еще более непримиримых из-за того, что они должны были сдерживаться и подавляться.

С другой стороны, жесткое давление на монастыри очень скоро начал оказывать внешний мир, проявляя свои аппетиты и жажду власти. Крайняя тщательность и формализм избирательных процедур монашества большей частью объясняются именно желанием избежать такого внешнего давления. Монахи отчаянно сопротивлялись этому губительному для их сообщества вмешательству, хитря, торопясь, окружая себя множеством предосторожностей, дабы не оказаться застигнутыми врасплох перед уже свершившимся фактом. Это удавалось им с большим или меньшим успехом. Аббатства были центрами могущества и часто богатства. Монашеские ордена простирали свое влияние на всю Европу. А разве дворянство не стремилось пристроить в монастырь кого-нибудь из своих? И как избежать того, чтобы соседние соперничающие ордена, епископы одной епархии, коммуны не повели себя наподобие современных «групп давления»? Какой резон королю и папе отказываться от своего права надзора над внутренними делами аббатств?

В конце XIII века король Англии прибегает к помощи Рима, чтобы властью папы аннулировать избрание епископа. И он добивается своего. Избран монах – придворный чиновник! Монахи, коих надлежащим образом «просветили» и «пожурили», провели выборы «ко всеобщему одобрению». Подтасованные выборы.

Настоятель

Многочисленные тома написаны о том, что должен делать настоятель монастыря, каким должен быть его нравственный облик, полномочия, источники его авторитета, его личные качества, его отношения с братией, которой он руководит и за которую несет ответственность.

Согласно св. Бенедикту, аббат является викарием («заместителем») самого Христа, отцом всего монастыря, и вся братия должна уповать на него, ведь он – врачеватель и пастырь душ, наставник и организатор жизни в обители. В каждой главе устава мы найдем слова: арбитр, наставник, заступник, принимающий решения. И они ясно подчеркивают, что руководство монастыря было «персональным», все находилось в руках аббата. В таких условиях естественно, что послушание братии оценивается как первейшая, главная добродетель монаха (на протяжении веков она станет добродетелью верного члена Церкви, женщины, ребенка, солдата, подчиненного...). Кроме того, сама повседневная жизнь, церемониал, богослужения постоянно подчеркивали превосходство настоятеля: монах встает и кланяется, когда мимо него проходит аббат. Питается настоятель отдельно, приглашая того или иного монаха за свой стол, что считается большой честью, от которой отказываться нельзя. Своих гостей он принимает в отдельном, специально подготовленном для этого помещении. Он не спит в общей спальне. Он совершает отдельную мессу вместе со своими капелланами. У него свои доходы, он имеет свой герб, а некоторые аббаты носят жезл. Настоятели нередко бывали благородного происхождения, а уже в силу этого они привыкли повелевать. С другой стороны, большое число подчиненных привыкли повиноваться и не представляли себе, что может быть иначе. Добавим также, что подчас в таком руководстве проступали следы садизма. Элио рассказывает об одном аббате из конгрегации Фульда, который не умел соединять «милосердие и мягкость со справедливой твердостью». Он третировал своих монахов за малейшую оплошность и выгонял в какой-нибудь приорат, подчиненный аббатству, «не учитывая ни возраст, ни достоинства монахов». И наоборот, некоторые монахи, «рьяные в своем подчинении», желавшие прежде всего раствориться в служении Богу при посредничестве своего настоятеля, проявляли определенный мазохизм по отношению к телу и душе.

Однако было бы вовсе нежелательно, чтобы в памяти читателей запечатлелась именно эта картина взаимоотношений аббата и монахов. Какими бы властными полномочиями ни обладал настоятель, все равно они были не абсолютными (в главе LXIII Устава св. Бенедикта в словах «*quasi libera... potestate*»: «как бы неограниченная власть» самым главным является словечко «квази» – «как бы»). Поскольку жизнь монахов находится в распоряжении отца-настоятеля, то совершенно очевидно, что он сам должен вести себя в соответствии с уставом, в духе умеренности, обдуманности, «*discretio*» (в дальнейшем мы увидим, что означает это ключевое слово), а все эти понятия умеряют и ограничивают его власть. В день Страшного суда именно аббат будет давать отчет перед Богом о вверенных его попечению душах, а также, как прибавляет текст, «несомненно, и о своей собственной душе».

Многие другие факторы тоже способствовали ограничению аббатского «абсолютизма», и прежде всего христианское смирение, которое должно присутствовать как в душе настоятеля, так и в душах его братии. Св. Бонавентура после назначения генеральным пастором францисканского ордена признался в своих слабостях:

«Благо, я осознаю свою немощь для несения этого бремени по причине слабости здоровья, духовных изъянов, неопытности в действиях и моего нежелания взять на себя эту ответственность...»

Возможно, в этих словах есть доля вымысла (странно слышать нечто подобное из уст Бонавентуры), но кто из современных руководителей когда-нибудь представлялся подобным образом?

Второй фактор «умеренности» – это устав, тот самый устав, в котором закреплены полномочия аббата и который все равно стоит над ним. Аббат – не источник закона. Он подчиняется уставу, и монах не обязан повиноваться аббату, если тот не соблюдает устав. Устав – это не декларация прав аббата, а декларация прав и обязанностей как аббата, так и монахов. Одного перед другими и наоборот. Огромные (хотя и небеспредельные) права аббата уравновешены столь же огромными обязанностями. Он выдвинут на этот пост, чтобы лучше

служить своим подчиненным и помочь им лучше служить Богу. Св. Августин говорит по поводу настоятелей: «Они первые, но не для того, чтобы первенствовать, а для того, чтобы служить». В подобных условиях послушание приобретается только тогда, когда аббат руководит на благо своих подчиненных и ордена в целом в соответствии с уставом, говорят францисканцы и уточняют при этом, повторяя слова Франциска Ассизского: если он не противоречит совести.

Печать

В те отдаленные века, которые тем не менее не были столь уж темными и мрачными, владение печатью означало обладание властью. У аббатов была своя печать, а позднее она появилась и у генерального капитула. Правда, любую печать можно подделать. Так, секретарь св. Бернара из Клерво обманывал его много раз, и тот был вынужден заменить анонимную печать с надписью: «Печать аббата Клерво», которой пользовался до сих пор, на другую: «Печать аббата Бернара». Аббат или приор, освобождаясь от обязанностей, должен был отдать печать капитулу. После смерти аббата его печать бережно сохранял генеральный капитул. Позднее, во избежание злоупотреблений, капитул постановил уничтожать печать покойного во время выборов нового аббата, причем эта процедура осуществлялась в присутствии визитатора.

В аббатстве Эйнсхем монастырская печать бережно хранилась в ларце под тремя замками. Ключи от двух замков ларца доверялись двум весьма энергичным монахам (способным противостоять незаконным требованиям аббата). А третий ключ от самой коробочки, в которой лежала печать, был у аббата (или приора). Что же касается большой печати, «sigillum», то она хранилась под двумя замками: один ключ – у аббата, а второй – у монаха, избранного капитулом.

На символику печати оказывали влияние различные события. Так, после захвата Иерусалима неверными папа повелел отказаться от белого воска. Генеральному аббату Сито, Жану де Понтуаз, который решительно примкнул к папе Бонифацию VIII в его борьбе против Филиппа Красивого и за это был заключен в тюрьму, папа пожаловал две привилегии: первое – ставить свою печать на белом воске, как папа римский, и второе – выгравировать на печати свое изображение в виде сидящего прелата. При этом папа сказал: «Поскольку ты был единственным, кто поддержал меня, то ты будешь единственным, кто имеет право сидеть в моем присутствии».

Служители

Аббатство или приорат, каким бы ни было их значение, – это сложные организации, осуществляющие различные виды деятельности, поэтому они должны быть, в общем-то, самодостаточными. Один английский автор сравнил их с военным кораблем. Несколько необычная ассоциация, но она объясняет наличие множества служителей («офицеров», от французского слова «officier»), назначаемых аббатом или приором.

В Уставе св. Бенедикта мы найдем истоки того, что со временем разовьется в организацию такого типа, как аббатства Ключни или Сито: должности аббата, приора, келаря и наставника новициев. Посмотрим, чем стали они с течением веков.

Приор

Приор (prior), или прево (буквально «исполнитель», «ответственный»), следует непосредственно после аббата. Он – его помощник и заместитель. Он замещает аббата в случае его болезни или отсутствия. Здесь не обходится без трений. Такова жизнь, и св. Бенедикт понимал это. В главе LXV «О монастырском приор» он очень нерешительно объясняет необходимость этой должности. Слова «серьезный соблазн», «ссоры», «зависть», «противоречия» совершенно естественно выходят из-под пера Учителя, только по обоснованной просьбе всей братии он решился избрать того, кто «по совету богобоязненных

братьев» способен занимать это место. Но едва св. Бенедикт уступает в этом вопросе, как напоминает новоизбранному о его долге послушания воле аббата, который вправе сместить приора после трех предупреждений.

Деканы

Единственному приору, потенциальному сопернику аббата, св. Бенедикт предпочитает деканов («decanus» – «десятник»), избираемых из числа монахов, на которых «аббат мог бы с уверенностью положиться». Проявляя заботу о людях, вверенных их попечению, деканы едва ли могли покушаться на права настоятеля.

И все же с течением времени возникла необходимость в приоре. А в некоторых крупных монастырях их имелось даже несколько: главный приор, помощник приора, третий приор и даже четвертый приор. Было чем удовлетворить тщеславие.

Келарь

Келарь (cellararius) – это эконом, главный администратор, который отвечает за все, что не входит в круг обязанностей других служителей. Это он заботится о продовольствии для монастыря, покупает и продает земли и леса, взимает дорожную пошлину, раздает вознаграждения, контролирует амбары и мельницы, пивоварню и живорыбные садки. В Монте-Кассино келарь, кроме всего прочего, хранит у себя гири и весы, помеченные его именем. Короче говоря, именно от него в большей мере зависит благосостояние или упадок монастыря. Он настолько поглощен своими обязанностями, что сборники обычаев даже не требуют от него присутствия на богослужении, если только «он сам не пожелает этого».

В подчинении у келаря находятся: управляющий, своего рода староста («бейлиф» по-английски), который занят монастырскими доходами и выплачивает жалованье певчим, кузнецу и ветеринару; трапезничий; гранатарий (от латинского слова «granatarium» – житница, хлебный амбар), заведовавший семенным фондом и отвечавший за надлежащее засеивание монастырских полей (у гильбертинов было принято, что если этот «агроном» плохо выполняет свои обязанности, то получает только кусок хлеба в день вплоть до начала жатвы), в его подчинении также находится пекарь; садовник; смотрители живорыбных садков, смотритель виноградников, хранитель хлебных запасов, коннетабль или смотритель конюшни; питансье (раздатчик ежедневных пайков) и, наконец, организатор кухни и питания. Наряду с экономом, специально наблюдающим за выпечкой хлеба, поставкой продуктов на кухню, потреблением пива летом и зимой, его распределением (но не раньше, чем за четыре дня до его складирования), имелись еще келарь по кухне, его обязанности будут рассмотрены ниже, и келарь по вину, отвечающий за доставку и хранение вина в погребах.

Сборники обычаев уточняют, что келарь и помощник келаря, как и все другие служители, включая их подчиненных, должны обладать большими достоинствами и добродетелями: обязательностью, скромностью, вежливостью, приятностью, учтивыми манерами, способностью сделать строгий выговор и, наоборот, разрядить гнев миролюбивым ответом и т. д.

Камерарий

Камерарий, чья роль непрерывно возрастала, выполнял функции финансового директора. Название этой должности происходит от слова «комната» (camera), в которой запирались деньги, реликвии, архивы, документы о правах собственности, деловые контракты монастыря. Камерарий получает доходы, управляет и распределяет имеющиеся средства. Он заботится о благосостоянии монахов. Также он отвечал за спальные принадлежности, соломенные тюфяки, за горячую воду для бритья и купания, для омовения ног, за мыло и одежду (в чем ему помогает «вестиарий» (от лат. «vestiarium» – хранилище для одежды), за обувь и ваксу... Один из монахов, подчиненный камерарию, хранил бритвы...

Помощник камерария устанавливал светильники в спальне, зажигал их с наступлением вечера и гасил на рассвете. Он следил за чистотой полотенец для рук, висевших в умывальной комнате. Камерарий и его помощники должны были также обладать множеством достоинств. Например, портному надлежало быть сдержанным, скромным, немногословным, не лгать, не злоупотреблять спиртным, ибо, находясь в среде братьев, он мог узнать их секреты. Так что его принимали на работу не сразу и по тем же причинам неохотно отпускали – ведь он знал слишком много...

Тщательность, с которой подходили к распределению обязанностей между различными служителями, показывают такие примеры: если пономарь должен был заботиться о колоколе, то найти веревку – дело камерария; если помощник елөмозинария (раздатчика милостыни) выдает иголки, то помощник камерария поставляет нитки. Но как бы ни были предусмотрены и распределены обязанности (и, несомненно, именно поэтому), все равно возникали разногласия. Дело дошло даже до составления свода правил, где определялись права и обязанности каждого служителя, но это только усложняло положение. Вот к чему приводит вмешательство третьих лиц.

Прекантор

Прекантор (*praecantor*), или старший певчий (*cantor*), был голосом церкви и следил за ритмом богослужений, в случае необходимости поторапливая запаздывающих отцов и братьев (которые не очень-то спешили, скорее всего, чтобы отвертеться от какой-нибудь повинности) или же умеряя их, когда они стремились слишком быстро завершить службу. Он преподавал музыку новичиям и детям. Но, как гласит текст того времени, кантор не имел права давать детям пощечины или таскать их за волосы, эта привилегия сохранялась только за учителем. Богослужебные манускрипты в течение долгого времени составляли большую часть монастырских библиотек, поэтому совершенно естественно, что старший певчий занимался также библиотекой. У него находился ключ от книгохранилища, и он следил за тем, чтобы никто без его ведома не брал книги из библиотеки. Именно он отвечал еще и за скрипторий. Прекантор был одним из тех трех монахов, которые хранили монастырскую печать. В обязанности его помощника (*succentor*) вменялось напоминать некоторым сонливым монахам во время всенощных бдений, что им надлежит быть бодрствующими стражами на службе у Бога.

Канцлер

В аббатствах рано появилась канцелярия, служители которой назывались скриптором, нотариусом или канцлером. Последнее слово первоначально означало привратника, находившегося около решеток (*cancelli*) суда. Матрикулярием (*matricularius*) называли монаха, который вел книгу записей – матрикулу.

Ризничий

Ризничий (*sacrorum custos* – «хранитель сокровищ», *лат.*) отвечал, как указано в самом его названии, за церковную утварь и сокровища монастыря. В итоге круг его обязанностей пополнился еще и заботой о чистоте и порядке в храме. Украшения и убранство алтаря, священнические облачения находились, скорее, в ведении капицерия («*capicerius*», то есть «тот, кто следит за облачением церкви»). Ризничему полагалось снабжать священника горячими углями, чтобы во время богослужения можно было погреть руки. Ему следовало также обеспечивать освещение церкви, трапезной, настоятельских покоев, помещений келаря и тех комнат, где размещались гости монастыря. Помощник ризничего следил за соблюдением канонических часов, звонил в колокол и устанавливал часовые механизмы.

Ризничему и его помощникам вменялись и иные функции. Например, они снабжали монастырь сеном, чтобы покрывать земляной пол в тех помещениях, где не было ни дощатого

настила, ни плитки. Они занимались ремонтом зданий, оплачивали труд наемных рабочих. Как мы видим, эти обязанности несколько расплывчаты, неожиданны и не имеют ничего общего с названием должности ризничего. Однако это были влиятельные и уважаемые люди, которые, стоило аббату несколько отпустить повода, начинали при случае злоупотреблять своим положением. Некоторые аббаты имели смелость наказывать их. Один из таких настоятелей заставил «вырвать с корнем» дома, построенные ризничим бывшего аббата. В те времена люди были скоры на руку.

Санитарный брат

Санитарный брат (*infirmarius*) заботился о больных, в его ведении находилась монастырская больница. Он был обязан следить за садом, где произрастали лекарственные травы. Он ежедневно служил мессу и произносил слова утешения. Он должен был безропотно выносить выделения и испражнения больных, поддерживать в больнице огонь и ночное освещение, советоваться с врачом (часто мирянином), устраивать омовения, подавать больным питье, отвары, каши и иные лекарства скудной медицины той поры.

Санитарному брату надлежало видеть в каждом больном самого Христа, и наоборот, он сам представлял собою Христа, «пришедшего послужить миру», источник милосердия и терпения, как писал картезианец Гиг. Болезнь обычно сопровождалась послаблениями в режиме питания: в больнице разрешалось вкушать куриный бульон, мясо, яйца, вино или рыбу – там, где здоровые монахи ее обычно не ели. В бенедиктинском аббатстве Сен-Пьер-де-Без санитарный брат был обязан снабжать больных монахов специальными продуктами – «миндальными орехами, черносливом, кашей» (из овса или ячменя), «свежими цыплятами и прочим легким мясом, полезным для больных, до тех пор, пока они не смогут *кушать* говядину». В аббатстве Монте-Вирджине была «прекрасная больница со всем необходимым», но там редко появлялись мясо, вино, яйца, молочные продукты... У картезианцев больницы не было вовсе, за что их подчас упрекали. Заболевший монах оставался в своей келье: одиночество, прежде всего. Никаких особых послаблений в питании, кроме разрешения есть рыбу, ему не давалось. Редко применяли и лекарственные средства, что нисколько не мешало особенно уповать на доброту, милосердие, благожелательность по отношению к больному, к тому, кого одолевают искушения. «Великий грешник тот же больной», – пишет Гиг, поэтому на больного полагалось смотреть как на грешника. То же самое относится к преступникам: «Нужно, чтобы он сам пришел к пониманию своего блага». Именно этим объяснялось отсутствие уголовного кодекса, что выглядело весьма прогрессивно.

Ни в одном монашеском Ордене не приветствовалось быть больным («одержимым страстями»). Монах никогда не нежился в постели. Почувствовав признаки болезни, находясь либо на хорах, либо в трапезной или в ином месте монастыря, он должен попросить у аббата разрешения отправиться в больницу. Если же болезнь сразила его столь внезапно, что он даже не мог привлечь к себе внимания, то любой другой монах обязан оказать ему необходимую помощь. В случае ухудшения состояния больного, санитарный брат просит братию молиться о его выздоровлении. В аббатстве Эйнсхем монах, пожелавший в отсутствие отца-настоятеля принять лекарство, должен был получить за это прощение капитула и просить его молиться о нем. У тамплиеров перед лечением монах был обязан предварительно исповедаться и причаститься. Санитарный же брат должен был следить за тем, нет ли среди монахов симулянтов, соблазнившихся «сладкой жизнью» в больнице. Он также должен был изолировать в особом помещении заболевших дизентерией, серьезно раненных, страдающих рвотой и «буйных». А прокаженные снабжались особой «униформой» – одеждой св. Ладра или Лазаря – и зловещей трещоткой, предупреждавшей прохожих об их появлении.

Для посещения больных требовалось получить разрешение настоятеля. И на самом деле, разве мог заболевший монах надеяться на улучшение после визита родственников, еще больше «осквернив» себя созерцанием мирских вещей, вместо того, чтобы получить облегчение в своих страданиях?

В больницу поступали только больные, старики, калеки, люди в состоянии депрессии, монахам после кровопускания тоже находилось там место. В больнице разрешалось

разговаривать друг с другом, питание тоже было тут гораздо лучше. Братья, впадшие в депрессию, слушали игру на музыкальных инструментах. Короче говоря, монашеская дисциплина здесь была ослаблена, потому-то монахи чаще, чем им следовало, находили способы попасть в больницу.

После трапезы старались сохранить все остатки, считавшиеся полезными для больных. В противном случае оставшееся от обеда отдавалось елемузинуарию. На кухню ходить было сложно, поэтому при больнице имелась своя посуда, в которой можно разогреть некоторые блюда, приправить их или даже приготовить что-нибудь на скорую руку.

Госпиталий

Отец-госпиталий (*hostiliarius, hospitalarius*), то есть странноприимный монах, был обязан оказывать прием гостям. В этом качестве он выступал как «принимающий лично Христа», согласно бенедиктинскому уставу. Это непростая и деликатная задача, ибо странствующие и путешествующие не всегда оказывались святыми, да и сама жизнь странника не располагала к утонченным манерам. Некоторые гости стоили монастырю слишком дорого. Другие начинали болеть, их приходилось помещать в монастырскую больницу (отметим, что слова «гостиница», «госпиталь», «отель» происходят от латинского слова «гость» – «*hospes*»).

Особые меры предусматривались для приема таких гостей, как священник, монах, приор, аббат или – кто знает? – сам епископ. Какое место отвести таким гостям в трапезной? На хорах? Какие блюда предложить им за столом? На все эти вопросы, столь сложные для людей того времени, живших в строго иерархическом обществе, где важную роль играли символы, сборники обычаев давали ясные, точные и подробные ответы. Отец-госпиталий, как в них говорилось, должен быть приветливым, любезным, усердным, обладать хорошими манерами, достойной походкой, легко вступать в беседу. Мы бы сегодня сказали, что такой человек должен быть экстравертом, открытой личностью. Если случится, что ему нечего больше предложить, то, по крайней мере, он порадует гостя своей улыбкой и приятной беседой. Таким проявлением милосердия доброе имя аббатства упрочится, дружеское расположение усилится, враждебность притупится, Господу воздастся слава, и на Небесах отца-госпиталия ждет за это вознаграждение.

Госпиталий должен следить за содержанием в порядке помещений, белья, посуды, одеял, скатертей и столовых приборов (из серебра!). Зимой он поддерживает огонь и держит наготове свечи. Он также должен обеспечить гостю возможность писать. Он следит, чтобы в комнатах не появлялась паутина, в спальню не проникали копоть и дым, а гости хорошо вели себя. Когда гости отправлялись в путь, он обходил помещения, проверяя, не забыли ли они что-либо... или нечаянно не прихватили с собой что-нибудь лишнее (при исполнении подобных функций вряд ли остается место для иллюзий).

Как же он должен принимать гостей? По этому поводу сборники обычаев содержат пространные описания, очаровательные своей наивной подробностью и желанием соблюсти все условности и церемонии приема нового лица в монастыре: молитвы, благословение, прием у настоятеля... Затем госпиталий и гости рассаживаются и беседуют друг с другом. Наступает время трапезы. У гостей заранее спрашивают, кушали ли они сегодня. Если нет, то для них срочно готовятся какие-нибудь блюда. Также госпиталий осведомляется, не желают ли они отдохнуть, не хотят ли пить? В установленный час он провожает их в спальню, замечая, что они не должны стесняться, если захотят «помыть руки». Это предложение, как гласит текст, подобает делать независимо от времени прибытия гостей в монастырь. Госпиталий следит, чтобы соблюдалась тишина; если же начинаются какие-то беспорядки, он тотчас же докладывает об этом настоятелю, который принимает соответствующее решение.

На следующий день после прибытия в монастырь гости участвуют в богослужении. Это лучший способ отблагодарить монахов и показать, что аббатство в глазах гостей – это не придорожный постоялый двор. Но вполне вероятно, что гость должен отправляться в путь с раннего утра; в таком случае отец-госпиталий предупреждает об этом трапезничего и повара на кухне, которые обеспечивают гостя запасом пищи. Цитируемый текст заканчивается горьким замечанием о том, что строгий ритуал приема гостей соблюдался только в старину, а в те

времена, в которые живем мы, от обычаев часто уклоняются...

Елеозинарий

Елеозинарий (*eleemosinarium* – «подающий милостыню») обязан раздавать милостыню нищим, беднякам, странникам, отверженным, вдовам, неимущим клирикам, всем путешествующим и даже прокаженным. Он должен осуществлять справедливое распределение пищи, напитков, старой одежды, а в праздники – еще и мелких монет. Можно предположить, что в толпе нищих, ежедневно теснившихся у ворот монастыря, иногда проскальзывали профессиональные попрошайки. Однако в сборниках обычаев я не встретил опасений на сей счет. По всей вероятности, монахи считали, что лучше оказаться обманутыми, чем безжалостными и подозрительными. Наоборот, встречаются упоминания о тех, кто некогда был богатым и могущественным, но волею судьбы оказался в нужде. Елеозинарию следовало проявлять особую деликатность по отношению к таким несчастным, которые могли стыдиться окружения нищих. Им он помогал втайне.

Более чем кто-либо другой, елеозинарий должен был проявлять себя добрым, сдержанным, выказывать сострадание и милосердие, терпеливо выносить жалобы и назойливые крики осаждавших его горемык. Он был, как написано в сборнике Эйнсхема, «поддержкой отверженных, отцом бедняков, опорой несчастных». Кроме того, он навещал лежащих больных в окрестностях монастыря, приносил им пищу и укреплял духовно, находя слова утешения. Вместе со своими помощниками он погребал умерших, родные которых слишком бедны, чтобы оплатить похороны. Елеозинарий Вестминстерского аббатства посылал в Лондон отобранных им детей для обучения различным ремеслам.

Наставник новицев

Изначально такой наставник у клюнийцев имел второстепенные функции (действительно, в бенедиктинском уставе, LVIII, 11–12, этот служитель упоминается лишь мимоходом и характеризуется как «senior, способный распознавать души»). Его должность становится более важной у цистерцианцев: здесь наставник новицев следует непосредственно за помощником приора.

В Дареме наставник новицев помещался в прекрасной комнате, обшитой панелями и охранявшейся привратником. Он посвящал своих подопечных в повседневную жизнь монастыря, пояснял им смысл таинств, жестов и облачения, традиций и обычаев, которые необходимо соблюдать всю жизнь. Он также обучал их чтению, письму, пению. Он толковал им Священное Писание, труды Отцов Церкви и произведения богословов, мистиков, канонические сочинения того ордена, к какому они имели честь принадлежать отныне.

Другие функции

В церквях происходили кражи, поэтому монахи были вынуждены нанимать постоянных сторожей, которые, ночуя и питаясь в монастыре, охраняли его. Часто эта задача вменялась в обязанности помощнику ризничего.

Должность привратника (*portarius*) иногда пожизненно отдавалась какому-нибудь мирянину и становилась наследственной в его роду.

Название «*circatores*» носили монахи, которые «курьезно» (буквально «с любопытством»), то есть с превеликим рвением, следили за тем, чтобы в положенное время все работали или же спали, а богослужения совершались, как подобает. По словам одного автора, это были «бродячие шпионы», что, конечно же, не вызывало к ним симпатии окружающих.

В крупных аббатствах большинство служителей и ответственных за различные службы имели заместителей и помощников, некоторые из которых были мирянами, получавшими жалованье за работу, например, повар, камерарий, елеозинарий, келарь. В целом, должностей существовало много. Без преувеличения можно сказать, что, принимая во внимание довольно

ограниченное количество монахов в большинстве монастырей, все они были служителями того или иного уровня.

Визитаторы

Из всех служителей наиболее важными в плане влияния на монахов были визитаторы, эти *missi dominici*⁵⁰ центральной власти. В нашем распоряжении достаточно их отчетов, в частности из Ключи, напичканных всевозможными сведениями. Это поистине подробнейший обзор всего, что подметили эти средневековые «досмотрщики», инспектируя помещения, отслеживая повседневную жизнь в монастыре, опрашивая монахов с глазу на глаз.

Вот некоторые, собранные наудачу отрывки из этих отчетов: в таком-то монастыре не соблюдалась тишина, и лампада в алтаре не горела денно и нощно. Один монах поранился и лишился пальца, так как к нему не было проявлено внимание. Такой-то приор парализован и не способен дальше управлять монастырем, поэтому следовало бы назначить ему заместителя, но лишать его этой должности было бы непристойно: аббат, немощный ныне, все равно еще пользуется доброй репутацией. В каком-то другом монастыре за неимением книг монахи не могут достойно славить Господа. Еще где-то после дождя протекла крыша, или пол поврежден, или монахи не спят в общей спальне и не питаются вместе, не носят одежды и обуви по уставу...

Визитаторы отмечали, что монахи продают вино и хлеб, которые получают в качестве пайка и главного блюда. Кроме того, они не творят милостыню или удерживают часть ее у себя. Такой-то приор замечен в нерадивости: ему предписывалось просить прощения своих грехов накануне генерального капитула. Другой приор отличился негостеприимством, и его сместили с должности «без снисхождения», то есть без извинения.

Картезианский сборник обычаев предостерегает монахов от дачи «каких-либо показаний, продиктованных хитростью, ненавистью или завистью». Другая же статья сборника советует каждому, начиная с приора, не быть злопамятным по отношению к тому, кто когда-либо делал ему упреки. Каждый монах должен понять, что все сказанное проистекало из одной только милости и поэтому должно быть принято тоже в духе благоволения и смирения. Хочется на это надеяться. После завершения своих наблюдений визитаторы составляли отчет. Этот документ обычно не содержал ни ластивых восхвалений, ни резких упреков. Визитаторы избегали выделения мелких и незначительных фактов. Их девиз: «*Puram veritatem simplicibus verbis*» – «Излагать чистую правду простыми словами». Затем, «поскольку случаев согрешить всегда предостаточно в такого рода общении», визитаторы и вся братия, распростершись ниц, вместе возносили *Confiteor*⁵¹.

Приор обязан сообщить визитатору о своем намерении уйти в отставку, но тот может позволить ему это только с согласия генерального капитула или преподобного отца, главы ордена. Та же статья уточняет, что поспешность особенно неуместна, когда этой отставки слишком настойчиво добиваются многие монахи, так как необходимо время, чтобы поразмыслить и установить, не является ли это упорное единодушие банальными интригами. Глава XXIII «*De visitationibus*» («О проверках») Устава картезианского ордена гласит, что в серьезных случаях визитатор вправе потребовать рассказать ему всю правду без утайки и даже дать клятву, чтобы подтвердить истинность сообщаемых сведений. Но при этом добавлено: если только он не имеет оснований опасаться, что его требование вызовет клятвopеступление.

Если визитатору приходится решать острый или деликатный вопрос, то он спрашивает мнение приора. Завершенный отчет зачитывается в присутствии всей монастырской братии и вручается приору, который на тот или иной праздник вновь зачитает его.

Не стоит даже говорить о том, что визитаторы, «эти возмутители спокойствия» в

⁵⁰ Королевские посланники (лат.)

⁵¹ Исповедаюсь (лат.)

монастыре, находили далеко не радушный прием. В 1262 году Клерво отказался принять аббата Сито в качестве визитатора, тот же, в свою очередь, ответил угрозой отлучения. Инспекции простых монахов, даже если их делегировала центральная власть, оказывались малоэффективны; с подобными поручениями лучше всего было посылать прелатов, но тех явно не хватало. В некоторых местах визитаторов побивали камнями...

От визитаторов требовалось, чтобы они имели смелость взять на себя эту ответственность. Но так бывало не всегда. В аббатствах на комменде⁵² аббатом являлся феодальный сеньор, редко бывавший там, живший на широкую ногу благодаря доходам от аббатства и вовсе не склонный принимать у себя визитаторов. Они довольствовались тем, что посылали ему духовные увещевания с напоминаниями монахам, что они не должны отлучаться из обители без причины (но по опыту можно утверждать, что причины находились постоянно), не впадать в крайности (неопределенное понятие), не позволять себе излишеств (но где границы необходимого?), не вести разговоров с гостями (а как же радушный прием? а как нести доброе слово везде, где это представляется необходимым?)... Толку от этого, как правило, было мало.

Редко находились такие визитаторы, как Роберт Гросстест, епископ Линкольна, который сразу переходил к делу: во время своего пасторского инспектирования в 1236 году он снял с постов семерых аббатов и четырех приоров. Иногда и сам визитатор под каким-либо предлогом терпимо относился к тому, что он должен бы и запретить. Причина сего заключалась либо в том, что он сам был из монастыря, где данная практика разрешалась, либо он скептически смотрел на эффективность своего запрета.

Формулировка дома Никола Моленас раскрывает секрет картезианского долгожительства: «Сила картезианцев – в молчании, уединении, генеральном капитуле и системе контроля». Автор напоминает о двух духовных и двух институционных факторах, которые, вероятнее всего, перечисляются по мере уменьшения степени важности. Но сколько мудрости в том, чтобы объединить их, не выделяя какого-либо фактора отдельно и не преуменьшая значения духовного перед институционным, и наоборот!

Совет

В монастыре наряду с местным, провинциальным или генеральным настоятелем обязательно имеется небольшая группа советников, с которыми в определенных случаях сам настоятель должен коллегиально принимать решение (в наши дни он обязан не только советоваться с ними, но учитывать их мнение и ни в коем случае не действовать вопреки воле советников). Возникает вопрос: каковы истоки этого совета?

Бенедиктинский устав (глава III) предусматривает, что аббат обязан «во всех важных делах» созывать всю братию на совет (*omnes ad concilium*). Каждый из отцов капитула может встать и взять слово, тогда как другие в это время хранят молчание. Рекомендовалось не выступать по любому поводу и не брать слова самочинно. Аббат выслушивал мнения, «размышлял про себя» и принимал решение в соответствии с тем, что «он сочтет наиболее полезным» (как сказано у св. Бенедикта и у Гига). В итоге различные мнения собравшихся объединялись в решении аббата (согласно тексту X века), ибо настоятель не являлся неким коромыслом весов, а сам имел вес, за ним оставалось окончательное решение и на нем лежала ответственность. Даже для решения менее важных дел аббату полагалось созвать совет старцев, которые необязательно были самыми старыми по возрасту, но считались наиболее умудренными и прозорливыми, занимая в монастыре ответственные посты. Так что братия вмешивалась в решение вопросов, но имела при этом лишь право вето. Иногда братьям удавалось отговорить аббата от принимаемого им решения; но братия не могла заставить его сделать то, чего он не хотел. Совет и вся братия в целом являлись тормозом, надежным и действенным, но мотором они не были никогда. Согласно св. Бенедикту Нурсийскому (VI век), сам аббат избирает себе советников и служителей. Три века спустя для этого ему станет нужно согласие всей братии, как пишет св. Бенедикт Аньянский.

⁵² пользование доходами с аббатства (Прим. ред.)

То же самое стремление ограничить настоятельские полномочия, но на этот раз уже на уровне всего ордена, мы встречаем в Сито в октябре 1222 года: цистерцианцы решили, что аббат, «несмотря на то, что он – отец ордена, а его аббатство – прибежище всех остальных», не имеет права назначать или смещать того или иного из «первых отцов», то есть аббатов Клерво, Ла-Ферте, Понтины и Моримон, которые были прямыми ответвлениями Сито, делать это без совещания с другими; он также не имеет права инспектировать монастыри не своего ордена; Сито должен контролироваться четырьмя «первыми отцами» и «обязан принимать все их замечания и исправлять то, что, на их взгляд, нуждается в исправлении».

В целом братия чаще всего вставала на позиции защиты. Так, например, в 1256 году братия аббатства Клуни обвинили своего аббата в плохом руководстве. Дело дошло до Рима (аббат и братия были вынуждены взять займы... из доходов самого аббатства, чтобы суметь покрыть все расходы!).

Такое расширение полномочий капитула и братии не всегда приходилось по вкусу настоятелям, и они всеми средствами боролись за сохранение собственных прав. Например, в 1262 году аббат Сито претендовал на то, чтобы самому назначать себе помощников и являться абсолютным главой капитула. Но он получил отказ. И, напротив, в 1227 году, вопреки воле капитула, аббат открыл в Париже цистерцианский колледж.

«Discretio»

Вся эта система поддерживалась в духе «discretio, sobrietas, moderamen» – дискретности, трезвости, снисходительности, – то есть здравого смысла, истинной оценки вещей, понимания человеческих слабостей. По словам папы Григория Великого (590–604), Устав св. Бенедикта отмечен подобной заботой о дискретности – индивидуальном подходе к каждому человеку и каждому явлению. Сам св. Бенедикт объявлял о решимости создать «школу для служения Господу, где не будет ничего слишком строгого или тягостного»... Автор устава советует (LV, 45) воздавать «каждому по потребностям», но, хорошо зная людей, он тотчас же смягчает этот принцип, добавляя, что, поступая таким образом, аббат учитывает «слабости поистине более нуждающихся, нежели злую волю завистливых». По правде сказать, каждый устав, каждое правило, каждое постановление на свой лад и на различных уровнях отмечены духом дискретности⁵³. Discretio в распорядке одного дня и всей жизни, в управлении людьми, в человеческих взаимоотношениях, которые называются тактом и учтивостью; наконец, discretio даже в наказаниях, тяжесть которых не зависит от произвола настоятеля.

«Крайности» в умерщвлении плоти

Чем больше мы углубимся в прошлое, тем героичнее окажутся приемы умерщвления плоти. Гуго нарисовал внушительную картину опытов аскетизма, но все же они вызывают у него скептицизм. Он упоминает о «невероятной выдержке» св. Колумбы, который каждую ночь читал Псалтирь, стоя в холодной воде. Другая святая ирландского происхождения, Бригида из Килдара, в зимнюю ночь окуналась в пруд и молилась там, проливая «святые слезы». Сам Господь вряд ли поощрял эти действия, достойные скорее дервишей или факиров: чтобы помешать их возобновлению, Он чудесным образом осушил упомянутый пруд; в другой раз Он остудил воду или же довел ее до кипения, чтобы кающийся отказался от мысли погрузиться в нее. Подобные крайности встречались и в плане «дисциплины», то есть добровольного бичевания. Некоторые монахи, в частности Доминик Закаленный, бичевали себя «обеими руками, неоднократно перечитывая Псалтирь», иногда до двенадцати раз! Кроме того, Доминик заменил розги, обычно использовавшиеся до тех пор, плеткой с узкими кожаными ремешками. И все это ради того, чтобы добровольно понести те страдания, которым подвергались Христос и его апостолы.

⁵³ Дискреторием называется место, где собирается монастырский совет. (Прим. ред.)

Основатель ордена гранмонтанцев св. Этьен де Мюре так часто простирался ниц лицом к земле, что «весь покрылся синяками, которые выступили у него на коленях, локтях, даже на лбу и носу». Другой монах этого же ордена умерщвлял свою плоть втайне и столь крайними способами, что «враг рода человеческого сделал так, что другие обнаружили сего монаха и воспрепятствовали его усердию» (только неясно, какую выгоду для себя извлек из этого демон).

Можно привести множество других примеров крайностей, имеющих, как сказал мне один отец, мало общего с христианством. Так, основатель ордена иезуатов принес на своих плечах прокаженного, омыл его язвы и выпил потом эту воду. К счастью для него, этим «прокаженным» оказался сам Иисус. В другой раз тот же Джованни Андреа Коломбини (скончался в 1367 году), странствуя по Тоскане, был вынужден проходить через землю, которая ранее принадлежала ему и на которой он, по всей вероятности, совершил множество бесчинств. Изобретательный в способах умерщвления плоти, «он разделся до пояса, заставил других связать себя веревками и просил своих спутников жестоко избивать его, громко возвещая при этом местным жителям: „Вот тот, кто хотел уморить вас голодом, в ком не было сострадания к бедным!“» Поистине, только следование заповедям может привести к полному покаянию, но никак не подражание тому или иному примеру, выдернутому из Евангелия и доведенному до пароксизма (именно из подобных стремлений рождается большинство сект). В умерщвлении плоти не должно быть ни крайностей, ни экстравагантности (разумеется, вся сложность заключается в том, что у каждого свое понимание крайностей). Не следует поститься в иное время, кроме установленного. В предписанные часы нужно спать, а не бодрствовать. Не следует подвергать себя истязаниям без разрешения отца-настоятеля. Даже Петр Дамианский, одержимый идеей бичевания (ему явно не хватало *discretio*: он «раздевался догола в присутствии братии», что вовсе не считалось «приличным»), в итоге советовал быть «умеренным», то есть заниматься самобичеванием, только следуя влечению, и читать при этом не всю Псалтирь, а «лишь» сорок псалмов.

Сборник обычаев весьма суровой конгрегации Фонте-Авеллана предусматривал, что все должны молиться с распростертыми руками. Но в том же сборнике говорится и о том, что «каждый поступает по силам и благочестию» – формулировка, в которой тесно переплелись физическое и духовное, и это весьма мудро. В аббатстве Флёри в течение Великого поста все процессии совершались босиком, однако сборник обычаев уточняет, что «по причине холода» аббат может позволить надеть обувь, и тогда взамен этого предусматривалось какое-нибудь дополнительное испытание.

Св. Вильгельм из Гирсау послал четырех монахов в Ключни, чтобы посмотреть, что там делается. Когда братья вернулись, он собрал старцев обители послушать их рассказ. Они обсудили все услышанное, затем св. Вильгельм сделал выводы.

Обычаи Ключни были окружены в то время ореолом огромного авторитета; св. Вильгельм, как пишет Элио, «убрал из них то, что не подходило его стране, климату и местности. И оставил то, что ему подошло». Вот еще один пример дискретности. Сборник обычаев аббатства Бек утверждает, что «никто не может вносить изменения в древний обычай или предлагать новый». Это неизменно, но при этом уточняется: «Если только по распоряжению аббата». Значит, настоятель был всевластной фигурой? Нет, ибо тот же текст добавляет: «При условии, что у аббата имеется веская причина сделать это».

«Discretio» и наказания

Вот каким должен быть душевный настрой настоятеля, когда он намеревался осудить виновного. «Сперва войди в положение того, кого ты собираешься судить и воспитывать, – пишет Гиг, – а затем поступи с ним так, как ты поступил бы сам с собой, если бы оказался на его месте».

В 1294 году визитаторы отметили, что в одном монастыре не всегда присутствует ризничий. Санкции: либо он уйдет, либо будет выполнять свои функции, обеспечивая освещение церкви, как обычно делали его предшественники. Визитаторы установили, что один монах отсутствовал во время их визита. Санкции: он лично должен находиться в монастыре.

Одилон, пятый аббат Ключни, так ответил своему духовнику на упреки в излишней

мягкости: «Пусть это лучше проистекает от избытка любви, чем от жестокости или скупости». Гуго, другой аббат того же Ключни, в своем духовном завещании написал, что всегда стремился любить своих братьев и деликатно обходиться с ними: «И даже если я в своей мягкости чем-то согрешил, да простит мне это Господь». Настоятель аббатства Сент-Альбан, обнаружив, что монахи приобрели привычку есть мясо, решил положить этому конец, но, как гласит текст, осторожно, «мало-помалу», «шаг за шагом принимая меры», чтобы «слишком резкое и решительное воздействие на монахов не спровоцировало возмущения».

«Discretio» и человеческие взаимоотношения

Вот несколько примеров применения этого принципа в отношениях между людьми. Никогда не следует порицать в тот же день того, кто уже получил духовное увещание, то есть выговор, — говорят картезианцы. Очевидно, для того, чтобы избежать высказываний под влиянием гнева или желания оскорбить человека. Нужно вести себя тактично, даже если монахом движет одно только милосердие (а так бывает не всегда) по отношению к брату, которого надо «поправить», но не «поранить». То же самое гласит текст Гирсау в выражениях августиновской латыни той эпохи: «Inclamato cuilibet, cavendum est ne... inclamentem se in eo capitulo non inclamant» — «Нужно следить за тем, чтобы тот, кто получил внушение, не пожаловался бы капитулу на того, кто сделал ему это внушение».

Сборник обычаев Эйнсхема описывает, какими должны быть отношения между братьями: смиренными и учтивыми. Если, например, в собрание монахов входит какой-нибудь отец, то молодые должны встать и предложить ему место. Более молодые монахи могут высказывать свое несогласие со старшими, но без высокомерия. Со своей стороны, старцы должны выслушивать молодых с подобающей ласковостью и уважением. В том же сборнике обычаев, датированном началом XIII века, говорится, что нужно целовать руку дающего вам какую-то вещь (хлеб, к примеру), но здесь же уточняется, что не следует делать этого, если вам протягивают «нож или вилку, сосуд с питьем или горящий светильник». Хотим мы того или нет, но это — весьма культурное общество.

Учтивое обращение «любезный брат», «дорогой брат» было принято даже у тамплиеров, военный образ жизни которых мог бы склонить их к известной доле грубости, ибо они были монахами-воинами и вели «благородную войну из послушания». Любые бранные или грубые слова в речи запрещались. Даже приказы следовало отдавать без грубости.

Говоря о гостеприимстве в аббатстве Бек, которое тем не менее известно своими строгими правилами, Бодри де Бургей писал: «Я нашел там необычайно щедрую деликатность и предупредительность... в людях обнаруживается замечательная скромность, проистекающая от здорового и естественного поведения. Можно с уверенностью сказать: здесь нет ничего лишнего». Вспомним нравы той эпохи с их грубостью, неотесанностью и постоянными крайностями; и тогда мы сумеем лучше понять, какой поразительный эффект на полудиких людей того времени производило пребывание в течение всего-то нескольких часов в этих оазисах зелени и покоя, чистоты и тишины, каковыми были монастыри, и почему некоторые из посетителей, словно озаренные вспышкой молнии, подчас принимали решение остаться в аббатстве навсегда.

«Discretio» и организация жизни картезианцев

Даже сама организация жизни в картезианском ордене, сколь строгой она бы ни была, тоже характеризовалась заботой о дискретности в келейном существовании, разделении уединенной (самое главное) и общежительной жизни, в достижении равновесия между бедностью и изобилием, когда полезность умеряет бедность. Одно из проявлений картезианского discretio — это прогулка примерно в течение трех часов. Обычно она совершалась по понедельникам, если, конечно, в этот день не отмечался какой-нибудь важный праздник. Во время прогулки монахи могли беседовать друг с другом, однако запрещалось обсуждать мирские события или вступать в политические споры. С самого начала картезианский орден придавал большое значение таким прогулкам, и приорам рекомендовалось

не освобождать монахов от них.

В жизнь картезианцев, которая, по сути, строилась на уединении и безмолвии, «дискретно» вторгаются элементы общественной жизни: прогулки каждую неделю, как мы уже видели; общие трапезы по воскресеньям; на некоторые праздники, кроме утрени и торжественной монастырской мессы, – еще и малые канонические часы, капитул, трапеза в полдень и вечерня. Не так много по меркам нашего понимания общественных отношений. Но в понимании картезианцев это служило элементом необходимой компенсации.

Отсутствие «discretio»

Негативное подтверждение того, что *discretio* является важным компенсирующим элементом в организации монашеской жизни, – это печальная судьба гранмонтанского ордена. Основанный в 1077 году св. Этьеном де Мюре орден первоначально объединял монахов, вдохновляемых очень суровым обетом. Одинокство, крайняя бедность, отказ от всего, что не является самым насущным. Никаких постоянных доходов, ни земли, ни скота. Гранмонтанцы не требовали денег за совершение мессы, не собирали пожертвований, жили отшельниками, не работали и никогда не подавали в суд, чтобы защитить свои собственные права. Поступать таким образом в эпоху, когда все, в том числе и монахи, были сутягами, означало подписать себе смертный приговор. Сверх того, гранмонтанцы проявляли такую щедрость, что заслужили название «добряков».

Столь самоотверженный взгляд на человека и жизнь, даже укорененный в душе, пылающей неугасимой верой в Провидение, был все же слишком «недискретным», чтобы не испытывать кризисов. Ведь во избежание кризисных состояний, по словам одного картезианца, «всем монахам нужно постоянно быть святыми, заслуживающими чудес», «чистыми, бесплотными духами, что невозможно в мире сем», и поскольку этого нет, они неизбежно «нарушали свой устав». Потрясаемый кризисами, орден добряков в итоге длительной агонии был распущен. Это случилось в 1772 году после длительной агонии.

Это не единственная ошибка, допущенная гранмонтанцами по отношению к принципу дискретности. Заботясь о полном соответствии требованиям духовной жизни, монахи этого ордена доверили мирские полномочия монастыря многочисленным конверзам (тем людям, кто еще не принял монашеского пострига), а те захотели регламентировать все области жизни без исключения. Ибо как иначе разграничить потребности монастырской жизни с ее будничной реальностью и чаяния жизни духовной, полностью посвященной Господу? Различия в их крайних проявлениях хорошо видны, однако в повседневной жизни поляризация неразличима. Что могли ответить конверзам, управляющим хозяйством, монахи, которые просили одежду, тот или иной паек и слышали в ответ, что у монастыря нет средств или отнюдь не подобает «духовному лицу» проявлять заботу о столь земных вещах?

Как и следовало ожидать, подобные ситуации порождали бесконечную смуту и даже бунты. Дело кончилось тем, что конверзы заточили в тюрьму генерального приора, заставив его уйти со своего поста. Словом, «зверь» восторжествовал, поскольку основатель ордена гранмонтанцев, стремясь к идеалу, использовал для организации своего ордена не очень Разумную концепцию, иными словами – «*indiscrete*», которая не различала ни законной иерархии, ни требований общежительной жизни.

Нравы и санкции

Порой удивляет та настойчивость, с которой уставы и сборники обычаев говорят о послушании и суровости наказания в случае нарушения субординации или просто принятых правил, ибо нравы в ту эпоху царили дикие, необузданные и жестокие. Разумеется, было бы несправедливо составлять картину монашеской жизни на основе отчетов визитаторов или монастырских хроник, как было бы неразумно описывать нашу жизнь, вдохновляясь только лишь газетами. Вполне очевидно, что в письменных источниках зафиксированы наиболее примечательные и часто самые необычные происшествия. Но точно так же можно исказить всю картину, заявив: «Все было прекрасно как с духовной точки зрения, так и с мирской». Слишком

кратко невозможно объяснить, что же было плохо, особенно если вдаваться в подробности. Хроники повествуют о бесчисленных случаях неповиновения. Но какое отношение они имели к жизни тысяч благочестивых душ, которые вовсе не нуждались в устрашении наказанием, чтобы вести жизнь по обету, и которые не оставили никакого иного следа своего земного странствия кроме имени, затерянного в длинных списках, и безымянного дара стольких архитектурных, художественных и духовных красот?

Тем не менее некоторые происшествия могут дать представление о том, что за нравы были в те времена среди наиболее (в общем и целом) дисциплинированных и благочестивых людей. Вот примеры для иллюстрации.

Один клюнийский приор использовал средства монастыря для того, чтобы выдать замуж некую девицу, выстроив ей дом (1291). В Сен-Жан-д'Анжели, монахи осадили в церкви своего приора и избили его палками, а ночью вылили на него кипяток. Охваченный ужасом приор спасся бегством и больше никогда не возвращался в этот монастырь... В другом месте один монах, подстрекаемый дьяволом, в сопровождении толпы вооруженных людей напал на дом, принадлежавший Ключни, чтобы захватить лошадей, скот, деньги и драгоценности «насильственно», как сказано в тексте... Другой странствующий монах из Ключни в сопровождении монаха из другого ордена (отягчающее обстоятельство!) выломал двери приората Фуий-ле-Флёр на реке Луаре и обокрал комнату приора (1294). Здесь брат Намеш в Намюрау осыпал оскорблениями своего приора. Там приор отказал визитаторам в праве посетить его монастырь (1315).

Генеральный капитул черных монахов Кёльнской провинции счел необходимым запретить монахам заниматься охотой – псовой или соколиной, – а также держать собак или охотничьих птиц. Ключнийские монахини в Германии составили завещание, за что их и постигла кара: их лишили вина, а если какая-то сестра собирается упорствовать, то «при жизни» будет отлучена от причастия, а после смерти лишится христианского погребения, ибо проявила себя «закоренелой стяжательницей».

Но были случаи и посерьезней. В монастыре Павии в самом конце XIII века один монах, «вор и мошенник» по его же собственному признанию, привел в монастырь женщину и удерживал ее там в течение трех дней! Смягчающее обстоятельство: «Не было совершено содомского греха». В остальном же – лучший сын на свете... Другой монах затеял ссору с проституткой и тем самым обесчестил свой орден; он был отправлен в Ключни, и с тех пор ему было запрещено возвращаться в свой «родной монастырь», а также в соседние монастыри своего ордена. Два монаха убили ножом дамского угодника. А два брата-минорита убили друг друга, не поделив место сторожа в своем монастыре.

В 1302 году один монах из цистерцианского аббатства Дюн во Фландрии узнал, что армия короля Франции направляется к Куртре. Он тотчас же оставил свои обязанности, сразился с французскими рыцарями, убив сорок из них (!) в знаменитой битве Золотых шпор, и с гордостью вернулся в свое аббатство. Единственное, что здесь еще нужно сказать, что наш могучий монах фламандец, брат Жан Зубодробитель, был слишком необузданным. В 1308 году он взбунтовался против своего начальства: убил приора, ранил аббата и скрылся в башне церкви в Лиссеве, откуда его затем извлекли коммунальные власти Брюгге! Монах умер отступником. И последний пример неповиновения, имеющего оттенок «феминистских» требований: аббатисы Лас Гуелгас близ Бургоса подтверждали, что принадлежат к цистерцианскому ордену, но повиноваться генеральному капитулу Сито отказывались. Под тем предлогом, что в нем нет ни одной женщины!

Кара

Прегрешение предполагает покаяние в грехе и раскаяние с искуплением своей вины, то есть «возвращение к разуму» и прощение. Некоторые сборники обычаев сообщают, что кара или наказание должны вершиться «твердо», а другие – «без ненависти», «без жажды мести», но только из отеческой любви к справедливости.

Если кто-то уронил, разбил или потерял какую-то вещь, то должен испросить прощения у капитула. Сборник обычаев Эйнсхема очень мудро отмечает, что «эти упущения должны быть

исправлены в соответствии со степенью тяжести содеянного и возраста провинившегося преступника» по отношению к «своему самообузданию» – как утверждает Устав св. Бенедикта. И если виновный не исправится, то он будет наказан более сурово, поскольку «он согрешает своей нерадивостью».

Наиболее мягкое наказание ждет того, кто, например, что-то уронил в трапезной. Прощение за такой проступок испрашивается простым поклоном. Помимо кивка головой в подобном случае можно преклонить колена (в Монте-Кассино – посреди хоров, в других местах – посреди трапезной), или дотронуться пальцами до пола (как у фельянов), или стоять на коленях с непокрытой головой (у целестинцев), или подняться на цыпочки и затем поклониться (у цистерцианцев). Все это – легкие формы искупления своего преступления. У босоногих кармелитов наказание, «роена», заключалось в том, что провинившийся должен был облобызывать ноги братьев, молиться с распростертыми в форме креста руками, стоять на коленях перед входом в трапезную, пока другие братья входят и выходят, чтобы таким образом привлечь их внимание и просить помолиться о грешнике. У бригиттинов тот, кто стремился утаить какую-нибудь вещь, в наказание ел на полу, каждую пятницу получал только хлеб и воду, не выходил из церкви, падал ниц в совершенном молчании перед монахами, входящими в церковь. У кармелитов наказанный появлялся в трапезной без своего капюшона, неся крест или распятие, вымаливал себе пищу в трапезной, сидя на полу, и довольствовался тем, что подадут ему братья, причем вкушал это, стоя на коленях посреди трапезной...

В целях наказания монах мог быть лишен вина, пива, пайка, мог быть обречен на дополнительный пост, посажен на хлеб и воду – «воду страданий и хлеб скорби», как тогда говорили, или подвергнут наказанию розгами. Этому наказанию, в частности, подвергались облаты⁵⁴, дети, посвященные Церкви, «ибо дети, – как гласит текст XIV века, – везде и всюду нуждаются в дисциплинированном наблюдении и соблюдаемой дисциплине».

Житие св. Ромуальда повествует о том, как этот будущий праведник был наказан своим наставником в монашеской жизни, когда он, «оставив мир и не будучи просвещенным», испытывал определенные трудности, «разбирая, слово за словом, строки Библии». Эти усилия «доставляли ему невыносимые мучения»; наставник же ударял его палкой по левой стороне головы. «После многих ударов Ромуальд был уже больше не в силах терпеть и смиренно попросил его: „Отче, если ты желаешь, ударь меня теперь по правому виску, ибо я совершенно потерял слух“». В Житии говорится о том, что он пересказывал этот эпизод с улыбкой. Как и следовало ожидать, наставник, восхитившись таким терпением, смягчил «свое крайне суровое воспитание» ученика.

Другие наказания преследовали цель победить себялюбие: провинившегося монаха отправляли на самое последнее место, монахиню лишали покрывала, конверзам запрещали носить иную одежду, кроме мирской. Все это сопровождалось тяжелым трудом и лишением пищи. Воскресенье целиком посвящалось молитве. За действительно серьезное преступление монах запирался «в отдельном помещении», которое вскоре превратилось в настоящий карцер. Некоторые из таких «помещений» были тюрьмой в буквальном смысле слова: цепи, мрак, строгий пост, редкость общения с другими монахами.

Чтобы иметь представления о грехах и наказаниях, следует привести несколько примеров для каждого случая.

Roena levis (легкое наказание): если монах допустил ошибку на хорах или не проявил усердия, отстав от остальной братии.

Roena media (среднее наказание): если монах не присутствовал на службе или на собрании братии без разрешения настоятеля; если он разговаривал с мирянами о пустяках.

Roena gravis (серьезное наказание): если монах не соблюдал поста; при посторонних, к великому стыду всей братии, вел себя вызывающе по отношению к своему настоятелю.

Roena gravissima (тягчайшее наказание): если монах отказывается признать свой смертный грех и не хочет выполнять предписаний в связи с этим грехом, а также если он проявляет неуважение к властям (всегда у кармелитов). В целом же, учитывая нравы той эпохи, можно

⁵⁴ люди, пожертвовавшие свое имущество монастырю и живущие в нем.

сказать, что подобного рода грехи не столь уж тяжелы.

В сборнике обычаев Эйнсхема говорится, что мятежник должен быть препровожден в тюрьму. В случае необходимости братья ведут его туда силой, ибо виновный сопротивляется, и его упорство лишний раз свидетельствует о греховности. Его препровождают в закрытое помещение, где, в соответствии с принципами меры и различия, он будет находиться «до тех пор, пока он расстанется со своей гордыней, не признает своего греха и смиренно не пообещает исправиться».

Перед наказанием все равны. «Настоятель не должен обращать внимания на то, кто перед ним, – гласит сборник обычаев Эйнсхема, – свободный человек (прежде чем он стал монахом), серв, бедный или богатый, дворянин или простолюдин; настоятель должен карать и миловать каждого по его поступкам». Для монахов-цистерцианцев «личное положение основывается на всеобщем равенстве, и здесь нет несправедливых исключений. Единственное испытание достоинства – заслужить признательность лучших...».

Прощение

Никогда не поздно получить прощение даже после страданий, бунтов, насилия, которые в нашем обществе окончательно делают виновного изгоем. На самом же деле наказывалось не столько прегрешение само по себе, сколько упорство в грехе, проявляемая злая воля, непримиримость перед законом. В сборниках обычаев предусмотрено, что именно следует предпринимать, когда тот или иной буйный малый раскается. Он ожидает у ворот аббатства, умоляя аббата принять его, настаивает на этом и также просит мирян, ожидающих встречи с настоятелем, молиться о нем. Эта длинная и подробная психологическая драма завершается церемонией воссоединения: виновный должен лечь раздетым на землю к ногам братьев...

Глава VIII

Поля, леса и сады

Хозяйственники и предприниматели

Было время, причем не такое давнее, когда все успехи средневекового сельского хозяйства связывали исключительно с трудом монахов. Они одни корчевали леса и распахивали земли, осушали болота, орошали пустынные долины севера и востока Европы, осваивали ланды и пустоши. Они одни выращивали хороший урожай, изобретали новое сельскохозяйственное оборудование, разумно использовали леса. Сельское хозяйство ордена Сито представляло собой высший этап аграрного развития на Западе.

Следует умерить восторги по этому поводу: клунийцы, бенедиктинцы древнего устава – вовсе не единственные знатоки средневекового хлебопашества. В самом деле, они ведь никогда не были многочисленными, даже в эпоху процветания их орденов – самое большее, несколько тысяч, рассеянных маленькими группками по всей Европе. Несомненно, именно крестьяне образовывали ту общность людей, которая должна была обрабатывать землю. Сеньоры по вполне понятным причинам проявляли самый непосредственный интерес к тому, чтобы их земли использовались с наибольшей выгодой. Таким образом, распашка земель не являлась «эксклюзивным» делом монахов. Но не стоит впадать и в противоположную крайность, преуменьшая роль монастырей. Их значение было исключительно важным, и не нужно недооценивать их влияние.

Внимание исследователя сразу же привлечет один факт: еремитам, каким бы ни был их устав и строгость режима питания, как бы они ни удалялись от мира сего, все равно приходилось добывать себе пропитание, а в лесу, где они укрывались от мира, возможностей для этого было недостаточно. Поэтому они разводили небольшие садики, и их труд вызывал восхищение верных, приходивших нарушить монашеское уединение.

Когда предприимчивые цистерцианцы (нашлись и другие, следовавшие за ними)

приняли буквально устав св. Бенедикта, пожелав одновременно молиться и работать, то тем самым они открыли путь для великих начинаний. И прежде всего в сельском хозяйстве, ибо труд по преимуществу был трудом землепашца, как показывает само слово «*laborare*»⁵⁵. На каких же землях могли трудиться монахи? На тех, которые завещали им верные чада Церкви из соображений благочестия или страха перед адом. Земли эти зачастую не всегда оказывались плодородными (нередко дарственная подчеркивала, что земли нуждаются в обработке), например, долгое время были заброшенными и теперь практически вернулись в дикое состояние. Наконец, монахи сами селились на таких землях, какие они отыскивали, стремясь к строгому аскетизму, – и это были главным образом непроходимые места вдали от населенных районов. Да, монахи искали уединения в лесной чаще, тем не менее они все равно создавали пастбища, фруктовые сады, огороды, необходимые для пополнения запасов продовольствия. Содержать свой монастырь и заниматься его угодьями далеко не просто. Отыскать в лесных дебрях большую поляну, подходящую для своих нужд, – удача маловероятная, поэтому монахи начинали корчевать лес и распахивать землю.

Поэтому утверждать, что корчевание и распашка земель – занятие одних крестьян, которые действовали по принуждению своего сеньора или по собственной инициативе, было бы некоторым преувеличением. Жорж Дюби едва ли переоценивал роль монашеских орденов в этой области; он упоминает случай, когда одна коммуна в Бельгии (Герсталь) в XIV веке доверила цистерцианскому конверзу заботу о корчевании трех бонье (более 4 га). Тот же автор подчеркивает, что в XV веке практика обработки земли самим владельцем еще сохранялась, хотя уже и отходила в прошлое: настоятель одного сельского приората приказал «раскорчевать, очистить от камней и распахать 150 моргов земли», которые, как уточняет текст, «не обрабатывалась с незапамятных времен».

Еще один фактор объясняет то влияние, какое монахи оказывали на развитие сельского хозяйства в Европе. В принципе, как, например, у картезианцев, количество монахов в монастыре не могло быть слишком большим. Ключи со своими 700 монахами – исключение, почти невероятное. Обычно в обители насчитывалось 25–30 монахов, а часто и меньше. В развивающемся ордене, например в цистерцианском, численность братии росла очень быстро, а затем горстка монахов, как правило дюжина, отрывалась от основной обители и переселялась куда-нибудь подальше. Благодаря такому расселению осваивались новые территории, распахивались новые земли, вначале неблагоприятные для хозяйствования, но по тем же причинам заселяемые монахами, по которым это делали и самые первые братья.

Подобные расселения повторялись без конца, и в итоге вся Европа покрылась плотной сетью небольших аграрных центров, деятельных и образцовых. Только в IX–XIII веках монахи в буквальном смысле были теми, кого американцы называют «пионерами» – первопроходцами земель.

Работали ли монахи в поле? Св. Бенедикт свидетельствует об их сдержанном отношении к полевым работам, предписывая им трудиться на земле безропотно и не печалиться, если нужда или необходимость (например, в период жатвы) заставляют предаваться работе больше, чем положено. Впрочем, св. Бенедикт дает аббату право облегчать пост, если того требуют сельскохозяйственные работы. Разве Учитель стал бы предусматривать подобные меры, если бы весь труд монахов сводился лишь к надзору и садоводству?

Мартен оставил нам картину монашеских сельскохозяйственных работ. Вся братия по сигналу собирается вместе. Настоятель определяет каждому круг обязанностей. Монахи молятся. Каждый берет себе необходимые орудия труда. Затем различные группы монахов отправляются к месту работы с пением псалмов или же в совершенном безмолвии. Закончив работу, монахи возвращают инвентарь ответственному за исключением, как говорится в книге обычаев Сито, щипцов (*forceps*), мотыг (*sarculae*), вил (*furcae*), грабель (*rastrum*), серпов (*facilla*), которые монахи оставляют у себя на все время стрижки овец (*tonsio*), прополки (*sarculatio*), пилки (*secatio*) или жатвы (*messio*). Каждый складывал их у своей постели.

В таких условиях становится понятным то упорство, с которым монастыри защищали

⁵⁵ Работать, трудиться (лат.); французское слово «*labour*» означает «пахота, вспашка». (Прим. ред.)

подчас свои права и владения, стоившие им стольких трудов.

«Как платить десятину от земель, распаханых нашими же руками?! – восклицают монахи-цистерцианцы XII века, осторожно добавляя при этом: – Из наших же собственных издержек?» Недостойно принуждать священников и нищих во Христе отдавать десятину из того, что они заработали своим трудом. И они не платили ее.

Духовная власть порождает экономику

Требования богоизбранности, которые в конце концов возобладали над всякими иными мотивами, побуждали монахов вводить новые методы обработки земель. Опыт показал, что стремление в точности следовать евангельской заповеди о труде и бедности влечет за собой тяжкий крестьянский труд, делающий монахов неспособными вести жизнь молитвенников, а в случае с канониками Премонтре – осуществлять апостольское служение. И на смену обработке земли непосредственно владельцем, составившей славу (и богатство) цистерцианцев, тамплиеров, картезианцев и премонстрантов, приходит использование труда братьев-конверзов, а впоследствии и наемных работников, ремесленников, земледельцев, лесничих и других, работавших по найму монастыря. Крестьяне искали защиты у монастыря и работали на него. Таковыми были вилланы, мананы – английские мужики, котары – батраки и бедняки-арендаторы Шотландии и Ирландии. В монастырях они гораздо чаще обретали надежность, безопасность, редкие в то время, определенное уважение к своему труду и своей особе, разумеется, соразмерно с грубыми нравами эпохи.

Случалось и так, что сами сеньоры, дабы избежать дележа своих имений, завещали земли какому-нибудь аббатству, которое взамен обязывалось защищать их от раздела в семейном кругу, но при этом предоставляя право тому или иному члену семейства управлять этими землями. Обычным делом было в то время посвящение ребенка монастырю, «дабы он проводил свою жизнь согласно уставу... всегда соблюдал правила св. Бенедикта и благодарно славил Господа». Такая практика также позволяла обогатиться. В этом посвящении видели «древнюю традицию... соответствующую святому закону... спасительный пример». Текст (около 1032–1060 годов) дает представление о подобном посвящении: руки ребенка покрываются завесой алтаря во имя всех святых, мощи которых там находятся. Родители ребенка клятвенно обязуются никогда не предлагать ему «однажды оставить монастырь» (для современных чувствительных людей подобная маленькая фраза была бы нестерпимо жесткой). Посвящение ребенка сопровождается «пожертвованием» – это мог быть манс, маленькая мыза с мельницей, четыре участка виноградника и прочее, переходившее в собственность монастыря. «И если аббат или монах позволит отторгнуть (эти владения) от монастырской собственности (речь идет о аббатстве Сен-Пьер-де-Болье в Лимузене. – Л. М), то он будет предан анафеме и попадет в ад к Дафану и Авирону на веки вечные» (Перевод Л. Тейса).

Равноправные члены общин (типа кибуц), монахи отныне становились инициаторами и руководителями работ, скажем так, «предпринимателями и хозяйственниками» по образцу юнкеров – помещиков в Восточной Пруссии, или, если воспользоваться более современным сравнением, инженерами в совхозах. Эти новые функции монахи выполняли столь же умело, как и сеньоры, если не лучше. Впрочем, и аббаты, и дворяне одного происхождения. Им привычно повелевать. Они властвовали со знанием дела, а знание – один из великих двигателей истории. Есть все основания предположить, что монахи руководили сельским хозяйством более грамотно, чем их светские конкуренты.

Крестьяне оставались привязанными к своим старым языческим верованиям⁵⁶, а монахи действовали с рационалистических позиций. Они критиковали языческие предрассудки и приметы («Нельзя ссориться во время лунных затмений... можно без страха приступить к новому делу с новолунием»...) не только потому, что это было язычество, но и потому, что они противоречили разуму. В XIII веке в проповедях обличается идолопоклонство, которое все еще оставалось живучим, а именно: подарки на Новый год, шутки Карнавала в последний день

⁵⁶ Французское слово «paysan» – «крестьянин, селянин» того же корня, что и «païen» – язычник.

перед Великим постом, пение петуха как примета счастья в будущем, празднование Первого мая. Однако все эти привычки так укоренились в умах, что в 1389 году ризничему бенедиктинского аббатства Сен-Пьер-де-Без было предписано принести в церковь на 1 мая веточки так называемого майского дерева, чтобы праздновать приход весны. В течение же всего этого месяца каждый должен носить ветку, сорванную в первый майский день. Застигнутый без этой веточки «зелени» обязан заплатить штраф, или же ему на голову могли вылить ведро воды.

Тем, кто верил в гороскоп («Каким родился, таким и будет»), Церковь отвечала, что Господь хочет спасения всех людей и познания истины всеми без исключения. Св. Аббон, аббат Флэри, насмехался над суеверными страхами перед наступлением 1000 года. Монахи противопоставляли косности крестьянина и его исконному иррационализму дух новаторства и стремление к рассудительности, если не к разуму.

Живущие вдаль от мира, монахи избегали гнетущего контроля со стороны общества. Они были сами себе хозяева и ощущали себя таковыми на деле. Они были образованнее других и знали это. Они считали, что земля создана для того, чтобы человек владел ею и обрабатывал ее, – так учил сам Господь, – и они действовали в духе, можно сказать, покорителей. Эксплуатация ими земель, по словам Вольфа и Моро, была «разумной». «Передовым землепользованием» назвал ее Ж. Дюби, добавив при этом: «Земли цистерцианцев были в свое время привилегированной площадью агрономических нововведений». «Образцовые фермы», – характеризует их Гран. Монахи являлись «просвещенными руководителями крестьянской массы», – пишут Ж. и Ж. Блон.

Сито, равно как и другие ордена монахов и каноников, играли, таким образом, ту же роль инициаторов и предпринимателей в Европе XI–XII веков, что и Англия в XVIII–XIX веках со своими пуританскими сектами и мелкопоместным дворянством, создававшая предпосылки для экономического подъема Европы.

После эпидемии чумы в середине XIV века земли оказались заброшенными, леса подступили к равнинам, поля зарастали. Бенедиктинцы аббатства Сен-Пьер-де-Без разрешили местным жителям «брать себе земли, раскорчевывать их и засеивать при условии, что если на них растут большие деревья, то они будут проданы и выручка пойдет на починку крепостных стен Без». То есть монастырь передал жителям часть своих лесных угодий, которая стала коммунальной собственностью, зато эти места снова были заселены людьми.

В таких орденах, как Сито, генеральные капитулы наблюдали прилив людей со всех концов Европы, приходивших сюда пешком (то есть они имели время разглядеть все как следует) и чутких ко всему, что совершалось у них на глазах (эпоха Средневековья, по существу, визуальная). Прибывавшие были способны обратить внимание на различные новшества, инструменты, неизвестные растения, которые могли пригодиться для их монастыря. Так, цистерцианский орден сделался одним из центров по обмену опытом, с которым не могли сравниться ни один общественный институт или группа людей.

Только у монашеских орденов имелась возможность мобилизовать необходимые финансовые ресурсы, подчас огромные для того времени, для долгосрочных проектов. И только они могли обеспечить преемственность усилий, сохранявшую само существование монастыря.

В силу обстоятельств образ жизни в монастыре создавал оптимальные условия для «первоначального накопления капитала». Монашество было в состоянии не только предпринимать крупные начинания, но и оказывать помощь своими советами, примером и финансовыми средствами окружающим, а именно – крестьянству, невежественному, отсталому и нищему. Монахи олицетворяли собой техническое содействие эпохи Средневековья.

Те же самые императивы единства убеждений и образа жизни порождали и иные формы накопления средств. В монастыре появлялись запасы молока, винограда, зерна, яблок, овощей, меда. Если производят много и заботливо, а потребляют мало, то вскоре оказываются перед фактом самых разнообразных форм накопления.

Таковы некоторые из причин, которые, возможно, объясняют, почему монахи, воодушевляемые своей верой, становились богатыми, вовсе не желая того, не стремясь к такой цели, и почему их действия превратились в один из решающих факторов развития сельского хозяйства в Средние века.

Итак, монахи углублялись во враждебную лесную чащу, но не в поисках топей и болот, как утверждает романтическая легенда, а просто ради воды, без которой люди просто не могут жить (говорить, что св. Бернар нарочно выбирал неблагоприятные для жизни места, «чтобы монахи часто болели и постоянно помнили о смерти, пребывая в страхе Божиим», – это дурной вкус). Если же монахи часто выбирали поляны среди лесов, то лишь потому, что деревья служат материалом, необходимым для строительства, кухни, отопления, и еще потому, что, по словам св. Бернара Клервоского, «именно возле лесов лежат плодородные земли, на которых посевы взойдут сторицей».

Монахи трудились на целинных землях Русильона, Пуату, болотах Сентонжа, в лесах Мэн и Иль-де-Франс, в высокогорных долинах Вогеца и Альп, в Дофине, Баварии, Фландрии, «где тянулись бескрайние суровые леса» (настоятель аббатства в Дюн носил почетный титул графа Плотин и главы Осушений), в Саксонии, Силезии, Италии и Португалии. Именно аббатство Мориньи обустроило Бос, начиная с его давно заброшенных земель. Ради краткости легче сказать, в каких уголках Европы не осталось следов плодотворного труда монахов в IX–XIII века. Их способности в этой сфере деятельности были настолько известны, а их «образцовые фермы» столь знамениты, что пожертвования в пользу монастырей воистину бесчисленны. Эти пожертвования совершались с условием, что переданные в дар земли будут обрабатываться и осваиваться, дамбы и осушительные каналы (что касается Фландрии) содержаться в исправности, строиться деревни, насаживаться виноградники, разбиваться фруктовые сады. За все это монахи могли с полным правом пользоваться плодами своего труда. Сами названия монастырей: Бопре («Красотища»), Шьяраваль («Долина труда»), Валломбрез («Долина утоления жажды»), Хейльсбрюн («Источник спасения», прежде называвшийся Хагельсбрюн – «Источник града»), Болие («Прекрасное место»), Клерво («Чистое»), Бонфонтен («Добрый источник»), Клерфонтен («Чистый источник»), Риево («Веселие»), Белькомб («Прекрасная ложбина») и многие другие свидетельствуют об успехах их деятельности.

В некоторых монастырях был обычай раздавать каждый вечер все, что они имели. Но такая система таила в себе серьезные опасности, и монахи очень скоро поняли это. Вот почему в большинстве монастырей братия, не отступая от законов милосердия, тем не менее пыталась использовать свои излишки более рационально, делая из них сыр, вино, пиво, сидр, варенье и печенье.

Назначение монаха – молитва. С молитвой связана существенная часть его жизни. И как бы он ни расценивал свой труд, физическая работа всегда была вторична, являясь подготовкой к молитве или же создавая для нее благоприятные условия. Поэтому монахи приветствовали все технические усовершенствования, облегчающие труд людей, – в частности, мельницы. Уважение к традициям сделало из монаха новатора, все было ради того, чтобы посвятить больше времени молитве. Особенно ярко это проявляется у цистерцианцев, чудесно воплотивших в себе способность неизменно и наилучшим образом принимать технические нововведения.

«Ora et labora»?

57

Эту знаменитую формулировку цитировали слишком много и часто, тем не менее, выражая квинтэссенцию жизни монаха, она не вполне точно соответствует исторической действительности. Доходило даже до того, что говорили: «Работать значит молиться». На самом же деле отношение монахов к физическому труду гораздо сложнее. Одни из них мечтали подражать птицам небесным, которые «не сеют, не жнут»; другие – полевым лилиям, которые «ни трудятся, ни прядут» (Мф., 3:26–28), чтобы жить только милостью окружающих. Таковы «добряки» Гранмона, вальденсы, минориты и доминиканцы. Но как же не трудиться, когда сказано (Бытие, 3:19), что человек должен добывать хлеб свой в поте лица своего? А разве Иисус не провел большую часть своей жизни в мастерской плотника, где, по всей вероятности,

⁵⁷ Молись и трудись (лат.). Девиз основателя ордена бенедиктинцев св. Бенедикта Нурсийского.

помогал св. Иосифу, и своих первых учеников не призвал ли Он из среды скромных рыбаков? И разве не сказал апостол Павел: «Если кто не хочет трудиться, то и не ешь» (2 Фес., 3:10)? Авторитетные аргументы в пользу физического труда.

Другой аргумент (развиваемый св. Августином): труд – это закон природы. Монастырская община – одна семья. Поэтому совершенно естественно, что каждый из членов семьи трудится, чтобы удовлетворить не только свои собственные нужды, но и потребности всех остальных.

Наконец, труд монахов позволяет помогать бедным и творить дела милосердия. Очень убедительный довод.

Но все не так просто. Тот же апостол Павел писал: «Молитесь непрестанно». Иоанн Богослов, со своей стороны, советовал трудиться, чтобы собирать в житницы небесные (то есть собирать себе богатство на Небесах), что не имеет ничего общего с плодами земли. Апостол Павел напоминает также о важности примера после того, как он настоятельно советует трудиться: «Не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам» (2 Фес., 3:9). Действительно, сложно примирить обе стороны жизни – труд и молитву, эти две антиномии, столь искусно защищаемые небезразличными к ним умами. Предлагается, например, заниматься более легким трудом, во время которого можно петь псалмы или размышлять – «стирать белье, пряхать шерсть, сушить бобы, полоть грядки... или иногда месить тесто в пекарне». Св. Колумбан, напротив, настаивает на выполнении тяжелых работ; он хочет, чтобы труд этот был изнурительным во искупление первородного греха. Монах не имеет права вставать отдохнувшим. Остается лишь условиться о том, что понимать под изнурительным трудом. Текст, относящийся к св. Ромуальду основателю ордена камальдолийцев, вызывает некоторое удивление. В нем говорится, что «все изнуряют себя физическим трудом», но перечисляемые здесь же виды этого труда далеки от изнурительных: «одни заняты гончарным ремеслом, другие прядут, третьи вяжут рыболовные сети».

Разумеется, св. Бенедикт писал: «Они воистину монахи, если живут трудом рук своих» (Устав, XLVIII, 8). Но за этой фразой следует другая, из которой явствует, что труд не всегда воспринимался с радостью, как это должно было бы быть, если «*ora et labora*» действительно столь органично сочетаются друг с другом. «Если этого требуют обстоятельства и нужда, – прибавляет св. Бенедикт, – то монахи сами должны собирать урожай и не печалиться по сему поводу, ибо в данном случае они станут совершенными монахами» (обратим внимание, что нет слов «только в этом случае»). Из привычки к дискретности св. Бенедикт продолжает: «Пусть все совершается умеренно, с постепенными усилиями». Учитель хорошо знал людей. Однако, возражат некоторые, Адам возделывал землю собственными руками; кроме того, именно «Адам является отцом и основателем монашеской жизни». Вне всякого сомнения, – ответят изощренные умы, – но Адам трудился после грехопадения. Оставим же работу Марфам, то есть братьям-конверзам, а себе – право Марии на «благодать» (Лука, 10:42). Впрочем, св. Бенедикт подчеркивает, что подлинная мастерская, где монах должен прилежно выполнять даваемые ему послушания, – это сам монастырь, а не поля, пашни или леса. Ничто не должно совершаться прежде молитвы.

Напротив, по мнению цистерцианцев, бенедиктинский устав не будет соблюден, если не обрабатывать землю. Монах посвящает этому занятию 4–5 часов в день и даже больше в период жатвы или сенокоса. Взыскательный труд: св. Бенедикт Аньянский (не путать с автором устава) запрещал монахам даже выпивать стакан воды до трапезы, «несмотря на жаркий климат», как пишет Элио; невзирая на тяжелый труд – они «копали землю, пахали и убирали хлеб».

Какую же занять позицию? Об этом спорили на протяжении веков, приводя разнообразные доводы, но так и не достигли согласия. Иные видели в труде, как уже говорилось, способ добывания средств для пропитания братии, чтобы не оказаться бременем для других. «Гораздо более достойно и сообразно требованиям веры, – говорится в сборнике обычаев аббатства Фульда, – использовать труд монахов для выполнения всех задач, нежели призывать слуг, исполненных дурных намерений».

Как же выглядела «истинная» концепция труда во всей этой многообразной картине средневековой монашеской жизни? Трудно сказать. На некоторое время в тот чудесный момент истории, каковым является XII век, было достигнуто согласие по поводу дополнительных функций головы и рук, на самом деле предназначенных для высших целей. Апостола Павла

изображали поворачивающим мистическое колесо, дабы побудить верных посредством труда перейти от материального к нематериальному. Но нужно было дожидаться XIII века, чтобы под давлением городов и влиянием нищенствующих орденов (а также ересей и обилия общественно-религиозных движений той эпохи с их идеалом бедности) труд приобрел признание (в современном понимании этого слова, хотя еще и очень слабым), право на существование и достоинство. Отныне в народном сознании монах все больше и больше будет представляться бездельником, и Рютбёф, и Жан де Мен быстро дадут ему это почувствовать. Столь же быстро труд станет рассматриваться, как способ избежать праздности (*otium*) – как известно, матери всех пороков, а также избавиться от скуки (*acedia*), как лучший способ укрепления дисциплины и «подавления вожделения».

Эксплуатация земель

У клюнийцев, которые отдавали предпочтение литургии, полевые работы выполнялись либо наемными работниками, либо арендаторами, даже если часть домена оставалась в личной обработке владельцев. Арендаторы расплачивались различного рода «барщиной» – «мартовская помощь» во время сева, колка дров, чистка желобов на мельнице для подвода воды, «*somtag*», то есть обеспечение транспортом для перевозки грузов... Совершенно очевидно, что для надзора за такими работами требуется присутствие лишь нескольких энергичных и толковых людей. Непрерывная молитва, как и умственный труд, были уделом меньшинства, поэтому клюнийцы быстро превратились в праздных и богатых помещиков – удобную мишень для острот слов.

Это хорошо понял Роберт, аббат Молена, когда в 1098 году учреждал аббатство Сито. Еще до него некоторые бенедиктинцы уже реагировали на такое положение вещей, возвращаясь к строгому соблюдению устава: трудится аббат, трудится и братия.

«Вы видели, – пишет хронист и автор Жития Герлуина, основателя аббатства Бек, – что после богослужения в храме аббат несет на голове семена, а в руках – грабли или ручной плуг, и он идет впереди всех трудиться в поле, и все монахи тоже работают целый день на пашне, пока не наступит ночь. Одни расчищают землю от кустарников и терний, другие таскают навоз на своих плечах и разбрасывают его по земле; одни полют, другие сеют. Никто не ест свой хлеб в праздности...»

Весьма прозрачный намек на апостола Павла. Цистерцианцы, в свою очередь, делают акцент на необходимость труда в более строгом и ограниченном смысле этого слова, а именно – сельского труда. Но такова уж ирония истории: невозможно трудиться, есть, одеваться, жить так, как жили монахи, селиться в столь смиренных жилищах, какие они себе строили в первое время, и при этом не разбогатеть. Монахи становятся богатыми, и это создает немало проблем.

Монахи, прежде всего (если не сказать, исключительно), – люди молитвы и размышления, люди духовные. Но нельзя одновременно вести полноценную жизнь крестьянина и жизнь интеллектуала. И вскоре цистерцианский орден заключает сделку с Небесами. В 1147 году папа Евгений III, взяв под свое покровительство орден траппистов, освободил его от десятины на все земли, которые монахи обрабатывали собственноручно, а также на те земли, которые они арендовали, чтобы обрабатывать за свой счет (в этом-то и таилась уловка). Цистерцианцы со спокойной совестью использовали услуги братьев-конверзов, называемых «*barbati*», так как они носили бороду, отличавшую их от монахов. Непосредственно монашеский труд свелся к садоводству и уборке урожая, что было насыщено символикой и ритуальностью: жатва происходила под пение псалмов.

Земледелие и скотоводство

На протяжении столетий основой аграрного средневекового общества являлись пастбища, лес, виноградники, поля. Аббатство Сен-Жермен-де-Пре, владевшее в Париже тем, что станет потом VI и VII округами столицы, имело в своем распоряжении 17 тысяч гектар пахотных земель, которые обрабатывались арендаторами, тоже получавшими прибыль, но выполнявшими различные услуги и повинности, и 6400 гектаров, обрабатываемых собственными руками.

Цистерцианское аббатство в Дюн во Фландрии имело 10 тысяч гектаров пахотных земель и создало 25 «риг». Во Фландрии средняя площадь норбертинских владений составляла от 50 до 100 гектаров. Для «риг» цистерцианцев типична территория в 200–300 гектаров, в конце XII века аббатство Вилле-ла-Виль насчитывало 15 таких подворий. В среднем, цистерцианское аббатство владело примерно двумя тысячами гектаров пахотных земель, а пастбищ и лесов – еще больше.

Владения монастыря Гран-Сен-Бернар в XIII веке состояли из бенефициев, протянувшихся от Лондона до Апулии на расстояние более 2000 километров. В Италии весь регион Абруццо находился в подчинении у трех аббатств. Аббатство Фарфа контролировало около 700 церквей, два городка, более 130 замков и фортов, 7 портов, 8 соляных копий, более 800 мельниц, 135 деревень. Оно было столь могущественным, что его армия в начале X века смогла семь лет противостоять сарацинам. (Тем не менее в XIII веке Фарфа потеряло свое экономическое и духовное величие и переживало денежные затруднения.)

Земля обрабатывалась полосами длиной в 200 и шириной в 5 метров. Каждая полоса пашни отделялась от других травяным гребнем, образуемым плугом при его повороте в конце каждой борозды. Получалась тропинка с правом прохода. Границы полей указывал соломенный факел, то есть клочок соломы, накрученный на палку. Пахали на лошадях или быках. В некоторых кельтских общинах монахи так стремились к умерщвлению плоти, что сами впрягались в плуг. До жатвы поля обносили оградой, чтобы туда не пробрался скот. После сбора урожая ограды сносили, и скотина могла пастись на полях до следующего сева, заодно удобряя землю навозом. То же самое касалось и лугов.

Сеяли различные зерновые, в основном озимые: овес, ячмень, рожь. Овес служил кормом для скота. Постепенно исчезало просо. Соотношение между угодыми варьировалось в зависимости от потребностей, климата и традиций. 24 сеньориальных манса аббатства Сен-Жермен-де-Пре имело 63% лесов и 36% пахоты, а мансы зависимых держателей имели 16 909 гектаров пахотных земель и 177 гектаров лесов.

Жорж Дюби говорит об одном домене, где культуры распределялись следующим образом: 25–30% – овес, 50–60 – вика, 1,5 – горох. 5% – бобы. Командорство тамплиеров выделяло 18 акров под рожь и пшеницу, 24 – под ячмень, 15 – под овес, 14 – под горох и 6 акров – под вику. Здесь также культивировали ранний сорт ячменя. Применяли смешанные посевы, например суржу (смесь пшеницы и ржи). Солома таких посевов была гораздо лучше, и к тому же, если один сорт погибал, то второй все равно мог взойти. Как мы говорили, мука тоже чаще всего была смешанной.

«Мы склонны считать, – пишет Р. Латуш, – что на землях Сен-Жермен-де-Пре, как и во многих других местах Северной Галлии, уже практиковался трехлетний севооборот: год земля лежала под паром, затем сеяли зерно, затем – смесь, обозначавшуюся в латинских источниках словом *tremissium*». Она состояла из пшеницы, ржи, овса, гороха, вики и других злаков, убравшихся еще зелеными и шедших на корм скоту.

Трудно или почти невозможно получить точное представление об урожайности всех этих культур. Когда св. Бернар говорит о земле, которая дает сто на один, то здесь он скорее поэт, нежели крестьянин. Некоторые имеющиеся у нас цифры позволяют вычислить урожайность: четыре к одному для овса, восемь к одному для ячменя. А некоторые тексты сообщают даже об урожайности более чем двенадцать к одному.

Но в любом случае земледелие было ненадежным, зависящим от болезней и погодных условий. Хранение зерна, похоже, вплоть до начала XIX века создавало неразрешимые проблемы. Постоянно возникала нехватка продуктов. Голод и его верные спутники – эпидемии – часто стучались в дверь к крестьянину. В некоторые годы монахи тоже страдали от голода почти наравне со своими прихожанами.

Лесоводство

Безусловно, корчевать лес – хорошее дело... Но следовало еще и сохранить его как можно дольше. В лесу рубили дрова для отопления, брали материал для строительства, дерево использовали для различных хозяйственных изделий и обуви. Нельзя также забывать о

«шестах, жердях, подпорках, столь необходимых для виноградников», упоминаемых в тексте 1107 года. Лес оставался местом выпаса скота, особенно свиней во время сбора желудей. Специальное постановление предписывало порядок выпаса: сначала – свиньи монастыря, затем – короля, потом – сеньоров, потом – коммун, и напоследок выпускаются свиньи, принадлежащие... университетам.

В лесу водились дикие животные, без мяса которых не могли прожить дворяне: охота была не только спортом и удовольствием, но и необходимостью. Монахи тоже иногда охотились, хотя «это занятие едва ли приличествовало их званию и положению». Отнюдь не бесспорное мнение.

В лесу много и других полезных «ресурсов»: плоды букового дерева, орехи, из которых делали масло, мох и сухие листья, служившие подстилкой для скота, дикий хмель, грибы, ягоды – брусника и черника, «плоды диких фруктовых деревьев – яблоки, груши, рябина-ария, терновые ягоды, – и сами эти деревья, которые использовались для прививки в садах» (М. Блок). Неудивительно, что сеньоры, миряне и церковники пеклись об охране лесов от грабительских вырубок, от расхищения деревьев, от частого выпаса скота или тайного сбора желудей.

Лес следовало использовать рационально. Образцом в этом отношении могут служить правила картезианцев. У них предусмотрено все: оборот вырубок леса каждые 60 лет во избежание чрезмерного истребления леса, использование дерева для монастырских срубов, потому что в ложбине «дерево несколько не искривлено порывами ветра», «для мачт королевского флота», для производства угля...

Очень часто монахи прекращали корчевание леса и охраняли его. В связи с систематическими посадками елей и бука бенедиктинцы Аква Белла смогли назвать свой монастырь Валломброза (буквально «Долина лесной поросли»). Самый старинный свод правил использования лесных угодий принадлежит монастырю Мармутье, он датируется примерно 1144 годом.

Удобрения

Дефицит кормов ограничивал возможность содержать в хлеву большое количество животных всю зиму, вследствие чего и удобрение земли навозом было недостаточным. Поэтому каждый третий год землю оставляли под паром или же сеяли попеременно на выгоревших участках. Трехлетний севооборот ввели, несомненно, цистерцианцы.

Практиковалось использование мергеля. Премонстранты специализировались на добыче торфа, используя так называемый фламандский заступ, скорее всего, выгнутый. Монахи были инициаторами устройства прудов, на дне которых скапливался ил. Периодически эти пруды осушали и на их месте засеивали уже подготовленную землю. Эти же пруды в определенные периоды служили живыми садками.

Агрономия

На фоне тех больших усилий, прилагаемых монахами в течение веков для развития сельского хозяйства, вовсе не кажется удивительным, что они же, более чем кто-либо другой, стремились усвоить уроки античности (их интерес к Варрону и Колумеллю никогда не иссякал), накопить собственный опыт и передать его потомкам. Первыми, почти уже серьезными трудами по искусству агрономии мы обязаны Сугерию, Альберту Великому, Бургундию Пизанскому, Вальтеру де Генли, Пьеру де Кресену, автору XIII века, который создал «*Opus ruralium commodorum*» («Труд о пользе земледелия»), более полагаясь на опыт, чем на авторитет древних. Характерно, что П. де Кресен написал свою книгу по поручению отцов-доминиканцев Болоньи, а с просьбой отредактировать произведение обратился к главе этого ордена, городского по преимуществу. Объяснение сего парадокса можно найти в труде Никола Бонфу, королевского камердинера, который в XII веке собирался выращивать «коренья» и заставить французов полюбить их. Он посвятил свое сочинение капуцинам, другому городскому ордену, «потому что они с гораздо большим интересом занимаются

разведением садов, чем какой-либо другой монашеский орден», и тем более миряне (за исключением англичан, да и то лишь в XVIII веке).

Сады и огороды

В экономике монастырей сады и огороды играли главную роль, уже хотя бы в силу того, что монахи потребляли большое количество овощей и фруктов согласно своему режиму питания. Сады и огороды препоручались заботам монаха, назначаемого специально для этих целей: *gardinarius* или *hortolanus*. Садоводством и огородничеством занимались также престарелые монахи и конверзы, выздоравливающие больные, а иногда наемные работники или арендаторы.

В одном описании Клерво, относящемся к XIII веку, изображается сад, разделенный на равные квадраты маленькими ручейками, служившими одновременно оросительными каналами и садками для разведения рыбы. В аббатстве Сен-Галль каждый квадрат был снабжен дощечкой с названием выращиваемого здесь растения.

Монастырская больница выходила в сад. Больные могли там прогуливаться, наслаждаясь свежим воздухом и зеленью: «*Ex acre et verditate*». Также и монастырская гостиница выходила в другой сад, посаженный для утех гостей.

Сами монахи очень любили тихую прелесть садов. Монах из Рейхенау Валафрид Страбон (IX век) посвятил своему садику прекрасное стихотворение: «*Hortus deliciarum*» – «Сад наслаждений»; Аббатиса Геррада де Ландсберг (XII век) называла привязанность к своему садику грешком отшельников и еремитов.

Очень ухожены были сады картезианского монастыря Дижона. Хроника сообщает, что в конце XIV века там расчистили землю от всякого мусора и выровняли ее, привезли туда перегной и «сдобрили им почву вдоль аббатского пруда».

Какие овощи выращивали монахи? Бобы, которые вместе с горохом, нутом, викой и чечевицей составляли основу питания вплоть до конца XVIII века (чечевицу св. Иероним запрещал монахам, как «возбуждающую пищу»). Затем капуста, салат, лук, такие корнеплоды, как «репа, морковь (она вошла в обиход гораздо позже, так как долгое время считалась только лекарственным растением), сахарный поручейник или сахарник⁵⁸». Был известен щавель, но шпинат пока еще не разводили. Неимущие питались листьями свеклы, и эта ботва в процессе длительной селекции вызвала появление на свет собственно свеклы. Вероятнее всего, что монахи до ее появления тоже питались ее листьями. Можно было также встретить разновидность колокольчика, листья и корень которого ели в виде салата.

В Австрии в Доберане в 1273 году монахи построили экспериментальную теплицу, чтобы заниматься селекцией растений. В Париже между Обсерваторией, Валь-де-Грас и Люксембургским садом более чем на 27 гектарах тянулись питомники картезианцев, которые, как мы помним, вовсе не являлись агрономами по призванию. В этих питомниках монахи выращивали 88 сортов груш. Продуктивность картезианских питомников была такова, что в XII–XIII веках монахи продавали более тысячи саженцев в год. В эпоху Революции⁵⁹ 18 тысяч плодовых деревьев из этих питомников будут отправлены в домен Со. В Турени аббатство Бургей владело плантациями маслин, апельсинов и гранатов, а картезианцы Лиона разводили миндальные деревья.

Монастыри всегда уделяли самое большое внимание выращиванию душистых и лекарственных трав, которые легли в основу средневековой кухни и фармакопеи: мята, розмарин, рута, шалфей, анис, укроп, мята болотная, пижма, любисток и даже цикута! Короче говоря, «на всяк недуг» росла «своя травка». Сельские рецептурные книги, некоторые из них восходят к XIII веку, постоянно обогащались. Известно, что монахи обменивались друг с

⁵⁸ Растение семейства зонтичных. (Прим. ред.)

⁵⁹ То есть в конце XVIII века. Речь идет о французской революции 1789 года.

другом семенами и черенками лекарственных растений. Это же касалось фруктов и овощей. Сорт яблок «пепельный ранет» перешел из Моримона в Кан, а оттуда распространился по многочисленным монастырям этого большого аббатства. Борсдорфские яблоки из Германии попали даже во Францию. В саду Леймерица, Богемия, акклиматизировались баварские фрукты и овощи из Вальдсассена. В Тюрингии цистерцианцы занимались производством яблочного сидра, и то же самое было специализацией этого ордена в Англии. «В Норвегии, в самом большом аббатстве этой страны, в Лисе (основанном в 1146 году английским цистерцианским аббатством Фоунтен) имелись... великолепные плодовые деревья... и аббатство снабжало фруктами и всевозможными сельскохозяйственными продуктами город Берген... Торговые отношения простирались до самой Англии», куда аббатство посылало свои излишки (дом Луи Ж. Леке).

И это еще не все... Усердные бенедиктинцы обеспечивали распространение ореховых деревьев (в них ценились и древесина, и масло) как в Муассаке, так и в Эйзидельне. Они ввели в обиход оливковые деревья, шелковицу и шелковичных червей в Падуе и Южной Европе. В Пембраке, Овернь, они привили плодовые деревья из Виваруа. Монахи из Сент-Круа-де-ла-Бретоннери прививали сорта, привезенные из Вандома. А монахи Сен-Жермен-де-Пре привезли из Реймса 300 сливовых деревьев для своих садов в Кашане близ Парижа. Мальтийский орден доставил на Мальту землю из Сицилии, чтобы выращивать на ней апельсиновые деревья. И так далее.⁶⁰

Вплоть до конца Старого Режима монахи оставались самыми неутомимыми энтузиастами сельского хозяйства и садоводства. «Самые прекрасные сады и огороды были у аббатов» (Дом Шмиц).

Скотоводство

Каким бы большим и значительным во многих отношениях ни был вклад монахов в развитие средневекового земледелия в сфере производства, производительности, показательности, их главным занятием среди тех, которые обеспечивали им необходимое пропитание, являлось разведение скота. В этом деле требовалось меньше затрат и меньше рабочих рук. Более того, огромные пустынные ланды, которыми владели монастыри в Йоркшире, в Шотландии, Эстремадуре, Шаранте, Шампани, годились именно для скотоводства, а не для земледелия. Монахи, прежде всего цистерцианцы, занимались разведением скота в самых различных целях. Ради получения мяса там, где оно разрешалось; ради молока, шерсти, шкур, удобрений; ради того, чтобы обеспечить себе источник доходов.

Стада порой достигали внушительных размеров: в Англии клюнийские аббатства владели поголовьем скота, в среднем достигавшим 200 быков и 100 коров. Подобные цифры тем более впечатляют, потому что в Средние века «упоминания о стадах, даже о весьма небольших, редки».

Р. Латуш пишет: «Скотоводство играло в сельском хозяйстве второстепенную роль». Тем более солидным представляется поголовье скота в монастырях. Приведем примеры. В рядовом Кальвадосском командорстве тамплиеры владели 14 коровами, тремя телками, одним бычком, восемью телятами, двумя взрослыми быками, тремя козами, 98 свиньями, одной свиноматкой, кормящей восемь поросят, одним боровом старше годовалого возраста; и поскольку тамплиеры были воинами, то у них имелись еще один конь командора, восемь кобыл со сбруей, восемь маленьких жеребят и шесть годовалых. В одном картезианском тексте 1135 года записано, что монастырю запрещается иметь более 1200 коз и овец – «сорок тридесятков», 32 коровы, 20

⁶⁰ Хотя эти данные выходят за пределы эпохи Средневековья, но мы тем не менее приведем их, чтобы показать, чем еще обязана монахам Европа: разведение картофеля кармелитами в Испании и картезианцами в Бельгии (аббатство Эйзидельн вскоре стало центром по выращиванию картофеля); разведение вирджинской клубники, арахиса, фасоли, кофе (в Бразилии в 1774 году бельгийским монахом по имени Мольтке; в Венесуэле в 1784 году – отцом Жозе Антонио Могедано); открытие в 1602 году сорта мандаринов клементина; новые цветы – бегония (1690), камелия (XVIII век), женьшень (1718). (Прим. авт.)

телят, шесть мулов, 12 сторожевых собак, «которые отгоняли бы своим лаем воров». Известно, что орден картезианцев жил в основном скотоводством, и подобное стадо, принадлежавшее самое большее 30 монахам, не кажется маленьким.

В XII веке аббатство Камброн едва могло прокормить себя. А век спустя оно уже владело фермой со 169 коровами и быками, 426 телятами, 636 свиньями и более 400 овцами и баранами.

В Сардени экономический подъем цистерцианского ордена был обеспечен пожертвованием в 10 тысяч овец, 1000 коз, двух свиней, 500 кобыл и 100 лошадей...

В 1153 году только что основанное аббатство Клерво посылает своих братьев-конверзов приобрести отборный скот. Те доставили через Альпы десять особей. Можно представить себе, каким было это путешествие! А через сто лет у аббатства насчитывалось уже 900 голов скота.

Коневодство – специализация цистерцианских аббатств Жерво в Англии и Оттерберг в Германии. Но самые знаменитые кони принадлежали бенедиктинцам Эйнзидельна: мышинная масть этих коней породила название einsiedlerfarbe.⁶¹

Английское монашество в Средние века являлось по преимуществу поставщиком шерсти. Очень многие аббатства разводили овец, держали большие стада. Аббатство Или имело 13 тысяч овец, Крист-Черч – 14 тысяч, Винчестер – 20 тысяч. Бараны и овцы были ценны молоком и шерстью, а их мясом дорожили гораздо меньше. Производство шерсти превышало потребности монахов, и на самом деле они держали овечьи стада главным образом в коммерческих целях. В этом вопросе некоторые специалисты истории монашества склонны преувеличивать роль цистерцианцев. Но не они положили начало овцеводству даже в Англии, где их успехи в этой области бесспорны. Еще до цистерцианцев в целях торговли свои стада имели монахи Ключи, светские и церковные сеньоры. Но бесспорным фактом является то, что именно цистерцианцы были первыми, кто создал и начал совершенствовать настоящие «овчарни», точнее, фермы, предназначенные для разведения овец, кто проложил торговые пути, продавая шерсть сначала во Фландрию, а затем и в города Северной Италии. Несомненно и тот факт, что в этой области им начали подражать, как и во многом другом, а конкуренты в итоге переняли их методы. Со второй половины XII века и вплоть до XIV цистерцианцы господствовали на рынке сбыта шерсти. Их аббатства Фоунтен, Риево, Жерво ежегодно производили от 50 до 70 «мешков» (что равняется 10–13 тоннам, а некоторые авторы называют 185 «мешков»), это предполагает наличие примерно 10 тысяч овец (Д. Кноулс). Такими большими стадами владели не только английские монахи: в 1230 году аббатство Фруамон продало 7 тысяч голов. Клерво имело стадо примерно в 3 тысячи голов, Светль в Австрии – 2 тысячи на одной ферме. В аббатстве Мо с его 11 тысячами овец производили 24 тонны шерсти (1270 год). Для некоторых аббатств, прежде всего цистерцианских и особенно в Англии, продажа шерсти являлась главным в их экономической и торговой деятельности. Шерсть из аббатств, как правило, была хорошо промытой, просушенной, хорошего веса и качества (трудно определить, было ли так всегда). Монахи в своей коммерческой деятельности оставались вне конкуренции, так как не платили «экспортных пошлин». (Нельзя сказать, что такое положение позволяло им иметь много друзей среди торговцев.) Успехи монахов в деле продажи шерсти были очень значительны. Некоторые аббаты, занятые строительством, расширением и украшением своего монастыря, продавали шерсть, заключая сделки на срок. Как и следовало ожидать, их коммерческая деятельность не всегда оказывалась успешной, поскольку обязательства подчас переходили разумные границы. Упоминается один аббат, который, чтобы сдержать обещание, был вынужден купить шерсть по очень высокой цене, а затем перепродать ее с убытком.

У картезианцев человек, поставленный над пастухами, «мэтр пастухов», должен был обладать исключительными качествами. Он не мог клясться, лгать и мошенничать, а был обязан заботиться о спасении своей души, следить за хлебом и сыроваренным производством, соблюдать совершенную тишину, когда наступает время доить коров. «Из правил приличия, чтобы избежать неуместного слова», – как пишет комментатор.

Считалось выгодным делом держать свиней, которые могли питаться желудями в лесу

⁶¹ Эйнзидлеровский окрас (нем.).

(право панажа), а после жатвы пасть на поле. Аббатство Боббио имело 5 тысяч свиней, Сен-Жермен-де-Пре – около 8 тысяч. В 1324 году монахи Мон-Сен-Мишель купили сразу более 300 свиней. В Эльзасе с большим успехом выращивали свиней, в первую очередь бенедиктинцы.

Монахи занимались также разведением зайцев и кроликов. В так называемых «укрепленных» кроличьих садках, обнесенных стенкой, эти животные размножались вовсю: Оливье де Серр утверждает, что в садке три на четыре гектара могло появиться 200 дюжин кроликов в год. Клод Лотарингский, аббат Сен-Пьер-де-Без, устроил у себя садок, обнесенный стенами высотой в 9–10 футов, вплотную примыкавший к городским укреплениям. Жители взбунтовались, утверждая, что эти стены могут быть использованы неприятелем для нападения на их город, и набросились на гранд-приора, пытавшегося им помешать снести кроличий садок. Они кричали ему (свидетельство вольности обращения с представителем власти): «Идите отсюда, главный монах, идите служить в своем доме! Если вы не уйдете, мы вас заставим сделать это» – и угрожали «сбрить ему венчик». Стены садка были разрушены, а кролики в ужасе разбежались.

Воск и мед

В Средние века единственным или почти единственным сладким продуктом был мед. Его использовали повсюду и старательно собирали. Лесной сторож, который назывался «bigrus» (это одно из названий пчелы, о которой еще говорили «муш», а от этого слова произошло название одного из самых знаменитых бургундских вин), был обязан искать в лесу пчелиный рой. Пчел тщательно оберегали. Тот, кто незаконным путем присваивал себе рой и не возвращал его владельцу (если их владелец был известен, или сеньору, если это были дикие пчелы), приговаривался к тому, чтобы вернуть обратно целых два роя и в придачу получить двадцать ударов кнутом. Совершенно очевидно, что счастливые случайности, когда в лесу находили пчелиный рой, были вовсе недостаточны, чтобы обеспечить сладким братию, какой бы малочисленной она ни была. Так что люди довольно рано начали заниматься пчеловодством. И монахи по тем же причинам делали то же самое. Кроме того, у них имелся еще один повод для разведения этих трудолюбивых насекомых: потребность в воске. Ибо воск был редкостью и стоил, соответственно, дорого.

В XVII веке Лабрюйер писал: «Воск нужен в алтаре и в Лувре». Церковные свечи для алтаря должны были быть из ярого воска; а во время богослужения их требовалось немало. Филипп Добрый повелел отслужить в картезианском монастыре Дижона панихиду по своему убиенному отцу. Во время этой службы понадобилось четыре толстые свечи, каждая по 6 фунтов, 13 факелов, каждый по 8 фунтов, 12 свечей по 2 фунта каждая, еще шесть свечей по 2 фунта, 20 маленьких свечей по полфунта каждая. Общая стоимость свечей составила 56 турецких ливров и 2 су. В данном случае речь идет, конечно, о пышной церемонии. Тем более что она происходила в Бургундии, традиционно отличавшейся грандиозностью богослужений.

Но столь же существенными были и повседневные запросы. В маленьком приорате клюнийского ордена насчитывалось семь светильников для ночи и два для дневного времени, ежедневно (*in albis*⁶²) зажигалось по две свечи, а по случаю (*in praecipuis*) – четыре. Как для мессы, так и для утрени и вечера зажигали семь свечей. Следовало позаботиться и об освещении. В аббатстве Эйнсхем в Англии для трапезной предусматривалось по две свечи на стол настоятеля и еще на каждый другой стол в период от праздника Всех Святых до Сретения Господня. Разумеется, число свечей возрастало, если гостем обители оказывался епископ или аббат «цистерцианского или другого ордена». Свечи требовались также в спальню, скрипторий, в трапезную для гостей, для совершения повечерия.

В данном случае мы оказываемся перед фактом духовных запросов – требовалось

⁶² Деталью литургического облачения священника является белая туника (*alba tunica*), поэтому любое богослужение совершается *in albis*. Богослужение по особо торжественным случаям совершается *in praecipuis* (лат. «исключительный, особый»).

осветить как можно ярче с помощью такого редкого товара, как свечи, места богослужений. Эти запросы имели экономические последствия, конечно же, второстепенные, но логика мышления оставалась все той же.

Глава IX

Техника, социальное служение и культура

Труды и дни

В каких областях трудились монахи? Можно открыть любую монографию, посвященную самому скромному из приоратов, и даже там обнаружить перечень работ, которые совершенно далекие от того, что мы привыкли считать жизнью монашества прошлых веков. Можно увидеть, как монахи занимались добычей угля (в Шотландии аббатство Калрес в 1217 году владело 170 судами для экспорта угля), торфа (премонстранты), мрамора (мрамор из Сен-Реми в Бельгии будет использован для могилы Наполеона), свинца (в Фоунтен), сланца (в Орвале), гипса (близ Эгбель), квасцов (в Льежской провинции), серебра, золота и железа (в Вальдзассене). В Бредской долине, в Дофине, в Шампани монахи устраивали подземные штольни с деревянной крепью – это была новейшая для того времени технология – и добывали железо. В Сентонже и Они во Франции, в Честере, Бартоне, Биркенхеде в Англии, а также во многих других местах разрабатывались соляные копи. В XIV веке в Штейермарке аббатства объединялись друг с другом для использования соляных копей Магдебурга, Марлоу и Люнебурга. В 1147 году Раин в Австрии экспортирует соль.

В других местах (например, Без в Бургундии) монахи создавали настоящие промышленные центры: дубильное, кожевенное и суконное производства, маслобойни, мельницы, черепичные заводы, а также занимались торговлей. Аббатства специализировались на производстве стекла (картезианцы, цистерцианцы), витражей, эмалей, занимались ювелирным делом (Эйнзидельн), топили воск. Цистерцианцы изготавливали кирпичи больших размеров с несколькими отверстиями для облегчения обжига и последующего использования. Они известны как «кирпичи св. Бернара». Их можно обнаружить на всех цистерцианских стройках во Франции, Италии, Германии. В Безе монахи устроили множество черепичных мастерских и везли черепицу и кирпич во все монастыри и приораты своего аббатства к большому неудовольствию местного сеньора, считавшего монахов чересчур предприимчивыми: они рубят лес, причем строевой лес, используют дерево для производства повозок, изготавливают дубовую клепку, высушивая ее на огне в своих бараках, построенных здесь же в лесу. Иск сеньора был передан арбитру, избранному обеими сторонами, и тот запретил монахам производить кирпич для кого-то другого, кроме самих себя; однако он разрешил им продолжать работать в лесу, как и прежде.

В заключение упомянем еще об одном любопытном роде деятельности монахов, который, несмотря на свою логичность, все же представляется неожиданным: в Кордуане долгое время охрана маяка была доверена еремитам. По крайней мере они не бастовали.

Общественные работы

Великие нашествия практически уничтожили сеть дорог, созданную еще римлянами. Заброшенные мосты и акведуки разрушались. Каролингские капитулярии предусматривали в качестве первых задач монашества строительство мостов, ремонт дорог и помощь бедным. И монахи активно занимались этим. Камальдолийцы – еремиты и созерцатели – прокладывали новые дороги и возводили земляные валы. В 1476 году приор Дувра был приглашен в качестве поставщика пороха для пушек и других материалов, используемых в таком случае.

Подобная деятельность, когда она не сопровождалась договорными обязательствами или соглашением с коммуной, не всегда являлась бескорыстной, ведь аббаты были заинтересованы в новых торговых путях и паломнических маршрутах. Кроме того, каждый новый мост

облагался дорожной пошлиной, которая шла ризничему. Светское братство, основанное Бенезе (Benedictus) д'Эрмийоном, специализировалось на организации общественных работ. Оно было основано в 1177 году под названием «Братья-строители мостов» (Fratres Pontifices), в 1189 году его утвердил папа Климент IV, а в 1210 году оно стало орденом Сен-Жак-дю-О-Па. Этому ордену мы обязаны мостом в Авиньоне и многими другими сооружениями. Но слишком большие богатства братьев вызвали зависть, и в 1459 году орден был упразднен папой Пием II. Последняя секуляризованная организация братьев называлась «Пон-Сент-Эспри» – «Мост Святого Духа».

Покорение вод

Монахи не ограничивались корчеванием леса. В силу обстоятельств и просто по причине состояния достававшихся им земель они были вынуждены научиться использовать водные ресурсы. В Париже монахи осушали болота и таким образом обустроили те территории, где теперь находятся III и IV округа французской столицы. Это – дело рук тамплиеров, имевших свою пристань на Сене.

Цистерцианцы аббатства Дюн в западной Фландрии отвоюют земли у моря, их деятельность будет простирается от Фюрн до Хюлста в Голландии: около 17 тысяч гектаров они возвратят суше только вблизи одного этого места. Бенедиктинцы Сент-Жюстин перегородили плотиной течение реки По, а монахи аббатства Троарн – реку Див в Нормандии. Камальдолийцы устраивали искусственные озера. Другие монахи производили осушение земель, чтобы спасти остров Помпоза от воды. Повсюду монахи занимались совершенствованием водных путей. Широкие рвы, соединяющиеся с Сеной, были прорыты для того, чтобы защитить аббатство Сен-Жермен-де-Пре.

Настоятели аббатств Сен-Виктор в Париже повернули течение реки Бьевр для орошения своих садов и приведения в действие своих мельниц. Обеспечив район Тамплъ, воды Бельвиля питали затем приорат Сен-Жермен-де-Шан и фонтан Вербуа.

Аббатство Обазин, между Тюллем и Бривом, предприняло в XII веке большие работы по водоснабжению, подведя к себе водный поток, протекавший на удалении более чем двух километров. «Они проложили трубу, которую им пришлось подвешивать над оврагами либо прорывать для нее канал в склоне горы протяженностью более одного километра» (А. Димье).

Канализационные трубы делали из обожженной глины и прокладывали их очень продуманно. В Руйамоне, как и в Маульбронне в Вюртемберге, существовали маленькие каналы для отвода воды с клапанами и водосбросами.

Мельницы

Историки отмечали настоящее увлечение цистерцианцев различными технологиями. Как уже говорилось, к этому их побуждали требования духовной жизни – необходимость экономии физического труда. Стремясь уравновесить *opus Dei* (молитвенное служение) и *opus manuum* (ручной труд), монахи, более чем кто-либо, были заинтересованы в техническом прогрессе. Все первые железные мельницы в Германии, Дании, Англии, Южной Италии построены цистерцианцами. «Благуя долю в готическое искусство наряду с Марией вкладывала порою Марфа» (Ж. Ле-Гофф).

Одним из главных нововведений средневековой экономики, несомненно, явилось распространение водяных мельниц. В конце IX века в Англии их насчитывалось более пяти с половиной тысяч. Большинство мельниц принадлежало землевладельцам, как светским, так и духовным. Все большие ордена – бенедиктинцы, гранмонтанцы, картезианцы, цистерцианцы и пр. – владели многочисленными мельницами. Аббатство Лоббес в Бельгии имело 15 мельниц, Цина в Германии – 14, Фуаньи – 14, Орваль – 19. В 1140–1143 годах тамплиеры построили элеватор и сукновальную машину для бенедиктинцев из Отвилле, разделив с ними затраты и прибыль. Ибо с того времени, как мельницы стали привычным явлением (что происходило не без сопротивления части мещан, особенно в Англии), владеть ими стало выгодно с финансовой точки зрения. В Германии некоторые аббатства – Рейнфельд, Доберан – скупали все водяные и

ветряные мельницы региона. Ветряные мельницы только что появились: первая из них датируется примерно 1180 годом, она была построена в Нормандии для аббатства Сен-Совер-ле-Виконт.

Монастырские мастерские

Многие монастыри наладили самое настоящее производство. В Фуаньи на Эне помимо 14 мельниц имелись одна сукновальная машина, одна пивоварня, одна стекольная мастерская, две прядильни, три виноградных прессы. Все это приводилось в движение посредством воды, без которой немислима жизнь в монастыре. Весьма замысловатое описание XIII века из Клерво повествует о водном потоке, заставлявшем работать мельницу, приводя в движение «тонкое решето, при помощи которого мука отделялась от отрубей». Эта вода также приводила в движение механизмы пивоваренного цеха, кожевенного производства, поочередно поднимая и опуская деревянные колотушки, унося отходы и т. д. В Фонтене в Бургундии водный поток шел вдоль здания, в Руйамоне – протекал через аббатство, а в Фоунтен – под его мастерскими. Некоторые аббатства обрабатывали шкуры и торговали ими. Другие занимались шпалерным производством, красивым делом, изготовлением бумаги.

Везде, где рос лес и была хоть какая-то рудная жила, монахи открывали кузницы с мехами и молотами. В Англии Керкстед обладал правом искать рудоносные жилы и использовать сухостой для плавильных печей. Картезианцы и цистерцианцы Орваля специализировались на производстве чугунных плит. Искусство монахов в кузнечном деле было столь высоким, что граф Шампани в 1156 году подарил кузницу Кретскому аббатству, а через год – еще одну – аббатству Клерво, в 1158-м – аббатству Иньи, аббатство Труа-Фонтен в 1171 году также получило в дар кузницу.

Все перечисленные примеры дают лишь слабое представление о деятельности монахов на протяжении веков. Полную картину можно получить, лишь рассмотрев всю совокупность документов, относящихся ко всем аббатствам, монастырям, приоратам, орденам и конгрегациям.

Скрипторий

Переписывание (scribere) рукописей до сих пор предстает в массовом сознании наиболее типичной повседневной работой монахов. Деятельность монахов, как мы уже видели, вовсе не ограничивалась именно этим родом занятий, но все же надо признать, что переписывание всегда имело для монахов большое значение, потому-то оно и стало в основном делом монашества.

Есть много причин такого пристрастия. С точки зрения Петра Достопочтенного, переписывание является самой полезной работой, так как оно позволяет отшельнику «вращивать плоды духа и замешивать тесто для небесного хлеба души». Для других это занятие служило способом побороть праздность, победить плотские пороки и тем самым обеспечить «спасение своей души» (св. Иероним). У третьих же переписывание составляло часть их аскезы.

Во всяком случае, переписывание книг требовалось всегда, ведь книги были редкими и дорогими. Чтобы обеспечить нормальное функционирование монастыря, нужен хотя бы минимум книг. Конечно, книги можно и занять, но опять-таки для того, чтобы снять с них копию.

Все ли монахи умели писать? И все ли обладали разборчивым почерком и хорошим зрением, чтобы дни напролет просиживать за этим занятием? Маловероятно. Однако искусство письма, скорее всего, было гораздо больше распространено в среде монашества, нежели в миру. Похоже, писать умели даже монахини, ибо говорили:

Монашкой суждено ей стать,
Коль славно может петь, читать.

Автор «Четырех возрастов человека» утверждает, что если девочек не готовят в монастырь, то учить их читать и писать не стоит.

Скрипторий (*scriptorium*) – помещение, где монахи переписывают манускрипты, для этого места предусмотрен специальный ритуал освящения. До XIII века книги переписывались исключительно монахами. Некоторые из них работали даже «на сторону», извлекая тем самым определенную выгоду. Но с XIII века переписыванием книг начинают заниматься также миряне и клирики.

В день монах переписывал три, пять, шесть листов форматом «in quarto» (в четверть). Для переписывания Библии требовался год. За всю свою жизнь переписчик успевал завершить до 40 трудов. Упоминают одного монаха-картезианца, переписавшего 50 книг. В аббатстве Санкт-Галлен переписыванием занималось три четверти братии, то есть около 300 монахов.

В Гирсау имелось девять постоянных «келий» для переписчиков. В этой сфере очень быстро начались разделение труда и специализация: одни изготовляли пергамент, другие карандашом проводили на нем линии, третьи шлифовали кожу; затем наступал черед собственно писцов, корректоров, миниатюристов, переплетчиков. В одном тексте даже упоминается монах, который был обязан следить за правильностью пунктуации! В Эйнсхеме переплетением книг и полировкой кожи занимались новиицы, и все эти работы совершались бесшумно, ибо скрипторий был одним из самых тихих мест в монастыре.

Какими орудиями труда располагал переписчик? Например, у картезианцев, кроме «кафедры для письма» и скриптория, то есть мебели, на которой монах занимался перепиской (собственно говоря, это конторка или стол, а не общая мастерская по переписке, как в других орденах), имелись перья – гусиные и лебединые перья; мел и пемза (*pumices*) – шлифовальный материал; два рога (*cornua*) – чернильницы для красных (*rubrica*) и черных чернил; скальпель для разрезания кожи; бритва, чтобы скоблить шероховатости и разрезать страницы; игла (*punctorium*), размечать пергамент, прежде чем провести на нем линии, «выделяя киноварью», как говорится в тексте XIV века; шило (*subula*), протыкать дырочки в страницах, чтобы сшить их в общий том маленькими кожаными ремешками; отвес, чтобы лучше выверить вертикальные линии; дощечка с линейкой, чтобы шлифовать пергамент, пробивать в нем отверстия и линовать его; покрытые воском дощечки, служившие черновиками или записными книжками; стило (*graphium*), писать на воске. В других картезианских текстах XIV века упоминаются «перья разные для письма», инструменты для заточки этих перьев, пропорциональный циркуль, «камень, на котором разводят краски», «металл для полирования», стамески, кожи из Кордовы и крашенные шкуры, медные «застежки», руанские гвозди и сусальное золото... Мошке отмечает наличие «большого скриптория (т. е. конторки) с перьями различной зачинки для выведения (и исправления) прописных и строчных букв» даже в помещении самой церкви.

Пергамент делался из шкур «недоношенных телят, козлят и ягнят», то есть из шкур мертворожденных животных и иногда из шкур оленя или свиньи. За разрезанием и шлифовкой пергамента, а также за счеткой и корректурой манускриптов и их переплетением был обязан следить главный певчий. Но подготовка шкур заключала в себе столько сложностей и требовала таких забот, что вскоре это дело доверили специалистам, чаще всего мирянам. Иногда уже готовую кожу покупали (например, Сен-Жермен-де-Пре приобретало ее на ярмарке Ланди). Пергамент был редкостью и стоил дорого, поэтому монахи очищали старые, уже использованные листы, подобно тому, что практиковалось еще в Древнем Риме (очищенный для повторного использования пергамент назывался палимпсестом). Монахов часто обвиняли в том, что они жертвовали античными шедеврами ради переписки богословских трудов, уже имевшихся в достаточном количестве экземпляров. Но анализ манускриптов показывает, что все то, что мы имеем из классической латинской литературы (произведения Тацита, Сенеки, Тита Ливия, Апулея и др.), дошло до нас благодаря монахам-переписчикам. Они использовали только рукописи в плохом состоянии или, точнее, те страницы, которые невозможно было разобрать. Но никогда не приносили в жертву целую книгу. А сколько рукописей было уничтожено в течение веков по причине фанатизма и нетерпимости: в одном только Клуни кальвинисты сожгли более 1800 манускриптов...

Изначально чернила (французское название которых «енсте» происходит от позднелатинского слова «encautum», производного от «encaustum», то есть «пурпурные чернила») делались из капустного сока (succo caulii), из купороса (сульфат меди по-латыни «сирги госа»), из чернильного орешка. Все эти ингредиенты варились на огне с гуммиарабиком и добавлением вина или пива! В келье монаха-переписчика было иногда так холодно, что ему разрешалось пойти в теплую комнату (или на кухню, если речь шла о Ключни), чтобы... растопить драгоценную смесь.

Почерк

В каждом скриптории был свой особенный почерк. В итоге какой-либо один из них делался наиболее распространенным, вытесняя остальные. Так было с минускулом: ясный, четкий, элегантный почерк развивался в аббатствах Люксей и Корби. Принятый в Ключни, он затем возродится в печатном шрифте антиква. А «ломаный почерк», то есть готический шрифт, придет из Монте-Кассино и распространится от Мон-Сен-Мишель до Германии, где переживет расцвет уже как типографский шрифт, оставаясь в употреблении вплоть до конца XIX века. Отличавшееся своим пуританизмом аббатство Сито стремилось противостоять переливам цветов, предписав (в 1125 году) монахам использовать для заглавных букв только один цвет. К счастью, это распоряжение не соблюдалось.

«Fastidium»

63

Труд переписчиков невероятно скучен. И ничто не могло сделать его более привлекательным, хотя монахам и объясняли, что они творят богоугодное дело, ведь переписывание рукописей – самая благородная работа, не только умственный, но, прежде всего, аскетический труд, за который они получают воздаяние от Бога; что каждая написанная ими буква искупает их грех. Переписчиков пытались даже запугивать. Одно предание напоминает монахам, что существует демон, прозванный Titivilitarius или проще Titivillus, то есть Придирчивый. Каждое утро он приносит в ад полный мешок букв, которые были пропущены монахами! Но, похоже, что должного впечатления на переписчиков этот сюжет не производил, о чем предостаточно свидетельствует обилие ошибок в рукописях, пропущенных по невниманию. Отметим, что братья Общей жизни в Нидерландах специально занимались считкой рукописей.

Послушайте жалобы, которые переписчики оставляли на страницах рукописей:

«Дорогие читатели сего труда, прошу вас, не забудьте о том, кто переписал его: это был несчастный брат... он страдал от холода, а по ночам ему приходилось дописывать то, что он не успел сделать при свете дня».

Когда известно, какими скудными были средства для освещения помещения – коптящая горелка из жира и тряпки, нетрудно представить себе степень жертвенности этих переписчиков. Другой пишет следующее:

«Будьте осторожны в обращении с рукописью. Не кладите пальцы на страницы! Вы не знаете, что такое писать! Это тягчайшая повинность: она сгибает вам спину, ослабляет глаза, портит желудок и ребра... Молитесь о бедном Рауле»...

Глаза... Что же делал монах, когда у него ухудшалось зрение?

Похоже, что до XIII века⁶⁴ не было никакого средства против дальнозоркости, и только лишь францисканец Роджер Бекон (1220–1293), один из первых творцов экспериментального метода, изобрел не только лупу, но и конвергентные линзы, позволившие ему самому читать в

⁶³ Скука, тягость (лат.)

⁶⁴ См.: Dr. J.-P. Joly. Petite histoire des lunettes. – in: Revue des deux mondes, 1 avril 1954.

старости. Вопрос об очках как таковых вряд ли возникал до начала XII века. Один автор той эпохи говорил о «бериллах» («beryllus» – латинское название полудрагоценного камня берилла), помещенных в ковчежцы, которые выполняли функцию увеличительных стекол. Вполне вероятно, что этот эффект увеличения вызвал и появление на свет очков, о чем свидетельствует немецкое слово «brille», старофранцузское «besides» и более старое «bericles», обозначавшее этот предмет. «Стекло, оправленное на манер круглых окошек», – гласит один текст XIV века. Но что же делали монахи до этого изобретения? Тем более что переписывать Евангелие, Псалтирь или молитвослов поручалось наиболее серьезным из монахов, значит, тем, кто был уже в возрасте. А если монахи в большей мере ощущали в себе строго спиритуальное, нежели интеллектуальное призвание? Возможно, они утешались тем, что говорили себе: занимаясь переписыванием, мы проявляем послушание уставу и своему аббату. А может быть, они укреплялись молитвой Господу, как тот монах эпохи Карла Великого:

«В изнурительном труде переписчика я не нахожу утешения (как видно, здесь далеко от той радости труда, которую наш век столь щедро приписывает строителям соборов и изготовителям манускриптов. – Л. М), поэтому, о, Господи, я возношу тебе эту молитву: да не помешают моему сердцу познавать сокровенное моя рука, выводящая эти буквы, и мои глаза, созерцающие форму слов; да бодрствует и печется мое сердце более о внутреннем, нежели о внешнем, и да не устанет писать моя рука!»

Как раз то, к чему в наши дни применяют выражение «обогащать труд».

Библиотека

Дом Шмиц упоминает о библиотеках, насчитывавших одну-две тысячи манускриптов; для того времени это богатейшие книжные собрания. Большинство же библиотек были гораздо более скромными: 300 книг в аббатстве Флэри, 570 – в Ключни, 300 – в Сен-Жермен-де-Пре, 700 – в Боббио, 580 – в Рейхенау. Дар Одона, будущего аббата Ключнийского, который он передал библиотеке, еще только готовясь к вступлению в орден, изумил окружающих: 100 томов сразу! В XII веке говорили: «Монастырь без книг – все равно что гарнизон без продовольствия». А два столетия спустя в пламенеющем стиле эпохи утверждали:

«Библиотека является подлинной сокровищницей монастыря. Без нее он как кухня без котла, стол без яств, река без рыбы, сад без цветов, кошелек без денег, виноградник без винограда, башня без стражи, дом без мебели».

Возникает вопрос, почему перечисление кончается именно на этом...

Книги были столь редкими и столь дорогими (а желание «позаимствовать» их тайком было столь велико), что в некоторых аббатствах, в частности в Ключни, Шаффхаузе, их приковывали цепями. В монастыре Флэри библиотекарь, *armarius*, в определенный день составлял список всех братьев, которые взяли себе книги в прошлом году. Таким образом, каждый из этих братьев должен был сначала вернуть полученную книгу и лишь затем мог рассчитывать на получение вновь затребованной. А если в течение года монах не прочтет эту книгу целиком, то он должен будет просить прощения на обвинительном капитуле.

Подчеркивалось также, что посещающие библиотеку монахи «не должны надвигать свой капюшон слишком низко на глаза, дабы можно было видеть, не спят ли они вместо того, чтобы читать книгу».

В монастырях не только переписывали книги. Их также покупали, тратя на это большие средства. Книги являлись сокровищем (библиотекарь иногда назывался «thesaurarius» – «сберегающий богатство»), с ними следовало обходиться бережно, «чтобы не запачкать их грязью и копотью (это из картезианского текста; напомним, что картезианец в своей одинокой келье сам разводил огонь), или пылью, или какой-нибудь другой нечистотой». Если аббатству грозила опасность, именно книги следовало спасать в первую очередь (монахи Монте-Кассино захватили с собой устав основателя своего монастыря, но забыли его тело!). В 1371 году во время пожара, бушевавшего в Гранд-Шартрез, приор дом Гильом, видя, что с бедствием не справиться, воскликнул:

«Отцы мои, Отцы мои, к книгам! к книгам!» (То есть спасайте книги!)

Разумеется, из-за малого количества книг монахи чаще всего брали их в библиотеке. И как

любой другой библиотекарь во всем мире, *bibliothecarius* не мог не опасаться за свои сокровища (тем более что в те времена книги выдавали на долгий срок – 10–20 лет, и уже тогда читатели не всегда возвращали их обратно!). Вот как один аббат извиняется за то, что не принес книгу: «Она такая большая, что ее невозможно спрятать ни на груди, ни в суме». Аббат боялся «встречи со злыми людьми, которых могла бы привлечь красота этой рукописи», и тогда книга была бы потеряна для всего мира.

Техническое содействие

Для того чтобы наши современники составили себе представление о значении деятельности монахов в Средние века, следует описать ее современным языком. Монахи обеспечивали то, что сегодня называется техническим содействием: они давали советы крестьянам, которые трудились под защитой монастыря, они создавали образцовые фермы, они обладали техническими знаниями, капиталами для вложения, они отличались духом новаторства, они жили в самых разных по климатическим условиям местах. Ученики виноградарей проходили нечто вроде трехлетней стажировки в Кремсмюнстере в Баварии. Сугерий, аббат Сен-Дени, снабжал переселенцев-арендаторов, селившихся на землях Бос, усовершенствованным плутом, позволявшим производить более глубокую вспашку. А списки картезианского монастыря в Бресс содержат очень точные наблюдения за природой почв, способами севооборота, разведением скота, выбором арендаторов и прислуги.

В начале XII века монах Теофиль написал труд, посвященный различным ремеслам, которыми он занимался: «*Diversarum artium schedula*» – «Книжица о различных ремеслах». В этом сочинении содержится множество рекомендаций, основанных на его личном опыте, поэтому они уникальны в своем роде.

Монашеские общины защищали ремесленников, которых они пытались привлечь и удержать у себя, и ходатайствовали за них перед сеньорами, чтобы этим мастерам были даны привилегии.

В итоге можно сказать, что на протяжении столетий и особенно в наиболее мрачный период Средневековья монахи являлись руководителями, советниками, «экономическими воспитателями» (А. Пиренн) крестьянства и ремесленников.

Социальная защита

Общество без госпиталей, приютов, школ, гостиниц, без социальной защиты – в нашем понимании такое совершенно немыслимо. Но именно таким было бы средневековое общество, если бы не дела милосердия, творимые монахами. Действительно, именно они и никто другой, используя имевшиеся тогда средства, обеспечивали ту совокупность услуг, которые сегодня стали нам столь привычны.

Людовик Благочестивый называл монастыри «достоянием бедных» (*patrimonia pauperum*). Подать бедняку – услужить Богу. А расточить и промотать достояние, вверенное монастырям и, соответственно, принадлежащее Богу, значит, сделаться «убийцей бедняков» (по определению Парижского собора 537 года).

В конце XIII века аббат Сен-Мартена в Турне жертвовал на странноприимство и на бедных треть суммы, шедшей на содержание всей братии. В XII веке елемузинарий Сен-Дени раздавал примерно десятую часть доходов аббатства в виде хлеба, мяса, зерна, сельди: за 25 воскресений – 2500 хлебов. Бедные получали также обувь и одежду. Пусть все это было поношенным, но для нищих, не имевших чем прикрыть спину, все равно оказывалось удачей. В Сен-Рикье кормились 300 нищих, 150 вдов и 60 нищих причетников. В Ключи ежедневно пекли 12 пирогов по 3 фунта весом каждый; в этом аббатстве «на постоянном пансионе» находились 18 бедняков. В Гирсау за счет милостыни жили 30 нищих (в некоторых случаях милостыня составляла четверть дохода аббатства).

«Каждого проходящего в монастырь должно принимать так, как будто это сам Христос», – написано в уставе св. Бенедикта. Особенно если этот странник беден, «ибо, – продолжает Учитель, вновь демонстрируя свое удивительное знание людей, – страх,

внушаемый богатыми, не есть достаточная причина для оказания им почестей». Абельяр утверждал, что не дать того, что имеется в избытке, равносильно воровству, ибо так ты делаешься виновным в смерти бедняков.

Вот почему в Ключни после капитула декан и келарь раздавали милостыню всем нищим. Им давали то, что осталось от трапезы монахов, кроме хлеба и вина, которым нищих оделяли только после вечерней трапезы. В аббатстве Фруттуария по случаю дня рождения настоятеля хлеб, вино и мясо раздавали ста нищим. В Ключни в подобных ситуациях (праздники и дни рождения) каждый нищий получал фунт солонины. В хрониках рассказывается, что в один год закололи 250 свиней, снабдив мясом 7 тысяч человек. Обычно у ворот аббатства толпилось четыре сотни нищих... Иногда бывало и полторы тысячи, именно такое количество людей получало в аббатстве Фекан по фунту хлеба. Правда, в данном случае сами монахи тоже имели право на дополнительную порцию вина и пищи, что отчасти может объяснить то рвение, с которым братия стремилась проявить щедрость в делах милосердия. Полфунта хлеба, полкружки вина и одно денье получали в аббатстве путники и паломники, отправлявшиеся в путь.

Сборники обычаев оставили нам традиционно подробное описание церемонии, сопровождавшей милостыню. Например, вот как это происходило в аббатстве Бек, славном своими традициями гостеприимства и милосердия, вошедшими в поговорку. Нищие собирались в монастырских галереях. Монахи один за другим выходили из трапезной. Последним появлялся отец-настоятель. Они вставали напротив нищих. Елеозинарий концом посоха указывал на двух-трех нищих, которые будут приходиться на одного монаха; для аббата же выбиралось шесть-семь нищих. Пение, псалмы, молитвы. Затем каждый монах омывал и вытирал ноги и руки тем нищим, которые ему указаны, и лобызал их. Каждому нищему выдавалось три денье на вино, при этом монахи целовали каждому нищему руку. Затем вся братия низко кланялась нищим и удалялась в церковь.

Во время голода, довольно часто царившего в Средневековье, деятельность монастырей достигала масштабов подлинной социальной помощи: например, они организовывали «суп популер» – бесплатный суп для бедняков. Почти каждый год возникала угроза нехватки продовольствия: новый урожай еще не собран, а в амбарах зерно уже на исходе. И монастыри занимались распределением зерна и готовой еды. Эта благотворительная акция получила название «майский хлеб».

Деятельность монастырей не ограничивалась только милостыней в буквальном смысле этого слова. Монахи также поддерживали общества взаимопомощи (как в аббатстве Святой Троицы в Фекане), кассы «поддержки безработных» при «мастерских милосердия», где работали люди, не имевшие иных занятий (инициатива картезианского монастыря в Дижоне), сельскохозяйственные кооперативы. Конечно, то, что давалось бедным, было порой похоже на крохи, упавшие со стола богачей, даже одежда выдавалась им поношенная. Но мир Средневековья был жесток по отношению к слабым и отверженным, поэтому забота о бедных в монастырях являлась большим шагом вперед с точки зрения осмысленной солидарности с другими людьми.

Гостиницы, богадельни, госпитали

На протяжении столетий гостиницы, больницы, приюты, госпитали оставались монополией монашества. Сюда же следует добавить аптеки и винокурные заводы, а также лепрозории (в Сен-Бенуа-сюр-Луар, Сен-Галль, Малымерди, Жюмьеж, в Силосе Испании). Отец Кноулс насчитывает примерно тысячу госпиталей в Англии, находившихся в ведении монахов. Крестоносцы Италии в период расцвета ордена имели двести госпиталей, а крестоносцы Красной Звезды – шестьдесят.

Не следует забывать, что изначально такие ордена монахов-воинов, как тамплиеры, тевтонские рыцари, госпитальеры, посвящали себя заботе о больных. У камальдолийцев госпиталь появился в 1048 году. Пребывание в нем было бесплатным. Персонал госпиталя находился на содержании братии, и погребение умерших совершалось за счет госпиталя. Уставные каноники Сент-Антуан-ан-Вьеннуа, так называемые антонинцы, специально

заботились о больных, перенесших отравление спорыньей. Их госпитали назывались «*Domus eleemosynaria*» – «Дома милостыни». В XV веке таких госпиталей насчитывалось около трехсот. Алексииане погребали умерших от чумы и занимались, как мы уже знаем, заботой о психических больных. Орден Сен-Лазар (св. Лазаря) посвятил себя прокаженным. Иногда прокаженные братья и сестры с помощью здоровых людей, которые заботились о них и жили вместе с ними, образовывали настоящие монашеские братства, изолированные от города или селения. В некоторых таких братствах настоятелем обязательно был прокаженный.

Богадельни

Аббатства заботились также о солдатах, ветеранах, инвалидах, получавших бенефиций под названием «хлеб облата»⁶⁵ или «хлеб аббата». В подобных богадельнях находили приют и престарелые супружеские пары, которые в обмен на свое состояние пожизненно получали здесь все необходимое для существования (вот истоки нашей пожизненной пенсии). Например, это содержание включало в себя ежедневный круглый хлебец, два «средних» хлеба, галлон (4 л?) сидра, пива или другого монастырского напитка, мясное блюдо три раза в неделю, в другие же дни – шесть яиц, а Великим постом – четыре селедки. Ежемесячно – дрова и ежегодно – немного денег (Ж. Докур). Другой пример пожизненной «пенсии» можно увидеть в картулярии ордена траппистов. Муж и жена кроме своего имущества ежегодно жертвовали два су, чтобы отпраздновать дни своего рождения. Они оставляли за собой право пользоваться своей обстановкой, но ежегодно должны были производить ее инвентаризацию, так как после смерти она отходила монастырю. Муж работал в кузнице, а жена – на скотном дворе. Так что в богадельнях и приютах царил дух милосердия. Аббатство было лучшим прибежищем для слабых душ, ищущих опоры, стремящихся спрятаться от ударов судьбы. Как гласила средневековая пословица, «хорошо живется под посохом аббата».

Не следует забывать и о другой форме социальной помощи, еще более драматичной: о выкупе у берберов пленных христиан, которым занимались тринитари и мерседарии. Во время своей первой экспедиции в Алжир основатель ордена мерседариев св. Петр Ноланский выкупил там 168 пленных. С момента учреждения ордена (1223 год) и до смерти его основателя (1256 год) из плена было выкуплено примерно 4300 человек. Кроме трех традиционных обетов мерседарии давали еще четвертый обет, заключавшийся в том, что они добровольно занимали место христианина, попавшего в плен и ставшего рабом, ради спасения его души, если под действием, как тогда говорили, «магрибских унижений» этот пленник оказывался под угрозой «потери веры». Петр Ноланский сам показал пример (в 1226 году), оставшись в плену на многие месяцы. Некоторые из его спутников еще раньше пошли по этому пути.

Начиная с XII века распространяются организации госпитального типа, создаваемые светскими братствами: больницы (одна кровать на троих), приюты для паломников, нищих, одиноких стариков, лепрозории, гостиницы для паломников. Все они копировали организацию монашеских орденов, их уставы и правила. Источники финансирования подобных заведений никогда не были общественными, так как попечение о них всегда брали на себя верные христиане. Самое удивительное для современных людей заключается в том, что средневековым христианам на протяжении столетий удавалось добиваться успехов в этой деятельности. Именно верным мы обязаны, в частности, приютами в Боне и госпиталем св. Иоанна в Брюгге.

Печатное дело

В книге «Европейское приключение» я отметил роль «чужаков», «инородцев» (особенно немцев) и евреев в распространении печатного дела. В определенной степени и по своему образу жизни монахи тоже выглядели «чужаками» в общественной жизни и даже в жизни церковной. Среди первых, кто начал использовать печатный станок, были бенедиктинцы и

⁶⁵ инвалид, помещенный королем на прокорм в монастырь (Прим. ред.)

цистерцианцы, братья Общей жизни и минориты, уставные католики св. Августина.

Благодаря своим привилегиям монахи избежали удушающего воздействия корпораций, враждебных по отношению к любым новым формам создания книг. Поэтому именно монахи очень рано начали развивать искусства ксилографии, гравюры и калькографии. Стремясь посвятить как можно больше времени молитве и меньше – переписыванию рукописей, бенедиктинцы Казамари и Монте-Кассино, картезианцы и цистерцианцы очень быстро восприняли и начали распространять новую технологию – книгопечатание: в 1464 году – в Субьяко в Италии, в 1468-м – в Вестминстере, в 1472-м – в Германии, в 1480-м – в Ласенаке во Франции; в 1486-м – в монастыре Св. Петра в Толедо и около 1490 года – в Дижоне и Сент-Альбан.

Первая книга, напечатанная братьями-картезианцами, появилась в Парме в 1477 году. Жан Гейлин де Лапид (скончался в 1496 году) был первым книгопечатником во Франции, позднее он станет монахом картезианского монастыря в Базеле. Кардинал Иоанн Торквемада в Риме покровительствовал немецкому книгопечатнику Ульриху Гану.

Школы

Капитулярный 789 года гласил: «Каждый кафедральный собор, каждое аббатство... должны иметь свою школу, где дети могли бы научиться чтению, Псалтири, счету, пению и письму». Епископальные школы находились под руководством каноника, кантора и учителя. Во главе монастырских школ стоял монах. В школе при аббатстве преподавали катехизис, пение, чтение, письмо, немного арифметики, а также латынь для тех, кто с рождения предназначался родителями для монастырской жизни. Будущие монахини учились читать, писать и петь, а некоторые из них – даже латинскому языку.

Дисциплина в школе была суровой: по образцу нравов, царивших в обществе в целом. Обычное дело – телесные наказания. Редко кто из учителей говорил вслед за Петром Дьяконом, что бить ребенка – значит причинить ему больше вреда, чем блага, или просил для детей побольше еды – десерт для лучших «младших братьев» и маленьких певчих! Мало кто просил удобную одежду для своих учеников, требовал топить школу в зимнее время и устанавливал днем часовую перемену. Нет, в действительности ребенок уже в школе проходил суровую выучку, готовившую его к столь же суровой будущей жизни.

Маршрутами паломничеств

Паломники являлись необходимым элементом средневекового пейзажа. Некоторые из них отправлялись в путь по обету, а некоторые – в наказание, наложенное за грехи Церковью. Обеты не всегда были столь чистыми и добровольными, как считают те, кто лелеет мистический образ эпохи Средневековья. В доказательство я приведу только отдельные примеры. Прежде всего – Осуществимый Обет (1454 год), который давали многие знатные бургундцы, но при этом никогда не следовали ему. Вот текст XV века:

«Ни у одного язычника нет такого обычая – давать обет, но когда язычники пируют вместе с друзьями и разгорячатся от вина, то за компанию и они могут дать обет – отправиться на поклонение в Иерусалим, Рим, Нотр-Дам-де-Лоретт или Сантьяго-де-Компостела в Галиции; но утром они вряд ли вспомнят о своем обете».

И автор этого текста лукаво добавляет:

«Я слышал, что фламандцы и прочие германцы, которые бродят по всему королевству, распевая на своем тарабарском языке, уже поднаторели в подобных начинаниях».

Но какой христианин хотя бы раз не совершал паломничество? И какой христианин не мечтает увидеть Иерусалим, Рим или аббатство Сантьяго-де-Компостела, чтобы вступить в более тесное духовное общение с самим Христом, Богородицей, святыми, чтобы получить исцеление, отпущение грехов, а заодно навестить дом или могилу признанного духовного отца? А почему бы просто из любви к путешествиям не увидеть незнакомые места, сменить на время монотонную жизнь у себя дома? Иногда пускались в путь даже из снобизма, ибо существовала мода на паломничества.

Церковь и особенно монашеские ордена были озабочены организацией паломничеств. Они вели нечто вроде туристической пропаганды, которая была способна обеспечить популярность того или иного маршрута, того или иного места поклонения, при случае создавая об этом целую поэму (в этом отношении «Песнь о Роланде» – великолепный туристический справочник). Монашеские ордена устраивали паломничества, потому что индивидуальное путешествие было в буквальном смысле невозможно. Отмечалось, что группы паломников достигали 700 и более человек. Монахи разрабатывали маршрут, остановки в пути, обеспечивали гостиничное обслуживание для торговцев и паломников, центры приема нищих, госпитали, места ночлега, создавали «инициативные группы», которые на языках паломников указывали им маршрут, горные перевалы и броды, места питьевой воды, святыни, которым следует поклониться по дороге, предупреждали о многочисленных опасностях, которых следует избегать. Монахи рассказывали предания, героические поэмы, чудесным светом озарявшие путь паломника. Естественно, говорилось и о том, что, согласно Священному Писанию, ждет грешников, которые будут осуждены в наказание, и какая награда достанется праведникам. Таким образом, монахи отвечали за «культурно-просветительские мероприятия». И это еще не все. Они публиковали путеводители, и первый из них (середина XII века) – это *Liber Sancti Jacob*⁶⁶, к нему по желанию паломников, отправлявшихся в Сантьяго-де-Компостела, даже прилагался баскский словарь. В итоге, «применительно к этим маршрутам паломничества была составлена целая дорожная карта раннего Средневековья» (Р. Латуш). Туризм той эпохи религиозный. Религиозный и благочестивый, но не свободный от опасностей, ведь паломников подстерегали разбойники, часто им на пути попадались волки, иногда дорога была утомительной и плохо размеченной вехами. Непредвиденной могла оказаться погода в горах, паломники часто заболели. Да и в самих паломнических группах могла собраться разношерстная публика. Некоторые примыкали к паломникам из желания украсть что-нибудь. Другие были кающимися грешниками, которых в целях исправления Церковь отправила в паломничество. Порой ожидаемого изменения нравов и поведения не происходило. Случалось, что паломники умирали от истощения, усталости, непривычки к чужим местам, от ненастья, незнакомой пищи. В аббатствах госпитальеров для них предусматривались кладбища. Но, несмотря на это, хроники сообщают, что в XIII веке первая группа паломников из Исландии достигла Иерусалима. Подобные путешествия не обходились без рыданий оставляемых супругов: «О, Боже! Слезы там льются дождем!»

Некоторые монашеские ордена специально создавались для того, чтобы принимать и защищать паломников. Таков был орден каноников Ронсево, каноников Гран-Сен-Бернар (они принимали паломников на самой высокой точке пути к долинам Ломбардии), орден Сен-Жак-д'Эпе, госпитальеры св. Иоанна в Иерусалиме (те самые, которые позднее обосновались на Кипре, затем на Родосе и на Мальте), рыцари-храмовники (тамплиеры). Другие, появившиеся ранее ордена – клюнийцы, августинцы, цистерцианцы, бернардинцы, уставные каноники Арруэз – устраивали приюты, монастыри и постоянные дворы на пути паломников, направлявшихся в Рим и в другие места. С самого начала своего существования орден премонстрантов создавал большие приюты для бедных, заботился о больных и охранял странников. Иногда гражданские власти (как в Герстале в Бельгии) поручали нескольким монахам попечение о строительстве приюта для «странников... потому что эти места опасны и ненадежны и здесь встречаются убийцы, разбойники и дурные люди».

Представим себе паломника, отправляющегося в путь. Слезы, стоны, молитвы, обеты Богу и святым – вот что исторгало в такие патетические моменты сердце того, кто покидал свой дом на месяцы, а часто и на целые годы, и... тех, кто оставался. Рене Седийо оставил нам следующее описание:

«Наиболее ревностные парижане отправляются в Галисию (то есть в Испанию, в аббатство Сантьяго-де-Компостела. – Л. М). Они идут дорогой, которая изобилует храмами, посвященными св. Иакову (и в Париже, и в других местах): получив благословение, посох и пирожок в церкви Сен-Жак-ла-Бушри (там находится старинная колокольня св. Иакова),

⁶⁶ Книга св. Иакова (лат.)

паломники переправляются через Сену там, где проходит улица св. Иакова, и завершают день на вершине холма в приюте Сен-Жак-дю-О-Па, основанном королем Людовиком Святым возле монастыря доминиканцев, который вскоре будет называться монастырем яковинцев (Иаков – Якоб). Затем с наступлением темноты они снова двигаются в путь и с пением псалмов и молитв направляются к другим церквям св. Иакова, которые постепенно приведут их в аббатство Сантьяго-де-Компостела».

Ярмарки

Там, где богомолье, церковь или часовня освящена во имя местного святого, там часто оказывается и ярмарка или народный праздник. Дело в том, что развлечения случались редко, поэтому хорош был любой предоставляющийся случай. Из соседних селений на ярмарку приходили, чтобы продать свои продукты. Чужеземные торговцы тоже привозили свой товар. Монахи поставляли на ярмарку свои излишки – сыры, пиво, вино, мед, масло, воск. Кроме того, они получали право ввоза всех товаров на все ярмарки в обмен на обеспечение охраны и поддержание порядка. Естественно, они занимались и финансовыми операциями.

Одной из самых знаменитых считалась ярмарка в Сен-Дени, так называемая Ланди. На нее собиралось множество людей, и она была очень пестрой: там были представлены самые различные ремесла и профессии, включая те, что вызывали недовольство блюстителей нравственности. Успех Сен-Дени не мог не возбуждать ревности, так что случались инциденты. Монтене рассказывает историю Гуго, сеньора де Бомон, который, загоровшись желанием создать себе такой же источник прибыли, какой имело бенедиктинское аббатство Сен-Пьер-де-Без (дело было в 1126 году), устроил ярмарку в собственном замке, причем в тот же день, что и празднество у монахов. «Монахи, в ужасе увидев, что их ярмарка оставлена ради новых зрелищ, обратились с жалобой к епископу Лангра», который встал на их сторону, запретив сеньору де Бомон устраивать ярмарки в своих сеньориях, а также препятствовать своим подданным посещать ярмарку в Безе. Хроника уточняет, что Гуго поклялся соблюдать это правило и поручился, что и его сын будет исполнять взятое обязательство.

Банкиры и финансисты

Аббатства, особенно в раннее Средневековье, были наиболее важными финансовыми центрами. Все в них предрасполагало к подобной роли: относительно солидные капиталы, которыми они владели, авторитет и доверие, которыми они пользовались, их международное влияние и связи (вспомним о тамплиерах), надежность, святость мест, где располагались аббатства, покровительство князей (в тех случаях, когда власть аббатов была недостаточной). Аббатства широко практиковали ссуды: давали деньги в долг частным лицам, крестьянам, чтобы те могли купить скот или землю; коммуна, феодалам, королям и императорам. Примечателен тот факт, что первые Крестовые походы широко финансировались монастырями Запады, и есть все основания думать, что монахи не прогадали. Те же монастыри финансировали паломничества в дальние края, которые, конечно же, стоили немало.

Итак, «монахи, руководствуясь духом практичности, свойственным бенедиктинскому уставу, явились настоящими предтечами в области всякого рода банковских операций на протяжении первых столетий Средневековья» (П. Гросси). Аббатства служили банками, куда вкладывались деньги и где выдавались кредиты. Они давали ссуды под залог, обеспечивали пожизненную пенсию, обращали недвижимое имущество в деньги на основании различных форм залога. Частные лица имели обыкновение отдавать монастырю на хранение самые ценные вещи, наиболее важные документы (о привилегиях, о праве на собственность), а также драгоценности. И монахи хранили все это в надежных ларцах в самом сердце аббатства.

Роль монашества еще больше возрастет после того, как ослабнут связи между владельцами земельных угодий и их управляющими, деканами и арендаторами, когда эти последние, все более обособляясь, станут внимательнее следить за колебанием цен и положением на рынке. Движимые неприкрытым желанием получить прибыль, они играли на понижение и повышение, на покупке и продаже. Разумеется, в этот период далеко не вся

банковская деятельность была «католической». Однако тамплиеры, которые в самом центре Парижа вели международные банковские дела (квартал Тамплъ напоминает нам об их присутствии), пользовались необычным правом предоставления убежища, а именно, они могли принимать и защищать налогоплательщиков, которые отказывались платить налог! Понятно, что они не пользовались расположением короля Франции.

Если бы не духовность монахов и не чистота их намерений, то банковская деятельность могла бы приобрести характер ростовщичества и наживы. Некоторые строгие папы, в частности Александр III, высказывали недовольство и произносили слова осуждения; другие же закрывали глаза. Генеральный капитул Сито, всегда наиболее реалистичный, в 1226 году одобрил банковскую деятельность аббатств.

Парадоксы монастырской экономики

Монастырская экономика в целом парадоксальна. Она строится на стремлении к бедности, и в ней прослеживается первенство расходов: это и ежедневное содержание монахов, и подаяния нищим, и нерентабельность строительства. Но при этом монастыри делались богатыми. Монахи не намеревались экономить средства, но тем не менее их экономика стала самым мощным фактором накопления в Средние века. Монастыри побуждали к созерцанию, но в результате стали специализироваться на организации, рационализации и контроле самых различных видов работ. Монастыри не платили тем, кто работает, то есть монахам, а в итоге стали патронами множества наемных работников. Монашество стремилось к уединению, но сами аббатства превратились в многочисленные центры, вокруг которых возникали селения и города. Монахи проповедовали «статичность», но не избежали необходимости пополнять свои запасы и принялись торговать излишками своей продукции, а также принимать паломников.

Эта экономика, столь ярко отметившая собой начало эпохи Средневековья, вовсе не желала быть экономикой. Она хотела прежде всего являться фактором религиозной жизни. Как по духу, управлению, повседневным проявлениям, так и по результатам. Какими бы ни были отклонения, которые обнаружатся очень скоро, монастырская экономика по своей сути останется строго церковной и духовной. Даже с марксистской точки зрения она служила «историческому прогрессу», как пишет... Вернер, профессор университета в Лейпциге (для прикрытия своей мысли поторопившийся процитировать Карла Маркса).

Ипполит Тэн писал: «Благодаря своему разумному и добровольному труду, исполняемому сознательно и ради будущего, монах производил больше, чем мирянин. Монашеский образ жизни – умеренный и заранее расписанный – приводит к тому, что монах потребляет меньше, чем мирянин. Вот почему там, где мирянин терпит неудачу, монах процветает».

Позднее такими же процветающими (и тоже против своей воли) станут пуритане. А в начале XIII века так же разбогатеют и навлекут на себя упреки вальденсов катары, исповедовавшие сходные добродетели в предшествующем веке. В этом нет ничего загадочного: монахи должны были разбогатеть неизбежно. Прежде всего, разумеется, благодаря своему труду, и мы уже назвали причины. Позднее – за счет своих способностей к управлению большими доменами и, наконец, благодаря торговле и аренде. «Библия» гласит: «Умея покупать и снова продавать, можно достичь своей цели». В итоге монахи стали такими богатыми, что «ссужали деньгами евреев». И они сделались главными торговцами на ярмарках, продолжает пылкий Гио де Провен, говоря о цистерцианцах, «мастерами посредничества и торговли».

Монашество богатело и за счет того, что при вступлении в монастырь монахи вносили свой вклад, хотя эта практика и запрещалась; за счет собственности принимавших постриг, за счет приходской службы, арендной платы, обычных платежей и отработок, полевой подати и других традиционных феодальных платежей, платы за постой и выдачу доверенности; наконец, за счет шеважа или формарьяжа, то есть уплаты за женитьбу на женщине из другого поместья или сословия, за счет пошлины на наследство, доходов от повинностей. Другой источник обогащения – завещанное имущество, которое переходило к монахам от верных, «охваченных телесной слабостью и из страха перед приближающейся смертью». Как правило, это имущество предназначалось для того, «чтобы сделать картезианца», то есть обеспечить всем необходимым

одного монаха картезианского монастыря. Иногда имущество отписывалось по завещанию из соображений моды, ради прославления умершего и членов его семьи или для того, чтобы быть помянутым в монашеских молитвах (как у картезианцев поминался Людовик XI). Завещания и пожертвования делали также крестоносцы, которые, отправляясь в путь, опасались не вернуться назад и стремились молитвами монахов снискать милость Божию (как будто сама цель этих храбрецов не была угодна Богу). Так же поступали паломники во время своего путешествия или в конце его: скажем, какой-нибудь князь, искупающий грехи своих предков. В этом отношении особенной щедростью отличались герцоги Бургундии (по правде говоря, у них были на то причины).

Например, в день св. Антония герцог Бургундский Филипп Смелый ежегодно передавал госпитальерам Сент-Антуан-де-Вьенн «столько свиней, сколько было членов в герцогской семье». Интересный критерий подсчета. С чистой совестью принимая такие пожертвования, монахи подчас проявляли расчетливость. Монтене приводит по этому поводу достаточно красноречивый факт. Один сеньор, потеряв своего сына, захотел выдать замуж побочную дочь, дав ей приданое. Монахи из Сен-Пьер-де-Без посоветовали ему не делать этого, «добавив, что если он заботится о спасении своей души, то лучше отдать монастырю то, что он предназначил для своей дочери». И сеньор сделал так, как того требовали монахи. Бесстрашный хронист так комментирует это: «Побочные дети слишком многочисленны и часто воспитываются в замке вместе с законными детьми. Следовало показать более достойный пример». Событие сие имело место в 1142 году.

Разумеется, сами дети подчас искоса взирали на подобные пожертвования, совершавшиеся ради «спасительного» одеяния, чтобы предстать пред Небесами, «облачившись в монашескую неприкосновенность» (так сказать, старинная разновидность страховки). Весьма любопытный документ в этом плане содержит картулярий Молема. Речь идет об одном сеньоре, который «по необходимости» продал часть своего состояния за сумму в сто су (в начале XII века). «Но, после того как монахи купили часть его состояния, сын, дочь и зять сеньора принялись оспаривать эту сделку». Однако наш сеньор, находившийся при смерти, стараясь «миром уладить все дело», сделал другие пожертвования, весьма неуместные, как и следовало ожидать от эпохи нерациональности: в частности, отписал служанке и ее двум детям «все, чем он владел в церкви Фушер... половину десятины, получаемой благодаря монастырскому плугу» и пр. По неведомым для нас причинам кляузники «благотворейно» дали свое согласие и положили завещание на алтарь в присутствии свидетелей.

Иногда случалось так, что умирающий, отписав монастырю шесть-двенадцать аров земли, права на мельницу или фруктовый сад, не умирал. В таком случае он делался монахом «в принципе», но обязательно подчинялся всему строю монашеской жизни. Если же он увеличивал пожертвования, то мог освободиться и от этого. Так были освобождены от своих обетов (например, паломничества в Святую землю) короли и князья, обязанности которых удерживали их в стране. Совершенно очевидно, что это освобождение сопровождалось каким-либо даром. Тамплиеры, имевшие к подобным мероприятиям самое непосредственное отношение, нажили большие богатства. Кварталы Тамплъ в Париже и Лондоне превратились в крупные международные банки, что вызывало пересуды: «Где же у тамплиеров кончается земное богатство и начинается богатство небесное?» Вполне вероятно, что они и сами толком не знали этого.

Вообще-то, пожертвования могли быть приняты только в том случае, если даритель ясно выражал свое намерение жить и умереть христианином. Капитулярий 817 года гласит: «Каждому воздастся по заслугам, а не в зависимости от размеров пожертвования». Но подчас трудно проникнуть в тайные помыслы людей. Какова степень искренности того «ростовщика», который стремится за плату быть похороненным у августинцев? И потом, всегда велико искушение принять пожертвование, сделав тем самым монастырь еще богаче. Разумеется, такие строгие монахи, как картезианцы, отказывались связывать себя литургическими обязательствами, имеющими отношение к памяти умерших. Но в других, менее строгих монастырях пожертвования были столь многочисленны, что начинали угрожать распорядку монастырской жизни: как отказаться от дара простого каменщика, который жертвовал «блюдо рыбы для монахов (картезианского монастыря) в начале Великого поста, когда будет не хватать

пайков; и на тот же период по шесть сельдей каждому монаху и по две – каждому брату-конверзу»?

В эти изворотливые и хитроумные века само пожертвование сопровождалось церемонией, которая должна была оттенить торжественность момента. Элио пишет:

«Издrevле существовал обычай отмечать принятое даяние каким-либо внешним действием. Дары и вступление во владение совершались самыми различными способами. Наиболее часто это сопровождалось передачей перчатки, ножа, рукоятки ножа, посоха, пучка травы, ветки дерева, кусочка дерева... Иногда ломали или сгибали свой нож. Приносили горсть земли из того места, которое передавалось в дар, и рассыпали эту землю перед алтарем. Иногда давали пощечину или поцелуй, иногда обрезали до крови ноготь»...

Нельзя забывать и о постоянном освобождении аббатств от всяческих налогов и податей на «зерно и вино, которое они (речь идет о картезианцах Дижона) производят на своих землях и продают затем оптом». Хорошо. Но через несколько лет те же самые картезианцы получают льготы, в соответствии с другими указами освобождающие их от налогов на «50 бочек вина, которые могут быть проданы в розницу». После битвы при Азенкуре (1415 год) Иоанн Бесстрашный вообще освобождает своих любимых картезианцев «от уплаты налогов, податей, возмещений и реквизиций, а также от сборов от платы за хранение ценных бумаг, за стражу и пр. и, наконец, жалует им право свободного доступа во все города герцогства – как им самим, так и их товарам». Сплошное удовольствие для небольшой коммерции, сказали бы мы сегодня.

Еще один источник обогащения: каждый умирающий должен был заплатить эку алексианам, которые брали на себя заботы о погребении, а также приготовить четыре факела по шиллингу за штуку. В Маастрихте это вменялось в обязанность даже евреям и еретикам.

Расходы

Монастыри имели не только доходы. С течением времени увеличиваются и расходы, становясь все тяжелее, тогда как доходы неумолимо уменьшаются. К расходам, связанным с содержанием братии монастыря, зданий и вотчин, нужно прибавить милостыню, предоставление жилья для королевских, епископских и княжеских пенсионеров (*praebendarii*), прием гостей знатных и простых, путников и паломников, прием визитаторов, членов генерального капитула, соседних аббатов. Тяжелое бремя. Архиепископы могли прибыть в аббатство в сопровождении свиты на 50 лошадях, а епископы – на 30 лошадях. Визит в такое маленькое аббатство, как Эйнсхем, проходил в сопровождении свиты, включавшей повара, девять оруженосцев, 13 слуг, трех «грумов», одного помощника повара, двух кухонных мальчиков и одного гонца. Все они требовали и получали подарки! Некоторые гости пировали слишком долго, так что пришлось сократить продолжительность бесплатного пребывания в монастыре до одного дня; сверх установленного срока гость был обязан платить. Другие расходы: госпитализация больных, общественные работы, «участие в расходах», навязывавшихся папами и епископами, князьями и королями, руководителями орденов и монастырями, оказавшимися в бедственном положении, ежегодные пожертвования, подарки, оброки, подати, военные выкупы и пр. Английские цистерцианцы заплатили более трети выкупа за плененного короля Ричарда Львиное Сердце. В 1452 году герцог Бургундии призвал своих подданных «заставить подчиниться город Гент». Картезианцы выделили ему сумму в тысячу франков. В 1424 году бургундский герцог просил о помощи, обещая, что «отблагодарит за это». Картезианцы отказались. И счетная палата Дижона объявила о том, что «монахи будут обязаны платить те же налоги, что и другие жители Дижона, безо всяких привилегий», – то есть налог на вино, продаваемое сверх установленного количества.

Стать избранным аббатом монастыря, освобожденного от налогов, обходилось очень дорого. Нужно было добраться до Рима, чтобы папа утвердил в должности, задержаться там, выплатить свой взнос. В XIII веке выборы стоили аббатству более 4 тысяч марок. Чтобы заставить платить, Рим грозил отлучением. И монахи продолжали исправно платить, пока не ослабел страх этой угрозы по причине частого ее употребления. Например, один английский аббат в 1320 году должен был уплатить 8 тысяч флоринов, чтобы избежать наказания. Налоговое бремя непрерывно росло, тогда как по различным причинам доходы монастырей

падали, приводя во многих случаях к разорению.

В XII и даже в конце XI века усердие верных христиан приобрело более одухотворенные и подвижнические формы, например самостоятельные дальние паломничества, поэтому пожертвования на них делаются более редкими. Щедрость дарителей иссякала в лице их детей, которые, обеднев, проявляли меньше желания следовать примеру родителей. Сеньоров больше притягивают города, и они отказываются жертвовать на затерянные в лесах монастыри. Эстафета переходит к новым орденам сугубо городского характера – францисканцам, кармелитам, доминиканцам... Одно аббатство в 1095–1200 годах получило 65 пожертвований, в 1201–1250-м – уже 19, в 1250–1300 годах – только шесть и в последующие века – всего два пожертвования в свою пользу. Кроме того, начиная с XIII века, пожертвования делаются в совершенно конкретных целях. Они предполагают определенные условия и по существу являются своего рода продажей, а для некоторых дарителей – средством защиты наследства от распыления, которое ему грозит со стороны соседей и алчных потомков. Снова наблюдается некоторое оживление в виде денежных даров со стороны «молодой буржуазии», адресованных картезианцам, тамплиерам, госпитальерам, цистерцианцам, но это оказалось лишь проблеском. Дух, вера, создавшие в X веке «наиболее влиятельное течение из всех, что знала экономическая история» (Ж. Дюби), к тому времени уже иссякли.

Помимо всего прочего, XIII век знаменует собой конец периода обширной распашки новых земель, использования пустошей и болот: тяжело найти конверзов, а обработка земли непосредственно монахами практикуется все меньше и меньше. Отныне плодородные земли обрабатывало само население, становившееся все более многочисленным. У монахов уже не было средств покупать землю, и им приходилось довольствоваться угодьями, прилегающими непосредственно к монастырю, и пытаться извлечь максимальную прибыль из бывших в ходу податей: из шампара, заключавшегося в поставках части сельскохозяйственной продукции; из испольтины, то есть раздела расходов и прибыли между хозяином и арендатором. Это была плохая система, ибо она порождала жестокость, тем более что сам крестьянин всегда расположен к обману, а не к уплате налога. В этих условиях цистерцианцы приобрели себе прочную и, вероятно, заслуженную репутацию жалких скупердяев.

Итак, квазимонополия аббатств, которой они пользовались долгое время, была обречена. С монахами конкурировали теперь новые центры – коммуны, приморские города-республики (прежде всего Венеция и Генуя), банки. Постоянные доходы и накопленные состояния утратили свою ценность. Отныне бенедиктинские и клюнийские аббатства вступают в нескончаемый период экономического кризиса, вынуждающего их продавать свои владения или, за неимением лучшего, закладывать свои доходы на годы вперед. Вот, например, что произошло с аббатством Сен-Пьер-де-Без в 1381 году.

«Монахи запутались тогда в огромных долгах. Их преследовали кредиторы, безжалостно заставлявшие продавать свои владения и даже угрожавшие отлучением. (Аббат тщетно пытался занять денег у какой-нибудь милосердной души)... но ни в ком не находил ни сострадания, ни милосердия: остались лишь денежные воротилы да ростовщики».

Один только мещанин из Дижона, Пийом Желинье, выказал желание прийти им на помощь, но при условии, что аббатство обеспечит его поручительство всей своей собственностью: сукновальной мельницей, трепальной машиной для переработки дубильной коры, печью, сборами податей, местами проведения ярмарок. Желинье оставил монахам лишь минимум для проживания. «В течение шести лет монахи жили малым и вновь сделались похожими на монашество первых веков христианства» (Монтене). Неизвестно, утешило ли это их самих.

Аббатства и экономический подъем

Насколько оправданно было строительство гигантских храмов и монастырей, это стремление к внушительным размерам, распыление усилий, выливавшееся в соперничество множества монастырей безо всякого учета финансовых возможностей того времени? Составлялась ли смета для какого-либо собора? Какой город или монашеский орден не изнывал под бременем этих начинаний? В самом деле, изрядное число соборов так и не было достроено

до конца, по крайней мере, в соответствии с первоначальным проектом, а потребности строительства даже самой скромной церкви в деревне всегда превышали реальные средства. И потом, скажут некоторые, зачем это «размножение» учреждений, вызванное неутолимой жадой разделения и утверждения даже в зодчестве? Все это в итоге обходилось народам Европы слишком дорого. (Не осмелишься произнести вслух то, что, во всяком случае, на душе у многих бедняков наших дней: «И для кого? Для чего?»)

На все подобные вопросы можно ответить, повторив за профессором Андре Пьеттом, что расходы монашества, на первый взгляд противоречащие законам экономики и общества, оказывали «умножающее действие» на развитие средневековой экономики, ведь неслучайно «клихорадка строительства соборов» совпала с периодом процветания в Средние века. Конечно, можно задаться еще одним вопросом: «позволяли ли технические возможности того времени развивать ремесла и торговлю везде, где возводились гигантские храмы, и благоприятствовал ли этот подъем всеобщему благополучию? Настолько же сомнительно, как и то, что условия труда в XIII веке были лучше, чем в XII».

Да будет мне позволено добавить, что, наблюдая, как расходовались деньги, находившиеся в руках дворян, командорских аббатств и даже мещан, можно только благодарить Небо за то, что эти общественные группы располагали вначале лишь частью национального дохода, а другая его часть была сосредоточена в руках людей, обладавших одновременно и духовностью, и пониманием прекрасного, и любовью к великолепию.

Наконец, следует подчеркнуть, что даже эти масштабы строительства, будто бы обнаруживающие свою антиэкономическую и антисоциальную направленность (хотя дело было не так), по крайней мере оправданы уже тем, что распространили по всей Европе соборы, церкви, монастыри, приораты, разнообразная красота которых и поныне повергает нас в изумление. Чем была бы Европа без этих свидетелей прошлого? И что мы унаследуем от тех зданий, якобы отвечающих насущным запросам человека, которые возведены за два столетия промышленной революции? Какие памятники, достойные внимания, имеющие душу, смогут завещать наши гражданские общества и наши церкви своим потомкам? Где современные Алькабаса, Тороне, Ассиза или Муассака, Риево, Эйзидельн, Вилле-ла-Виль или Мон-Сен-Мишель, а также сотни других шедевров, столь же прекрасных и столь же волнующих, о которых так интересно рассказывает Жорж Дюби?

В этом отношении коммунистическая Польша 1945 года, следуя примеру монахов былых времен, преподала Западу великий урок живой духовности. Эта страна, разрушенная, разграбленная, умерщвленная варварами XX века более, чем какая-либо другая нация в Европе, стояла перед выбором: восстанавливать ли старую Варшаву, что было бы слишком дорого, долго и не дало бы социального эффекта, или заниматься строительством жилья и хоть немного улучшить условия существования. Она выбрала спасение души и смысла жизни. Вернувшись к истокам своего прошлого и воссоздавая заново свою красоту, Польша тем самым дала духовную пищу голодному народу.

Так же на протяжении веков поступало и монашество.

Глава X

Присутствие монахов

В этой главе читатель найдет краткие сюжеты, подчас довольно красочные – например, о влиянии монашества на разговорный язык, – позволяющие лучше понять, каким образом эти люди Веры, Божьи люди, отметили своим присутствием (подчас так, что Запад и не догадывается об этом) наш маленький полуостров Азии, который именуется Европой.

Цепная реакция

Сразу же отмечу, что глубокое влияние, оказываемое монахами, не зависело от их количества. В период своего апогея францисканцы, самая многочисленная группа в истории

Церкви, насчитывали около 142 тысяч членов, и это бесконечно меньше числа чиновников в любой современной стране средних размеров. В 1400 году францисканцев было всего 20 тысяч. Доминиканцы и кармелиты насчитывали в своих рядах едва 12 тысяч членов, тринитарики – 5 тысяч, мерседарии – 300 человек... Известны аббатства, где жило от 30 до 100 монахов (в IX–X века), 150 монахов (в XII веке в английском монастыре это максимальное число), 400 – в Ключи в период расцвета ордена в XII веке. Но это были исключения, они держались недолго. В действительности же в аббатствах и приоратах всегда пребывало очень мало людей – две-три дюжины. Говоря о «„большой волне“, захватившей монашеский мир», дом Кноулс отмечает, что в период с 1066 по 1216 год количество монастырей в Англии выросло примерно от 60 до более 700, а число монахов, монахинь и каноников – примерно от одной тысячи до пятнадцати тысяч. Впечатляюще, однако при подсчете оказывается, что на один монастырь приходится лишь по два десятка монахов и только.

Таким образом, влияние монашества на всю Европу – это дело крайне узкого круга элиты, отчасти даже несколько «не от мира сего». Заслуживают внимания и некоторые другие черты: разнообразие, географические масштабы, а также та скорость, с которой монастыри возникали повсюду.

Разнообразие

Об этом можно получить представление, заглянув в словарь, помещенный в конце данного труда. Но и он не в состоянии обрисовать реальное, постоянное, повседневное присутствие монахов в каждом городе, на каждой большой дороге. Туссер отмечает, что во Фландрии XV века существовали бенедиктинцы, цистерцианцы, августинцы, премонстранты, картезианцы (в течение XIV века в Нидерландах основано 18 картезианских монастырей!), доминиканцы, францисканцы, кармелиты, братья Общей жизни, уставные терциарии и т. д. Этот перечень, который и так уже впечатляет, Туссер завершает «виллемитами» (гильомитами), реколлетами, викторианцами, обсервантами (францисканцами) и богардами. Можно не сомневаться, что он кого-нибудь еще забыл, ведь монахинь всегда было больше, чем монахов.

На одной только территории Франции насчитывалось около тысячи аббатств и монастырей – 412 бенедиктинских, 251 цистерцианский, 92 премонстрантских, 66 картезианских, а также более 2 тысяч обителей, из которых 418 – картезианских, 228 – кордельеров, 222 – реколлетов, 210 – минимов, 191 – кармелитов, 179 – доминиканских, 157 – августинских, 81 – тринитариев и пр. За исключением капуцинов, здесь были представлены все средневековые ордена.

Географические масштабы

В качестве примера рассмотрим орден Сито (далее у нас будет возможность описать миссионерскую деятельность нищенствующих орденов). Цистерцианские аббатства располагались по всей Европе: от Кинлосса в Шотландии и монастыря Лисе в Норвегии до Роккардии на Сицилии, от Валькены в Прибалтике до Сан-Исидоро в Андалусии и Алькобасы в Португалии. Чтобы прибыть на генеральный капитул в Сито, аббаты этих отдаленных монастырей должны были ежегодно проделывать путь в 1200–2000 километров, причем пешком. Какими дорогами они шли? Где переходили вброд реки? Через какие леса, пустоши, болота они пробирались? Ценой каких усилий и опасностей? Где они спали? Где питались? На каком языке обращались к народам, которые не говорили на их родном наречии? Трудно составить себе представление об этом.

В хрониках упоминается один кармелит, который, проповедуя в Артуа и Фландрии, собирал вокруг себя от 16 до 20 тысяч человек. Как он обходился без микрофона – загадка. Давка была такой, что монаха подвешивали в центре церкви, чтобы все собравшиеся могли расслышать его! Несомненно, подобные подвиги только укрепляли достоинства проповедника и интерес к нему...

И если вы думаете, что горячая вера и бесстрашное сердце нужны были для того, чтобы не затеряться в чащах Шотландии или Померании, а на дорогах «Прекрасной Франции» это уже не

требовалось, то вы заблуждаетесь. Нужны, и очень нужны, чтобы отважиться на путешествие по мерovingской Галлии после варварских набегов и даже по дорогам Франции XIII–XIV веков.

Миссионерский порыв

Вместе с нищенствующими орденами прозелитизм распростер свое влияние далеко за пределы Европы. Истинно евангельский прозелитизм, лишенный всякого духа завоевания, господства и владычества. Евангелизация «готовилась заботливо, с учетом специфики различных культур. В некоторых монастырях Испании для преподавания Талмуда и Корана к братии приглашались раввины и улемы» (А. М. Генри). Монахи уйдут в далекие земли, и многие из них не вернутся назад. В 1245 году нищенствующие ордена добрались до Грузии и Крыма. А ведь эти ордена только что были созданы. Миссионеры достигали Аральского моря, озера Байкал, Синьцзяна, Багдада, Китая – в 1298 году они обнаружили христианское королевство тангутов, которым уже было проповедано Евангелие несторианами Ассирии. Миссионеры перевели Псалтирь и Новый Завет на татарский язык. После победы, одержанной в 1258 году, монголы обрушились на Багдад, но доминиканцы продолжали свое миссионерское служение и небезуспешно, ибо сами монголы становились там епископами и митрополитами. В 1318 году папа Иоанн XXII создает церковную область Султанья (на берегу Черного моря), под юрисдикцию которой, попадали также ханства в Персии, Индии и Эфиопии. В самой Султании насчитывалось 25 церквей. Были епископства в Армении, Тавриде, Индии...

Фанатизм монголов, обращенных в ислам, реакция династии Мин после 1368 года, эпидемия чумы, большие расстояния положили конец этому гигантскому начинанию, предпринимавшемуся в местах, чаще всего враждебно настроенных к монашеству и глубоко чуждых христианскому духу Запада. В XV веке уже не осталось ничего.

Скорость распространения

Примечательна широта распространения, но еще более впечатляет скорость, с которой распространялось влияние монашества. Ибо лишь только становилось известно, что в какой-либо «пустыне» поселилась горстка людей, как буквально тут же вокруг них собирался «пчелиный рой» и новые монахи начинали закладывать новый монастырь. А через два-три года от незавершенного еще «корабля» отплывала новая группа монахов.

В этом отношении ни один орден не может сравниться с Сито. Ядро цистерцианского ордена было создано в Бургундии в 1098 году. Около 1110–1111 годов множество событий едва не погубило орден: уход основателя ордена Роберта де Молема, его возвращение по просьбе растерявшейся братии, многочисленные кончины, отсутствие новых монахов... Никакого развития. Потребовался приход юного сеньора Бернара де Фонтен-ле-Дижон в 1112 году, будущего св. Бернара, с тремя десятками спутников, чтобы начался стремительный возврат монахов, возрождение и расцвет ордена, который продолжится в течение всего XII века. В 1113 году основано Ла-Фер-те-сюр-Грон, в 1114-м – Понтины, в следующем году – Клерво и Моримон. Это были первые четыре «дочерних» аббатства, которые впоследствии сыграют главную роль в управлении цистерцианским орденом и его развитии. Очень скоро возникает дальнейшее «роение пчел»: в Италии (1120), Германии (1123), Англии (1129), Австрии (1130), в Испании и Бельгии (1132), Швейцарии (1133), Савойе (1134), Шотландии (1136), Португалии (1138), Венгрии и Ирландии (1142), Польше, Швеции и Чехии (1143), Дании (1144), Норвегии (1146), Румынии (1179), Югославии и Латвии (1208). Не говоря уже о Сирии (1157), Кипре (1169), Греции (1207), Турции (1214)...

Не следует терять из виду и тот факт, что все эти даты относятся только к появлению первого монастыря и что чаще всего вслед за ним возникали другие. Едва созданный монастырь уже порождал, в свою очередь, дочерние ответвления. Так, Омон, французский филиал Сито, основывает монастырь Уэйверли в Англии, который уже самостоятельно порождает еще 14 монастырей. Непосредственно Сито основал четыре, Клерво – семь, из числа которых Футен породил 11 монастырей, а Риево, в свою очередь, создал восемь. И так далее: только в одной Англии в 1119–1226 годах возникло 60 монастырей цистерцианцев. За один век.

В итоге этот орден, который до прихода св. Бернара насчитывал лишь 19 аббатств, в год его кончины (1153) имел уже 343. В конце XII века их было 525, в конце XIII века – около 700. Торжество духа предприимчивости, независимости и свободной инициативы.

Праздники

Христианский мир обязан клунийцам введением праздника Всех Святых (1 ноября) и праздника Поминовения всех усопших (2 ноября: *commemoratio omnium fidelium defunctorum*). Следует также вспомнить о Божием мире – с вечера среды по утро понедельника в память о Страстях Господних запрещались любые военные действия.

Св. Бернар способствовал распространению поклонения Пресвятой Деве. Главным Богородичным праздником наряду с евангельскими стало Успение. До св. Бернара св. Медард (VI век) установил празднование Добродетели (Роз) в честь «самой скромной и самой мудрой» Девы. Минимум мы обязаны поклонением 13 пятницам.

С другой стороны, монахи в некоторых случаях способствовали распространению таких культов, которые не являлись церковными, но были приняты значительной частью городского населения. Так, францисканцы ввели в обычай «крестный путь», вероятно, заимствованный из Палестины, а также рождественские ясли (елка, пихта или рождественское дерево еще долго рассматривались как атрибуты языческого обычая, который позднее сделался протестантским).

Всеобщим стало поклонение страданиям Пресвятой Девы Марии, но изначально оно распространилось благодаря ордену сервитов, чествовавших Богоматерь Семи Страданий.

В XII веке распространился еще один обычай: поклонение гостии после пресуществления Святых Даров, которое является главным моментом литургии.

Затем гостию носили с крестным ходом в Вербное воскресенье и поклонялись ей у креста на кладбище. Это стало предтечей торжественной процессии на праздник Тела Господня, который был введен в середине XIII века.

Король Франции Людовик XI, отличавшийся своим благочестием, предложил всем – и сеньорам, и вилланам – преклонять колена, когда в полдень колокола звонили «Анжеле».

Верование в «субботную привилегию», которое распространялось кармелитами с XV века, способствовало тому, что посвящение субботы прославлению Девы Марии сделалось всеобщим (в этот день женщины выполняли особые работы). Кармелиты, кроме того, ввели в обиход ношение скапулира.

Все ли подобные нововведения соответствовали духу христианства? Позволительно усомниться в этом. Говоря о четках, которые распространили доминиканцы, дом Кноулс без колебаний заявляет, что «четки – наиболее ценный пережиток среди многих других того же рода». И действительно, в любые эпохи любые общества, какой бы ни была их политическая философия, переживали искушение тем, что искали легких, даже механических средств спасения своей души, испытывая мистическое, почти магическое верование в силу ритуала, жеста, предмета и жажду чудес.

Некоторые официальные обязанности

Монахи принимали участие в похоронах кардиналов. Доминиканцы служили вечерню по усопшим, кордельеры – первую часть заутрени, августинцы – вторую, кармелиты – третью, сервиты – службы после заутрени.

Августинцы занимали должности библиотекаря, ризничего и духовника папы (1319 год). Они были «кюре Ватикана». Сервиты служили духовниками папского дома и проповедовали в папских капеллах.

Доминиканцы осуществляли цензуру всех печатных изданий, занимались продажей книг и пр. Они занимали пост «Учителя Священного Дворца».

Голоса улиц

Весьма занимательным и поучительным могло бы получиться сочинение по географии названий улиц, посвященных монашеским орденам в самых различных городах Европы. Это стало бы живым доказательством присутствия монахов. В Париже на одном только берегу Сены насчитывается шесть достопримечательностей такого рода и столько же, если не больше, на правом берегу. В Брюсселе, где революция была менее разрушительной, имеется по меньшей мере 16 таких памятников (их было более 30); 17 – в Льеже; десятков – в Милане, не считая улиц, поменявших свое название. И так далее.

Еще интереснее посмотреть, какие ордена упоминаются почти повсюду (кармелиты, августинцы, капуцины, францисканцы-реколлеты и др.), а какие – редко или никогда (например, цистерцианцы – сугубо сельский орден, или иезуиты). Но существуют улицы Картезианцев (в Бордо улица Шартрон напоминает о том, что здесь в былые времена стоял картезианский монастырь).

Также весьма любопытно проследить, какие ордена представлены в том или ином городе и даже в той или иной стране, а где они не представлены вовсе. Существует ли улица Алексан или улица Богардов во Франции и Италии, подобно тому, как первая имеется в Брюсселе, а вторая – в Лувене? Одна парижская улица носит название улицы Бонанфан или Братьев Общей жизни, встречается ли это же название в каком-нибудь другом французском городе? В Париже была улица Брусочков, позднее переименованная в улицу Архивов; возникает тот же вопрос. В Льеже мы найдем квартал Гильоминцев, в Париже – улицу Гильомитов в IV округе, но кроме этих я не знаю иных следов, оставленных учениками Гильома де Мальваля.

Культура

«В действительности, вся церковная культура (которая во многих отношениях долгое время оставалась единственной культурой) вплоть до конца XII века находилась в сильной зависимости от монашеского влияния», – пишет дом Жан Леклерк. Он настойчиво подчеркивает, что существовала подлинная монастырская культура, отличная от схоластической культуры. Изначально это была контркультура, сугубо христианская и однородная во всех сферах искусства (миниатюра, поэзия, скульптура, архитектура, музыка), мышления (теология, духовная литература, обычаи) и богослужения. Несомненно, эта культура была менее энциклопедической по сравнению, например, с культурой гуманистов, но более самобытной, более глубокой и вдумчивой и самым непосредственным образом отвечавшей самым существенным нуждам и запросам человека.

Монахи оказывали влияние первостепенной важности не только в различных областях общеевропейской культуры, развивавшейся на латинском языке. Они играли также главную роль в «защите и прославлении» так называемых «вульгарных», «народных» языков, распространяя героические поэмы, отмечавшие собой путь паломников (легенду о четырех сыновьях Омон, созданную аббатствами Ставло-Мальмеди; цикл, посвященный Вильгельму Оранскому в Сен-Гильгем-ле-Дезер; вспомним также и кантилену Св. Евлалии, самую древнюю поэму, написанную на французском языке в IX веке в монастыре Сент-Аман). Это замечание касается не только французского языка, но практически всех языков Европы.

Калыме сообщает, что в некоторых конгрегациях, в частности в Сен-Мор, важные документы, например устав, переводились на местный язык. Это делалось по желанию братьев-конверзов, не понимавших латынь. Тот же автор упоминает и о том, что в дни постов использовался только французский язык.

Музыка

Первоначально каждая нота соответствовала букве алфавита: ля – А, си – В, до – С и т. д. (эта система сохраняется и в наши дни в Германии). Вполне возможно, что первым начал использовать эту систему нотных знаков Одон, аббат Ключни (конец X века). Изобретение нотного стана из четырех линий приписывается Гвидо д'Ареццо (XI век), уроженцу Парижа, который воспитывался в аббатстве Сен-Мор-де-Фоссе и умер в Ареццо. Гвидо еще не пользовался нотными знаками и изображал на нотном стане либо буквы, либо невмы. Для

объяснения расположения интервалов он пользовался первой строкой гимна «*Ut queant laxis...*» («Чтобы могли отзываться в усталой душе...»), музыкальные фразы которого всегда начинаются на тон или полтона выше, чем предыдущие. Слог первого слова – первая нота фразы, он и послужил названием этой самой ноты:

До – *Ut queant laxis*,

Ре – *Resonate fibris*,

Ми – *Mira gestorum...* и т. д.

Вслед за известным музыковедом Г. Риманом можно смело утверждать: «История и теория музыки большей частью своих открытий и своим развитием в эпоху Средневековья обязана ордену бенедиктинцев».

Нравственное влияние

Первые монахи, эти подчас суровые и стремительные люди, порой успешно воздействовали на трудно управляемых людей, оказывали на них решающее моральное влияние (делали их цивилизованными в прямом смысле этого слова).

Для иллюстрации расскажем всего две истории, хотя несложно было бы найти еще сотню примеров в том же роде. Король Франции Людовик VII (1137–1180), благочестивый человек, «отнюдь не малодушный», играл в шахматы, когда ему доложили о прибытии брата Жерара, картезианца, которого король очень боялся (и который, что примечательно, оставил свое драгоценное уединение...). Шахматная доска исчезла, но не так быстро, и Жерар успел увидеть ее. Монах, по сообщению хрониста, тотчас же заметил королю, что «было бы лучше подумать об исправлении своих прегрешений, а не предаваться рассеянной праздности».

Другая столь же назидательная история. Аббат Бернон выбрал для Ключни место в дремучем лесу как раз там, где любил охотиться сеньор Вильгельм де ля Фер, герцог Аквитанский. Аббат повелел ему: «Прогоните ваших собак и призовите к себе монахов. Когда вы предстанете перед Высшим Судией, вам лучше будет находиться в окружении молящихся о вас монахов, нежели лающих псов». И, похоже, герцог его послушался.

Присутствие монахов в разговорном языке

Если и есть доказательства того места, какое занимали монашеские ордена на протяжении столетий в жизни и мировосприятии Запада, то это, конечно же, множество выражений, вошедших в язык и определявших некоторые типичные черты монашеской жизни (или предполагаемые таковыми). Иногда эти выражения наполнены юмором, при случае – симпатией, но чаще всего – резкой насмешкой. Чтобы убедиться в этом, достаточно отметить, что во французском языке (как, впрочем, и в большинстве европейских) все слова, образованные от слова «монах» – «*moine*», имеют уничижительный смысл (*moinaille* или *moinerie* – монашеская братия, *moinesse* – монашка, монахиня, *moineton*, *monette*, *moinillon* – монашишка, *moiniot*, *monacal* – монашеский, *monacaille* – монахи и даже *monachisme* – монашество). Только слово «воробей» – «*moineau*» в связи с аллюзией цвета оперения, как говорится в тексте 1348 года, составляет исключение из этого правила.

Не лучше обошлись и с братьями, канониками, монахинями и монашками: «толстый, как монах» (или как каноник); у англичан – *as a priest*. Народная ирония проявляется в этом же образе: «*gordo como un frade*», и итальянцы добавляют к этому свое пояснение: «*Preti, frati e polli non sono mai satoli*» («Попы, братья и цыплята никогда не бывают сыты»). Англичане говорят в том же случае: «Попы, братья и море». Есть «*a los frailes*» для испанца означает «есть прожорливо, жадно». И еще: «Монах, просящий хлеба, возьмет и мясо, если ему подадут». «Он проглотит котелок францисканца», – говорят про такого обжору, который готов проглотить даже малоприятное и тяжелое для желудка содержимое монастырского котелка.

Разумеется, если монах напьется, о нем скажут, что он «сизый, как францисканец» (намек на цвет одежды этого ордена).

«Ждать кого-то, как монахи – аббата» – это значит... вовсе не ждать опаздывающего на званый ужин, подобно тому, как монахи не дожидаются своего аббата, если колокол трапезной

созывает их к столу. Отсюда – забавный рефрен одной монастырской песенки: «О, блаженный желудок никогда не опаздывает!»

А вот еще пословицы, в которых фигурирует аббат. «Как аббат напевает, так монах и отвечает», – она встречается во многих европейских языках. «От одного монаха аббат не пострадает». Или, согласно Литтре: «Отсутствие какой-либо персоны не мешает делаться делу». Это намек на то, что, как мы уже говорили, во время избрания аббата было необязательным присутствие абсолютно всего «электората». «Самый мудрый аббат – тот, кто был монахом»: это напоминание о том, что тот, кто прежде побывал в положении подчиненного, будет руководить без лишней строгости (что справедливо отнюдь не всегда).

Затем тон становится более агрессивным: «Лучше самому пожить в своей вотчине, чем отдать ее монаху-бродяге». Тем более что известно: «Одежда не делает монаха». Аналог этой пословицы мы найдем в голландском языке: «Не все монахи, кто в черных плащах», а также в английском, польском, испанском, итальянском, португальском. И если предположить, что он действительно монах, не следует ли опасаться, что он заплатит «монетой францисканца» (то есть обманет), как сказал бы немец. Француз же скажет: «Заплатить монетой обезьяны».

Но есть и другая точка зрения. «Монастырская вышивка» означает столь кропотливую и искусную работу, которая могла быть выполнена только в тиши монастыря; а терпеливые исследования и нескончаемые труды конгрегации Сен-Мор (св. Мавра) породили красноречивое и хвалебное выражение «бенедиктинская работа» (по-итальянски – «францисканская работа», по-голландски – «монашеская работа»). Итальянское выражение «*menar vita da certosino*» («вести жизнь картезианца») напоминает о целомудренной жизни учеников св. Бруно. Испанское выражение «Братья ордена Мерси малочисленны, но они творят благо» – свидетельство безграничного самопожертвования мерсидариев. «Это говорят даже босоногие братья» – босоногие кармелиты пользовались значительным авторитетом. Выражение «говорить на латинском языке с францисканцами» – косвенная похвала учености этих монахов, означающая: говорить о вещах, которые малознакомы, с людьми, которые разбираются в них гораздо лучше.

Но сколько раз весы с народными поговорками склонялись не в пользу монашества! Напомним о слове «иезуит»⁶⁷, которое во всех европейских языках имеет смысл «притворщик». Или выражение «пить как тамплиер» в немецком варианте: «Кутить изрядно, как рыцарь св. Иоанна». Итальянское выражение «*discrezione da frati*» – «скромность монаха» – есть синоним слова «нескромность». Вспомним и кастильскую поговорку: «Брат-монах, огонь и вода быстро прокладывают себе дорогу», в которой указывается на упорство и настойчивость, иногда даже настырность братии. Или еще выражение, намекающее на алчность нищенствующих монахов: «Брат, который следует уставу, у всех берет и ничего не дает».

Решительно все вызывало насмешки, даже бедность, которая действительно соблюдалась. Выражение «ехать на муле францисканцев» означало просто «идти пешком». Святое послушание истолковывалось как безропотность или совершенное отсутствие инициативы: «Как аббат запеваает, так монах и подпевает». Как обеспечить себе спокойную жизнь? Итальянская пословица гласит: «Я держусь вместе с братьями и обрабатываю свой сад» – на манер Кандида или почти так же.⁶⁸ Воздержан ли монах? Его упрекают в лицемерии: «На воздержанного брата смотри издали и ничего не говори ему» – то есть не доверяй ему. Терпим ли он? Его обвиняют в такой «широкой совести, как рукав францисканца». «Вручить кому-то монаха», согласно Литтре, значит «принести несчастье». Происхождение этого выражения неясно, но слово «монах» в нем есть.

Недоброй репутацией пользовались и капуцины. «Говорить как капуцин» – значит

⁶⁷ По этому поводу Литтре цитирует забавную поговорку: «Испанец без иезуита – все равно что куропатка без апельсинов», которая объясняет другой оборот речи: «Хорошо поесть куропатку и без апельсинов», то есть надо «уметь довольствоваться чем-то одним хорошим, не стремясь к излишествам». А так обычно иезуит и испанец составляют пару, как куропатка и апельсины... (Прим. авт.)

⁶⁸ «Моя хата с краю – ничего не знаю», – скажем мы. (Прим. ред.)

гнусавить. Верить «по-капуцински» означало ограниченную и формальную веру. Во всяком случае, цвет и форма их одеяния дали название знаменитому итальянскому капучино...

И все же знак симпатии: «Лучше грубость монаха, чем лесть дворянина». Правда, дворянин оказался льстецом только по причине недоверия к другой социальной группе. Вспомним также: «Писать для своего монастыря», что эквивалентно выражению: «Проповедовать в интересах своей капеллы (или прихода)». Или: «Когда дождь льет над кюре, капли падают на церковного сторожа» (или еще ктитора). И наконец: «Вот странный целестинец», – согласно Литтре, говорят у чудном человеке. Выражение это происходит, если верить Ришле, от обычая, в соответствии с которым целестинцы были освобождены от определенной повинности, но при условии, что брат-целестинец будет шествовать впереди тележек с вином и с веселым видом подпрыгнет, проходя мимо дома городского главы (в данном случае в Рауне)...

Монахи, растения и животные

Если вековые насмешки часто были обидными для монахов, то вряд ли это можно сказать о тех птицах и рыбах, названия которых отражают скрытое сходство с самими монахами: в данном случае это свидетельствует только о популярности.

Во всех языках примеры бесчисленны. Скажем, французское слово «якобинец» последовательно означало птицу (садовую овсянку), разновидность утки, гриб; «монахиня» – два вида синиц; «картезианец» – породу голубовато-серого кота родом с мыса Доброй Надежды, который, вероятно, был завезен во Францию учениками св. Бруно, а также название гриба и сорт тюльпана (во французском и португальском языках). Почему? И почему тунца называют «теленком картезианца»? Даже мой ученый друг из Гранд-Шартрез не знает этого. Напротив, он напомнил мне, что существует лилия св. Бруно, которая растет именно на одном из лугов Гранд-Шартрез на высоте примерно 1400 метров. Также есть гвоздика картезианцев, *dantis cartusianorum*, полевой цветок розового цвета.

Слово «проповедник» (*precheur*) во французском языке означает жука-богомла (по причине его привычки к выслеживанию) и майского жука в диалекте Брюсселя (*predikeer*). В португальском и итальянском языках «доминиканец» (как и «брат») обозначает целый ряд птиц, одна из которых «кардинал»; а во французском языке «доминиканцем» называются разные растения, из семян которых изготавливают четки.

Если измерять популярность ордена количеством порожденных им выражений, несомненно, пальму первенства следует отдать капуцинам. Название этих бородатых и живописных францисканцев в разных вариантах встречается в большинстве европейских языков. Во французском языке – десятки выражений, где присутствует слово «капуцин». «Борода капуцина» – так называются гриб и салат (в польском языке тоже); капуцинами и кардиналами названы различные сорта цветов и еще каперс (в английском и голландском); различные породы птиц (в английском – порода голубя, в немецком – галка); обезьяны (по-английски); майский жук (по-немецки), разновидность кресс-салата (по-английски), кочанная капуста (по-итальянски), кокон шелковичного червя (по-итальянски), игра, часть одежды и много иных вещей.

Но самым распространенным во всех языках остается общее название – «монах» – *moine*, *friar*, *monje*, *frate*, *monnik* и пр. Во французском языке слово «монах» обозначает самые различные цветы (включая мак, неизвестно почему), виды рыб, насекомых, два вида тюленей, бесчисленное множество хищных птиц в Африке и более невинных птичек, из которых самый известный воробей (*moineau*). Испанское слово «*frailecisco*», то есть снежный воробей, напоминает об обычном «*fraile*». «Монахом» называют также волчок, грелку (во французском, английском и итальянском), пузырь в слитке стали или железа (в английском и голландском) и др. Также почти во всех языках Европы типографии используют название «монах» для плохо отпечатавшегося листа, белые и черные полосы которого напоминают об одеянии кармелитов. Итальянское «*frate*» и «*monaso*», но только в Центральной и Южной Италии, обозначают девять видов насекомых, одиннадцать пород птиц, рыб и пр. То же самое можно сказать об употреблении в испанском языке «*gaile*» и «*monje*»; в английском – «*friar*» и «*monk*», в

португальском – «monge».

Почему?

Но от какого же монастырского обычая произошло название «суп по-якобински» для похлебки, в которую добавлены миндальные орехи, рубленое мясо куропатки, яйца и сыр? Или почему разновидность пряника именуется «картезианцем»? То же самое название имеет и овощное рагу. И почему «frati» – это сладкое блюдо? Не говоря уже о непочтительном «pet-de-nonpe», то есть пончике; «монашками» называются также маленькие пряники, которые, вероятно, впервые начали выпекать в женских монастырях.

Фармакопея

Выше мы уже говорили о той важной роли, какую монахи играли в изучении лекарственных растений и составлении лекарств. Об этом могут достаточно свидетельствовать такие названия, как «порошок картезианцев» (минеральный кермес), «friar's balsam», то есть бальзам росного ладана, «hesuit's tea» – чай иезуитов, «Jesuit's drop, Jesuit's bark» – мате (парагвайский чай).

Монастырские часы

Похоже, что именно утренняя (matines) поразила воображение настолько, что это слово вошло в многочисленные выражения (чего нельзя сказать, к примеру, о девятом часу, ранней заутрене или вечерне): «Он рассеян, как первый удар к утрени». «Повторить утрению» – значит «избить». «Петь величание на утрени» – делать что-то некстати. «Хороший звон к утрени – половина службы». «Конец дурного дела хуже утрени» (по поводу еще более досадных последствий дурного дела) и пр. Конечно же, не забывали и брата Иакова⁶⁹, которому напоминали вовремя звонить к утрени.

Фамилии

Фамилии – это еще один показатель значимости присутствия монахов в средневековом обществе. Не будем говорить о таких очевидных примерах, как Лемуан, Муане, Муано, фламандская фамилия Де Мюинк, а также Кан(н)он(н) или Левек (буквально «возносящий дары»). Менее наглядны такие фамилии, как Каппар, Капар, Капе, Каппати; в их основе лежит латинское слово «сарра» – то есть «кап» – плащ с капюшоном (отсюда же «шапка», «капеллан», «капелла» и др.).

Бара, Баре, Барро – эти фамилии содержат намек на полосатое (по-французски «гауе») одеяние кармелитов. И отсюда же – Райе, Райез.

Монахи обителей (claustrum) и монастырей (monasterium) также оставили свой след в фамилиях: Мутье, Мустье, Мусты, Дюмутье, Клостр, Клострье, Клостерман; а еремиты – в фамилии Лермитт; затворники же – Леклю, Реклу, Клюизенер; монахини – Денонн.

Братья-минориты отзываются в фамилиях Фреминер, Птифрер, Реколле и даже Фриар (от английского слова «брат»).

Наконец, несколько сомнительная секта бегардов или богардов породила фамилии Бего, Беген, Бега и, возможно, Лебег.

Паломничества и ономастика

⁶⁹ Жак – разговорное «мужик», «дурачок», «простофиля». Мы говорим: «Гром не грянет, мужик не перекрестится»; французы же рекомендуют своему брату Жаку звонить вовремя. (Прим. ред.)

Вот прозвища паломников, которые побывали в Риме: Роме, Роме, Рёмер, Ромье, ставшие именами. О принесенных ими ветках напоминают имена Пальм и Паумен.

Те, кто побывал в Сен-Жак-де-Компостель (Санть-яго-де-Компостела), прозывались Жако, Жакобит, Жакобипет, Жаке или Кокий, Кокель, Кокерий.

Паломники (Пельрен, Перегрэн, Пельгри, Пельgrim), вернувшиеся из Мон-Сен-Мишель, получали прозвище Микло.

Монахи в городе

Я не собирался расписывать в этой книге, какое место занимали монахи в развитии демократических теорий Средневековья. Выше я уже говорил о решающей роли Церкви в целом и монашества в частности в выработке и применении на практике избирательных и совещательных процедур. В равной степени многим обязаны монахам соборные доктрины, утверждавшие «народные» истоки верховной власти, примат собрания народных представителей, подчинение праву и идее справедливости, задуманной как делегирование полномочий согласно общей воле. Анализ подобных теорий потребовал бы написания отдельной книги по праву и справедливости. И наконец, невозможно переоценить ту роль, которую некоторые аббаты сыграли в жизни своего века. В этом отношении наиболее яркий пример являет собой св. Бернар. Без него его время никогда бы не пережило такого нравственного и духовного обновления, как при его участии.

Наше намерение – лишь кратко охарактеризовать роль монахов среди людей, сказать об их присутствии в повседневной жизни городов и селений. Образованные, усердные, пользующиеся доверием, в общем-то, отрешенные от мира сего, уважаемые, несмотря на язвительную критику в свой адрес, обладавшие признанным духовным авторитетом монахи составляли организованную и самоотверженную группу, готовую к служению гражданскому обществу, осознающую свою роль в нем.

«Начиная с общего собрания граждан перед церковью, – пишет Менджоцци, – и вплоть до назначения должностных лиц, во всех этих проявлениях общественной и правовой активности городской общины можно обнаружить подражание церковным системам и формам».

Ставски, хороший знаток проблем, связанных с происхождением мажоритарной системы голосования, также отмечает: «В Англии... наблюдается прямое влияние Церкви и канонического права на введение мажоритарной системы». А вот мнение такого авторитетного автора, как Конопсинский: «Похоже, что только в середине XVI века под влиянием Церкви установился обычай точно подсчитывать голоса коммун в наиболее деликатных случаях... И, вне всякого сомнения, что именно под влиянием католической церкви начал развиваться принцип мажоритарности, распространившийся по всему итальянскому полуострову».

Церковь сыграла роль даже в организации некоторых коммун. Так, в частности, произошло в Марселе: освобождение этого города из-под власти феодального сеньора в самом начале XIII века состоялось благодаря братству Святого Духа, основанному в 1212 году.

В случае безрезультатности выборов или социальных противоречий (как в Милане в 1256 году) итальянские коммуны часто призывали на помощь монахов, чтобы разработать устав, председательствовать на выборах, выполнить функции арбитра. Пертиль упоминает об одном тайном голосовании, имевшем место в Пизе в 1286 году в присутствии двух братьев-доминиканцев и двух миноритов. Совершенно очевидно, что монахи и священники, сталкиваясь с проблемой выборов, которые осложнялись нерегулярностью и несоблюдением решений, принятых большинством голосов, сразу же вспоминали об обычаях церковной среды. Описывается случай спорных выборов (в Верчелли), где в первом туре голосования братьям-монахам было доверено раздавать избирательные бюллетени, дабы, по словам хрониста, «уничтожить всякое подозрение». Именно по этим причинам горожане чаще всего и призывали братьев из городских монастырей. Иногда монахам поручалось избрание властей на первой ступени или, как в Вероне, даже самих членов магистрата. В Венеции они формировали из членов городского собрания состав Большого Совета.

Вне всякого сомнения, монахи были могущественными и уважаемыми арбитрами, ибо они не являлись ни избирателями, ни избираемыми, мало участвовали, по крайней мере

непосредственно, в делах коммуны, не могли оставлять завещаний или участвовать в ином наследовании. Часто они хорошо знали то, что замышляется или делается в других коммунах через посредство братьев своего ордена.

В принципе, монахам были недоступны официальные должности в органах городского самоуправления. Они не платили налогов, поэтому не могли являться судьями или чиновниками. Тем не менее специально для монахов оставлялись отдельные должности. В XIV–XV веках такие случаи имели место в Брюсселе и Антверпене (а также в Цюрихе, Лейпциге, Лувене, Цутфене и пр.), когда эшеваны⁷⁰ призывали клириков, чтобы поставить их во главе канцелярии суда коммуны.

«Исполнение обязанностей, свойственных мирянам, несовместимо с духовным званием. Но это звание не служило препятствием для его обладателей, – пишет по этому поводу М. Паке. – Магистрат использовал услуги как клириков, так и мирян; и от тех, и от других требовались одинаковые гарантии, и им поручались одни и те же дела».

Монахам часто доверялись особо важные поручения: хранение печати (Флоренция, 1308 год), коммунальной кассы, коммунальных архивов (Чьери), взимание дорожной пошлыны. В Бретани нищенствующие монахи участвовали в заседаниях герцогского совета. В частности, кармелиты выполняли щекотливые обязанности в сфере налогообложения и финансов. Францисканцы Ванна взяли под свою опеку Счетную палату (Г. Мартен). Некоторые конгрегации, вроде Сент-Клод, получили разрешение чеканить монету. Монахи-бенедиктинцы из Сен-Пьер-ле-Без были обязаны в дни проведения ярмарок проверять у торговцев весы, гири, локти, меры для масла, вин, зерна. Это называлось правом «эгандильяжа».

И это еще не все! Гумилиаты выполняли функции сборщиков ввозных и дорожных пошлыны и хранили у себя ключи от склада боеприпасов. Нищенствующие монахи служили капелланами коммунального ополчения. В некоторых городах цистерцианцы сторожили гавани и арсеналы, крепостные стены и укрепления, выполняли функции квесторов и управляющих, подсчитывали голоса на выборах. Их призывали для наведения порядка в финансах Кёльнского архиепископства. Конверзы ордена Сито привлекались к обязанностям «буллаторов», то есть они ставили печать – «буллу» (*bullā*, по-латыни «свинцовый шарик») на официальных документах. Правда, это ответственное дело поручалось им потому, что они не умели читать.

Имеется по меньшей мере четыре случая прямого влияния монахов на политическую практику. Прежде всего обычай пожизненного назначения эшеванов, отмечаемый Пиренном во Фландрии и Валлонии (только в XII веке выборы сделаются ежегодными).

Руффини также упоминает несколько случаев, когда в гражданских установлениях появляется понятие «*saniorite*», здравого смысла. В 1254 году в Барселоне зафиксирован принцип: «*Vincat sententia meliorum*» («Пусть превалирует мнение лучших»), а около 1118 года – в «*Leges Henrici*» («Уложении Генриха») сказано: «*The majority by rank, repete and sound judgment*» – «Большинство по рангу, доброй славе и здравому суду».

Далее, «обеты», даваемые кандидатами, представляли собой обычай, известный нам из солидного труда дома Шмица. Как ни противоречила эта практика духу бенедиктинского устава, но она укоренилась в среде монашества с VIII–IX веков.

И наконец, в Венеции существовал так называемый оппонент, которому по примеру *avocatus diaboli*⁷¹ в брачных делах и в процессах канонизации надлежало выполнять роль противной стороны, чтобы вопрос был изучен лучше.

В современном обществе

Некоторые (и не только неверующие) спросят: имеют ли смысл столь строгие правила, постоянные требования, тягостные лишения, суровая дисциплина, – все то, чем была и

⁷⁰ городской советник, член магистрата городской управы.

⁷¹ Адвокат дьявола (лат.)

продолжает быть жизнь монахов? Ответ же таков: несомненно, да. В подтверждение этого я процитирую одного писателя, любителя спорта: «Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы – нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух»... Это слова апостола Павла (1 Кор. 9: 25–27).

И это не единственный случай, когда современный мир, сам не ведая того, встречает на своем пути ценности вечно живого мира монашества. Есть еще множество других примеров, и откровенно говоря, мне кажется, что наше общество частенько испытывает некую тоску по этому монастырскому миру, далекому и близкому одновременно. Не то чтобы это была ясная идея, но современное общество сталкивается с проблемами, которые заставляют его мечтать о мире и покое, о сени деревьев и тишине, об уединении и сосредоточенности: *solutio, inclusio, silentium*. Разве эти слова, определяющие картезианский образ жизни, не вызывают ностальгических чувств у наших современников? Послушаем, как св. Петр Дамианский обличает мирскую суету: «Чума суетливости... Жизнь их проходит тщетно». Разве он так уж далек от чаяний наших с вами современников? Или далек от наших грез Гримлекус, восхваляющий садик ереmitа с душистыми травами и животворящим воздухом? Не является ли подобный сад тем, что сегодня мы называем вторым домом, и разве неслучайно слово «шартрез» (буквально «жилище картезианца») в XVIII веке служило для обозначения маленького уединенного сельского домика? Тишина вдали от гула времен, позволяющая задуматься о главном, диалог с самим собой, блаженное одиночество внутри общежительной жизни... Это поиски душевной тишины. Неужели они чужды нашему обществу? Марсель Пруст говорил, что книги – это дети одиночества и молчания. Разве мы не испытываем того же? И не забываем ли мы о том, что все великое и прекрасное, сделанное человеком, сотворено им в мире души и мирной тишине мастерских, библиотек, лабораторий – или монашеских келий?

Современно и «миротворческое дело», вдохновлявшее этих безоружных добровольцев – клириков, монахов, кающихся грешников, паломников, живших в обществе страха, крови и хищничества. Они станут предвестниками сторонников «пассивного» сопротивления, тех, кто отказывается от несения военной службы по религиозным убеждениям, вроде закваски в Евангелии, «которую женщина взявши положила в три меры муки»...

Актуально и стремление быть «*pauper Christi!*» (бедняками Христа, нищими духом), бесконечно проявлявшееся в течение столетий: быть экономически безоружным, целиком посвятить себя духовному труду, труду художественному, ремесленному, – труду человека и в меру человека.

Всегда современна и реакция нищенствующих орденов на «общество потребления» их эпохи, когда впервые за долгое время появились огромные состояния, роскошь, дух наживы, то есть стремление к неограниченной Прибыли.

Наконец, актуально и отсутствие постоянного жилища, «нет иного крова, помимо церкви», этот сон на решетках, досках, прямо на земле, если молитва не заставит забыть про усталость...

Средние века характеризуются жизнью сообща, наличием связей человека с человеком – уз верности и вассалитета. Но присущее ереmitам видение мира – это существование в одиночестве, антисоциальная жизнь во многих отношениях. Жизнь ереmitа или отшельника по существу антифеодальная, антиклерикальная, даже отчасти антимонашеская (Б. Блиньи). Ереmit любил природу, животных. Он хотел быть независимым, самостоятельно путешествовать, быть вдали от людей и в лесу, и на море, и в пустынном скиту. Он хотел вести жизнь свободного человека в поисках уединения, молитвы и мира – жизнь в конечном счете парадоксальную, ибо это было «призванием в орден без настоятеля, делами милосердия без братии и апостольским служением без дел» (Ж. Леклерк). Так ли уж мы далеки от этой контркультуры и образа жизни, которые составляют предмет мечтаний нашей современной молодежи? Результаты опроса, проведенного Жаном-Пьером Корбо и опубликованного недавно в «Нуфель Литтерер», показывают, что основные идеи молодежи таковы: возврат в деревню и отказ от городской жизни, простое и здоровое «природное» питание, ценность уединения и жизни в ограниченном кругу, новые формы человеческих отношений, поиски духовной тождественности и особенно «возможность вернуть сакральность повседневному труду». Эта бессознательная ностальгия по определенному типу монашеского образа жизни

проявляется также в столь распространенном вегетарианстве, в голодовках протеста, в отказе от собственности, в ношении бороды, иногда даже в неопрятности...

В этом нет ничего необычного. Совершенно закономерно, что после грандиозных потрясений последнего века с его индустриализацией, кризисами, колонизацией, научными открытиями, войнами и революциями современный человек ищет мира. Мира в мире. Мира в душе. Мира, который искал монах в жестокой эпохе Средневековья.

Некоторые слова религиозного происхождения

Церковь играла активную роль в средневековой действительности, поэтому она и оставила бесчисленные следы своей многообразной и глубокой деятельности. Фердинан Брюно приводит список слов, происходящих из Вульгаты и богословских трудов, далеко не исчерпывающий. Я не буду приводить здесь этот список, ограничусь лишь тем, что дополню его некоторыми словами, на первый взгляд ничем не выдающимися своего церковного происхождения.

Я уже упоминал и комментировал слова «выборы», «компромисс», «голос», «баллотировка», «обнародование», относившиеся к церковной избирательной процедуре.

Другое слово церковного происхождения – «пропаганда» от латинского «De propaganda Fide», названия конгрегации, созданной в 1622 году в целях распространения (или пропаганды) веры.

«Бегин»: изначально это слово означало головной убор, который носили бегинки, и, похоже, родственно слову «beggen» – «просить милостыню». Французское выражение «заполучить бегин» означает «влюбиться в кого-либо».

Делать выговор в собрании капитула – по-французски «chapitrer». Само слово «капитул» произошло от обычая читать главу из устава перед началом заседания. «Иметь голос в капитуле» – обладать правом взять слово перед собравшейся братией, а значит, обладать определенным авторитетом и некой компетенцией. «Капитуляцией» называлось соглашение, заключенное на капитуле, и слово «капитулировать» означало тогда «достичь соглашения», а затем с XVI века – «сдаться в соответствии с соглашением».

«Праздничный день» (fete chomee) – день, ознаменованный прекращением всякой работы. Родственно позднелатинскому «caumare» – «отдыхать во время жары».

В IX веке слово «collation» (современное значение «легкий ужин») означало «соглашение», «обсуждение», затем – «конференция», «собрание», а также «выступление», «речь». Св. Бенедикт (Устав, XLII, 6) советует читать по вечерам «Collationes» («Сопоставления») Кассиана или жития святых отцов. После этого чтения возник обычай немного перекусить, так и появилось это значение. Во французском языке слово возникло в 1287 году.

Слово «сверка» («считка») – «collationnement» – в значении «сличать копию с оригиналом» происходит непосредственно от латинского «collatio», «conferre», то есть «сравнивать», «сообщать». В 1361 году это слово появилось у Орема.

«Congru» – буквально «то, что подходит в точности». Однако с тех пор, как это слово начало означать пенсию, которую владелец бенефиция назначал приходскому кюре, во французском языке оно приобрело более узкий смысл («скудный»), который присутствует в выражении «скудная доля».

Слово «донос» долгое время употреблялось обвинительным капитулом в значении «доклад», «сообщение». Только позднее это слово приобрело уничижительную окраску.

«Камай или домино черного цвета монахи носили зимой», – пишет Элио. Затем домино («domino») стало маскарадным костюмом, позднее – игрой (связь с его цветом). Несомненно, это слово произошло от выражения: «Benedicamus Domino» («Благословим Господа»).

«Energumene» («одержимый», «бесноватый») – слово, связанное с «энергией», «силами», означает «одержимый демоном».

«Галерея» происходит от слова «Галилея». В ордене Ключи оно означало крытую церковную паперть, вероятно, в связи с самой Галилеей, где люди толпились вокруг Иисуса,

внимая ему.

«Indispensable» («обязательный», «необходимый»). Элио рассказывает о монахах, обреченных на «постоянное соблюдение принципа обязательности предписаний Устава», которые невозможно обойти или получить освобождение от их выполнения. Вне всякого сомнения, первоначальное значение французского слова «освобождение, льгота» («dispense») церковного происхождения.

Слово «lavabo» («умывальник») первоначально означало полотенце, которым священник вытирал свои руки после совершения проскомидии согласно формуле: «Lavabo manus meas» – «Я умываю руки». И только в начале XIX века этот священный термин сделался обиходным.

Слово «монахиня» («nonne») имело неожиданное значение... «кормилица» («nourrice»). Слово мужского рода «nonnus» существовало в смысле «отец-кормилец» и «монах».

«Пребенда», «провиант» (prebende, provende) от латинского «praebenda» – «то, чем надо снабдить», «рацион». В IX веке говорили: «пребенда» хлеба, вина и рыбы на Рождество. Затем это слово стало обозначать «церковный доход, связанный с каноникатом» и впоследствии приобрело уничижительный смысл.

Слово «rabiote», «добавка», похоже, прежде означало часть пребенд отсутствующих братьев, которая выдавалась присутствующим.

Что общего между воскресной проповедью священника и... решеткой? Проповедь, prone, prosne, происходит от латинского protinum, а оно, в свою очередь, – от греческого prothura, которое означало коридор, ведущий от входа к внутренней двери, а в XII веке – решетку, отделяющую клирос от нефа, а уже затем и краткую речь, с которой кюре обращался к прихожанам, стоя как раз перед этой решеткой.

«Прострация» – слово любопытное. Изначально и вплоть до XIX века оно было синонимом «повержения ниц», «распростертого положения». «Prostration», «prosternation» – от латинского «prosternare» – «простереться», а также «быть поверженным в уныние» – отсюда медицинский термин, который появится только в XVIII веке.

Слово «Resipiscence», «покаяние», означает признание своего греха. Это очень характерно для умонастроения людей в Средние века. Этимологически слово означает «возвращение к разуму» от латинского «sapere» – «знать», «быть мудрым», ибо слова «мудрый», «ученый» и «знающий» почему-то смешиваются в сознании людей.

Интересная судьба у слова «gubrique», «рубрика». Сначала его употребляли для обозначения заглавия красного цвета («guber») в государственных законодательных актах и молитвенниках. Затем это – названия повторяющихся молитв, объяснения или правила богослужения. А в XIX веке на языке прессы – заголовок, в котором резюмировалось содержание статьи; наконец – регулярные материалы на определенную тему. Мы говорим: «Он ведет спортивную рубрику».

«Дополнительный» (succursale) – например, «дополнительная церковь» (от латинского «succursus», то есть «та, которая в помощь», «дополняющая») – церковь, подчиненная приходской и возмещавшая недостаточность приходской церкви. Только в XIX веке (1844 год) это слово приобрело современный смысл: «учреждение, подчиненное другому (здесь заметна связь с первоначальным смыслом) и созданное в идентичных целях».

Слово «терпимость» (латинское «tolerantia») в уставе св. Бенедикта (XL, 8) употребляется в курьезном для нас смысле, означая «милость», данную Богом и удерживающую от желания пить вино...

Хронологический указатель

IV–V века – появление монастырей в Галлии (Лерен) и Ирландии (св. Патрик).

524 – св. Бенедикт Нурсийский (480–547) основал аббатство Монте-Кассино.

674 – перенос мощей св. Бенедикта в аббатство Флёри-сюр-Луар.

782 – св. Бенедикт Аньанский начинает реформу монастырей.

X век – начинает возрождаться мир монашества, пострадавший от набегов норманнов, гуннов и сарацин.

910 – св. Бернон в Ключи.

XI–XIII века – волна ерemitизма.

1050 – канонические реформы (Сен-Рюф, 1039).

1015–1075 – бенедиктинские реформы (камальдолийцы, валломброзанцы, Модем).

1084 – св. Бруно (скончался в 1101 году) основывает аббатство Гранд-Шартрез.

1098 – Сито.

1115 – Клерво: св. Бернард.

XII век – братства госпитальеров. Смешанные монастыри. Монастырские лепрозории. Рыцарские ордена.

1120 – орден премонстрантов (каноников), основанный св. Норбертом Ксантенским.

1131 – крестоносцы Португалии (каноники).

XIII век – появление нищенствующих орденов:

1209 – францисканцы.

1209 – кармелиты.

1275 – паулисты.

1276 – доминиканцы.

1218 – мерседарии (орден Мерси).

1233 – сервиты.

1256 – августинцы.

Бенедиктинские реформы:

1231 – сильвестринцы.

1259 – целестинцы.

Ордена каноников:

1211 – крестоносцы.

1221 – крестоносцы Нидерландов.

1237 – крестоносцы Красной Звезды.

1305 – первая светская конгрегация: алексиане.

1307 – бенедиктинская реформа: оливетинцы.

Ок. 1373 – иеронимиты.

XV век – образование конгрегации монахов и каноников вследствие роспуска орденов.

1435 – минимы – нищенствующий орден, основанный св. Франческо де Пауло.

Указатель имен и прозвищ монахов

Устав св. **Августина** – принят военными орденами, тринитариями, сервитами, иезуатами, бонитами, иеронимитами, конгрегациями уставных каноников, нищенствующими орденами: братьями-проповедниками, августинцами, братьями Сен-Жан-де-Дье и другими и даже орденом уставных клириков – феотинами.

Августинцы – см.: уставные каноники, ермиты св. Августина, ермиты св. Павла, босоногие августинцы, малые августинцы, большие августинцы, августинцы-францисканцы (реколлеты).

Босоногие **августинцы** – августинцы, реформированные в XVI веке, так называемые Малые отцы, большие августинцы, черные капуцины. Орден основан в 1470 году св. Батистом Фоджио. Им принадлежала церковь Нотр-Дам-де-Виктуар. Августинцы-францисканцы (реколлеты) – возникли в результате реформы, проведенной в Испании в 1438 году.

Большие **августинцы** – обосновались в Париже в 1293 году на месте Мешков – вначале на улице Вье-Огюстен (Старых Августинцев), затем на набережной Гран-Огюстен (Больших Августинцев). См.: августинцы, малые августинцы.

Малые **августинцы** – августинцы Реформы Буржа (1563), называемые также августинцами Королевы Маргариты. Это название было дано гильомитам по причине их одеяния, более короткого и узкого, чем у больших августинцев.

Авелланиты – см.: Фонте Авеллана.

Авис – военный испанский орден. Находился под сильным влиянием цистерцианцев, которые назначали своего аббата.

Агон – монастырь, основанный в VI веке. Швейцарская конгрегация св. Маврикия

Агонского (1124). В настоящее время является частью конгрегации уставных каноников св. Августина.

Алексиане – мирская конгрегация, основанная в начале XIV века. Опекала осужденных на смерть, заботилась о психических больных, погребала умерших от чумы. С 1459 года приняла устав св. Августина.

Орден **Алькантара** – испанский рыцарский орден, основанный около 1156 года. Давал обет защищать идею Непорочного Зачатия.

Алькантаринцы – братья-минориты Реформы св. Петра из Алькантары, называемые босоногими францисканцами или строгими обсервантами. См.: францисканцы.

Амвросиане – братья св. Амвросия. Монашеская конгрегация, признанная в 1375 году Григорием XI. Амвросийский ритуал.

Анахореты – см.: еремиты.

Антонинцы – сначала (в 1070 году) – община братьев-мирян, затем – каноники св. Антония. Заботились об «одержимых».

Апостолики – так называемые Сантарелли (1370) или братья и еремиты св. Варнавы. См.: служители Блаженной Марии.

Апостолики св. Иеронима – см.: иезуаты.

Арруэз – конгрегация уставных каноников (в Аррасе, ок. 1090). Обычаи, идущие от св. Бернара.

Баптистинцы – обсервантская конгрегация августинцев, вначале – босоногих, называемая Нотр-Дам-де-ла-Консолясьон (1470).

Братья **Барраты** – см.: кармелиты.

Бегарды – см.: добровольные бедняки, богарды (или бегарды), бегины, гумилиаты Италии.

Бегины (вторая половина XII века): I – «монашествующие», которые жили вокруг реформированных цистерцианских и премонстрантских монастырей; позднее – нищенствующих орденов. II – отчасти «иноческие» секты: тюрлюпины, адамиты, Люди ума и пр., см.: Серые (бизе).

Апостольские **бедняки** – назывались также нищими ереmitами Фра Анжело де Чьярино (кларенинцы). Ортодоксальные фратичеллы, живущие под началом епископов.

Католические **бедняки** – прежние вальденсы, основанные Дюраном де Гюеска. Назывались лионскими бедняками до воссоединения с Церковью (1210). Затем сольются либо с проповедниками, либо с ереmitами св. Августина.

Христианские **бедняки** – см.: иезуаты.

Бедняки -еремиты – спиритуалы, объединенные в конгрегацию Целестином V (1294). Упразднены в 1302 году, осуждены и отлучены в 1318 году. Под именем «фратичеллы» преследовались Инквизицией (XIV век).

Бедняки -еремиты св. Иеронима (1377), – это конгрегация св. Иеронима; они еще назывались конгрегацией блаж. Петра Пизанского или Люпьянами, или еще «Братями Любви Иисуса Христа». Сначала придерживались устава третьего ордена св. Франциска, затем – устава св. Августина.

Добровольные **бедняки** (ок. 1350) священников у них не было.

Лионские **бедняки** – см.: католические бедняки, вальденсы.

Христианские **бедняки** (XII век) – основаны Джерардо Сегарелли.

Бек – центр могущественной федерации монастырей, расположенных в Нормандии и Англии. Основан Герлуином (1035) и прославлен св. Ансельмом (скончался в 1109 году).

Белоризцы – нищенствующий орден св. Августина, называемый также служителями или сервитами Пресвятой Девы, Матери Иисуса Христа, или братьями-сороками. Основан в Марселе в 1257 году. В Париже назывались белоризцами. В 1297 году слились с гильомитами. В 1618 году породили бенедиктинскую конгрегацию Сен-Ванн.

Бенедикт Аньанский – скончался в 821 году. Реформатор монашеской жизни и предтеча Клуни. Составил «Capitulare monasticum» («Монастырский капитулярый») (817), первый пример законодательства, предназначенный обеспечить единообразие в соблюдении уставов.

Бенедикт Нурсийский – «Отец Европы», патриарх и законодатель монахов Запада,

«Учитель» (ок. 480–547). В 529 году основал Монте-Кассино. После 534 года написал устав.

Бенедиктинцы – монахи, живущие по уставу св. Бенедикта. См.: камальдолийцы, силвестринцы, валломброзанцы, цистерцианцы, оливетинцы и пр.

Кающиеся **беретинцы** (ок. 1134) – названы так, поскольку должны были сами ткать свои береты, см.: богарды.

Бернардинцы – I – народное и историческое название францисканских обсервантов (1453). Первый монастырь (в Кракове) был посвящен св. Бернардену Сиенскому. II – согласно Литтре: монахи Клерво, названные так по имени св. Бернара.

Серые (**бизе**) – прозвище бегинов по причине пепельно-серого цвета их облачения.

Бизоки – см.: целанты.

Богарды (ок. 1170) – назывались также добряками, папелярами, беретинцами, Бони валети. Организация, похожая на терциарии, с которыми они часто были вынуждены объединяться. Некоторые примкнули к протестантам.

Бониты (ок. 1217) – орден еремитов брата Иоанна Доброго. В 1256 году присоединились к ордену августинцев.

Бонанфаны – см.: братья Общей жизни. Название улицы в Париже.

Босоногие – монахи, которые носили сандалии на босу ногу (францисканцы, августинцы, мерседарии, сервиты, тринитарии, камальдолийцы).

Босоногие францисканцы (1480), называемые также капучиаты. Противопоставлялись францисканцам ограниченного соблюдения устава, которых называли реформированными.

Братья Аве Мария – см.: сервиты.

Братья Шарите-Нотр-Дам – основаны Филиппом Красивым (1299), см.: брусочки.

Братья Святого Духа – см.: целестинцы.

Братья Свободного Духа – называемые также Boni Homines или братья ума (XIII век), или еще тюрлюпины. Пантеистическая, квиетистическая, пелагианская и народная секта. После 1430 года исчезла или растворилась в анабаптизме.

Братья Смерти – см.: паулисты.

Братья Нотр-Дам-Мон-Вер – см.: белоризцы.

Братья Страстей Иисуса Христа – см.: сервиты.

Кающиеся **братья** – учреждены св. Франциском Ассизским для тех лиц, которые живут без обетов в миру (1221). Источник третьего ордена (терциариев).

Кающиеся **братья** Иисуса Христа – см.: «мешки». Братья-сороки – прозвище белоризцев. См.: кармелиты.

Братья -строители мостов – мирское братство, занимавшееся общественными работами, основано около 1177 года Бенезе Авиньонским. В 1210 году стало орденом Сен-Жак-дю-О-Па. Упразднено в 1459 году по причине накопления слишком больших богатств. Братья-саккиты – см.: «мешки».

Братья Вовера – см.: «мешки».

Братья Общей жизни – мирское общество, распространившееся в Нидерландах и Германии, основанное Жераром Гротом из Девентера (в 1376 году). Фома Кемпийский был братом Общей жизни. Эразм и папа Адриан VI были учениками братства. Уничтожено во время Реформы.

Братья -миряне, занимавшиеся ручными ремеслами. В 1470 году приняли устав св. Августина.

Братья Святого Креста – см.: крестоносцы Бельгии.

Братья на ослах – см.: тринитарии.

Бригиттины – соблюдающие устав св. Августина и общие установления св. Бригитты Шведской (1373). Смешанный орден. Настоятельницей монахов является аббатиса. Единственный мужской орден, основанный женщиной.

Бриктинцы – еремиты Бреттино (ок. 1227), в Анконской марке. В 1256 году объединились с орденом августинцев.

Брусочки – прозваны так за маленький наплечник, похожий на брусочек (элемент геральдики). В 1633 году заменены умеренными кармелитами, также прозванными брусочками.

Бургашар – монастырь уставных каноников (1142).

Валломбрёз – см.: валломброзанцы.

Валломброзанцы – основаны около 1037 года св. Джованни Гвальберто. Бенедиктинский устав. Обычаи полуеремитские, полукиновитские. Родственны старинным обычаям камальдолийцев, Ключни и Гирсау.

Вальденсы – названы так по имени своего основателя Вальдеса (или Вальдо). Возникли около 1169 года. Назывались также лионскими бедняками. Отделились от них, так как отказывались работать ради пропитания. После 1210 года назывались католическими бедняками. В 1243 году слились с августинцами. Преследовались, как и вальденсы, укрывались в горах Северной Италии.

Валь-де-Шу – орден отшельников, основанный Одоном Бургундским. Устав св. Бенедикта. Создан по образцу Гранд-Шартрез.

Валь-дез-Эколье – канонический орден, одобренный в 1219 году. В 1625 году был вынужден примкнуть к конгрегации св. Женевиевы. Название дано потому, что в ордене состояло большое число школяров.

Варфоломиты – монашеская конгрегация армянского происхождения (1307 год). Распущена в 1650 году «из-за больших беспорядков, признанных неисправимыми».

Веревочники (кордельеры) – народное прозвище монастырских францисканцев (конвентуалов), возникшее в начале XIII века. Вначале им принадлежал монастырь Мирабо (1388) во Франции. См.: обсерванты.

Викторинцы – см.: конгрегация каноников Сен-Виктор (1110).

Виллакредьены – францисканская реформа строгого соблюдения устава, начатая около 1390 года Пьером де Виллакредезе и продолженная св. Пьером Регалато (скончался в 1456 году).

Виндесгейм – реформированная конгрегация каноников-августинцев, основанная в 1387 году с целью дополнять собой деятельность братьев Общей жизни.

Братья **Виргулаты** – см.: кармелиты.

Вовер – замок, расположенный в Жантении, отданный Людовиком XI картезианцам.

Гильбертины – английский смешанный орден, основанный около 1131 года св. Гильбертом де Сампрингемом. Вдохновлялся примером Гранмона и Фонтевро. Включал в себя монахинь – единственных владелиц богатств ордена, каноников (устава св. Августина), светских братьев и сестер. Упразднен Генрихом VIII (XVI век).

Гильоминцы – см.: гильомиты.

Гильомиты – основаны (ок. 1155) св. Гильомом (Гийомом) де Мальвалем, отсюда их название. Носили черные одеяния, чтобы отличаться от белоризцев. В 1256 году часть гильомитов приняла устав св. Августина. Другая их часть осталась верной уставу св. Бенедикта.

Гирсау – «германское Ключни». Основано аббатом Вильгельмом в 1079 году.

Госпиталь Иерусалима – устав 1182 года, самый старый у госпитальеров.

Госпитальеры (XII век) – наряду с очень многочисленными братствами госпитальеров (братьев и сестер), которые устраивали больницы, госпитали и лепрозории, в XII веке возникли и ордена госпитальеров.

Госпитальеры Святого Духа – основаны в 1195 году в Монпелье. В XV веке насчитывали тысячу членов. Особый обет – всю жизнь быть слугой бедных.

Гранмон – ерemitы, объединенные около 1077 года св. Этьеном де Мюре или Тьером. Орден упразднен во время Великой французской революции.

Гранмонтанцы – см.: Гранмон.

Гран-Сен-Бернар – см.: уставные каноники св. Августина.

Гренендаль – блаженный Иоанн Русброк основал в 1350 году монастырь уставных каноников. В 1412 году он объединился с конгрегацией Виндесгейма (основана в 1387 году).

Гумилиаты – народное евангелическое движение, преследующее социальные цели, в частности, защищавшее интересы чесальщиков шерсти. В 1201 году признано Иннокентием III. Смешанные монастыри.

Добряки – прозвище различных групп монахов. См.: Гранмон, бегарды, минимы, «мешки», альбигойцы, братья Св. Духа, каноники Виллара де Фрада. Добряки Сен-Мартен и Карья (третий орден св. Франциска).

Дом (maison) – общий термин для обозначения местопребывания определенного числа

монахов. См.: монастырь.

Доминиканцы – проповедники (1215), нищенствующий орден, основанный св. Домиником согласно уставу св. Августина для проповеди веры, первоначально из альбигойцев;

Еремиты св. Августина – произошли от слияния (1256) бонитов, гильомитов, бриктинцев, тосканских еремитов Св. Троицы, братств затворников и еремитов, других групп («мешки», католические бедняки Дюрана де Гюеска).

Еремиты св. Дамиана – см.: целестинцы.

Еремиты св. Гильома – см.: гильомиты.

Еремиты св. Иеронима Фисольского – см.: иеронимиты.

Еремиты св. Иеронима обсервации (буквально «соблюдения закона св. Иеронима») – основаны Лупом Ольмедойским (1425). Устав базируется на трудах св. Иеронима. Угасли в 1850 году. См.: иеронимиты.

Еремиты св. Иеронима блаж. Петра Пизанского – см.: еремиты-бедняки св. Иеронима.

Еремиты-францисканцы св. Августина (1912) – произошли от босоногих августинцев.

Еремитизм – XI–XIII века характеризовались развитием строгой еремитской жизни, которая в некоторой степени компенсировалась странствиями еремитов и их проповедничеством в народе. Общежительная жизнь у еремитов сведена к минимуму. См.: камальдолийцы, картезианцы, Гранмон, Валломбрёз, Ла-Рое, Сов-Мажёр, монахи Сен-Поля, Фонте Авеллана.

Женевьевцы – уставные каноники аббатства св. Женевьевы (ок. 1148). Из их крипты позднее, вырос Пантеон, предназначенный для женевьевцев. См.: Сен-Виктор в Париже.

Иезуаты – апостолические клирики св. Иеронима, основаны блаж. Иоанном Андреа Коломбини (1367). Это братский орден без священников. Назывался еще «Padri dell' Acquavita» – «Отцы живой воды» – по причине их занятий дистилляцией. Упразднены в 1628 году.

Иеронимиты – см.: нищие еремиты св. Иеронима.

Иеронимиты Фьезолы (1325) – каноническая конгрегация, основанная блаж. Карлом де Монтегранелли. Им принадлежали Сен-Юст и Эскуриаль.

Религиозный **институт** – этот термин заменил собой слово «религия», которое осталось только в выражениях «принять религию», «религиозный обет». См.: ордена, конгрегации.

Мирские **институции** – их члены дают только частные обеты. Например, общество Сердца Христова, Opus Dei, отцы и братья Прадо и др.

Кава (1011) – основана по образцу Ключни. В 1497 году воссоединилась с бенедиктинской конгрегацией св. Юстина из Падуи.

Кадуэн – монашеская конгрегация, основанная в 1116 году Жиро де Салем в провинции Перигор. Устав св. Бенедикта. Обычаи Сито.

Казамари (ок. 1033) – сначала бенедиктинская конгрегация, затем (ок. 1140–1150) – цистерцианская, так называемая св. Бернара.

Калатрава – орден, основанный в 1158 году цистерцианским аббатом из Фитеро Раймондом. В начале XIII века к нему присоединились монашеские воинства Монте-Фраго, Авис и орден Алькантары.

Камальдолийцы (1012) – орден основан св. Ромуальдом (скончался в 1027 году), придерживавшимся устава св. Бенедикта. В ордене были еремиты и киновиты.

Каноническое возрождение – происходило в XI–XII веках под знаком либо Ordo Antiquus («Старый устав») – устава Аахена, дополненного уставом св. Августина, либо Ordo Novus («Новый устав») – смеси существовавших тогда обычаев, дополненных Ordo Monasterii («Монастырский устав»).

Капуцины – реформа обсервантов-миноритов, проведенная Матфеем де Басси (1524). В 1619 году капуцины стали независимым орденом.

Капуциаты – см.: босоногие (францисканцы).

Кармелиты (1209) – монахи из Нотр-Дам-дю-Мон-Кармель. Нищенствующий орден. Изначально – обычаи еремитов. Были прозваны Бородатыми братьями, виргулатами, сороками (pica) по причине своих одеяний. См.: большие кармелиты, малые кармелиты, босоногие кармелиты, умеренные кармелиты.

Босоногие **кармелиты** – возникли после реформы св. Терезы Авильской (XVI век).

Назывались также малыми кармелитами, см.: умеренные кармелиты.

Большие **кармелиты** (старого устава) – кармелиты, оставшиеся верными первому уставу. См.: умеренные кармелиты, босоногие кармелиты.

Умеренные **кармелиты** (конвентуалы) – принявшие уставные послабления, предложенные папой Евгением IV (1431).

Картезианцы (1084) – монахи, которые вели жизнь ерemitских общин. Орден основал св. Бруно. Первоначальные обычаи составлены Гигом около 1127–1130 годов.

Келлиты (ок. 1300) – первоначальное название алексин. Назывались также добровольными бедняками.

Киновиты – монахи, которые живут общежительной жизнью в монастырях. Отметим, что этимологически слово «монах» означает: «тот, кто живет один».

Кларенинцы (1302) – нищие ермиты, собранные Анджелем Кордовским возле реки Кларены, были привязаны к принципу использования дозволенных вещей. См.: фратичеллы, спиритуалы.

Клерво (1115) – одно из первых четырех «дочерних» аббатств Сито. Создано св. Бернаром.

Клостро – см.: конвентуалы.

Клюз – аббатство (1060–1091), ставшее во главе конгрегации при настоятельстве св. Бенедикта II.

Клюни – аббатство, основанное св. Берноном (скончался в 928 году). Бенедиктинский устав, толкуемый в духе св. Бенедикта Аньянского (IX век). Централизованный орден.

Колетанцы, или колеттинцы (1412) – францисканская реформа, проведенная Г. де ла Бомом, исповедником и помощником св. Колетт Корбийской (скончалась в 1446 году), которая реформировала кларисс.

Комменда – передача регулярного бенефиция от аббатства или приората светскому лицу – клирику или мирянину, который получает доход, но при этом не ведет монашескую жизнь.

Конвентуалы (ок. 1250) – называемые также Клостро, миноритами. Это францисканцы традиционного соблюдения устава, защищаемые от спиритуалов Бонаграцием Бергамским (скончался в 1330 году). Названы так для отличия от монахов, живших в уединенных скитах.

Конгрегации – XV век был отмечен роспуском больших орденов и подъемом конгрегации – национальных, бенедиктинских, цистерцианских. Та же эволюция наблюдается у уставных каноников и камальдолийцев.

Клерикальные **конгрегации** – группы клириков, ведущих общежительную жизнь, дающих простые обеты; к ним присоединялись и братья-миряне, которые, однако, не могли ни образовывать конгрегации, ни руководить ими. Примеры: спиританцы (1703), монфортанцы (1722), пассионисты (1725), редомптористы (1732). См.: религиозный институт, общества священников.

Конгрегация – см.: религиозный институт, церковные конгрегации, мирские конгрегации.

Бенедиктинская **конгрегация** Англии – 1215 год.

Бенедиктинская **конгрегация** Бурсфельда – возникла в 1430 году в Германии, распространила свое влияние на Бельгию, Голландию, Данию.

Бенедиктинская **конгрегация** Клостро – 1230 год.

Бенедиктинская **конгрегация** Тела Господня (1328), присоединившись к цистерцианцам в 1393 году, в 1582 году объединилась с оливетинцами.

Бенедиктинская **конгрегация** шотландцев – 1215 год.

Бенедиктинская **конгрегация** Губбио (1264) – присоединилась к оливетинцам в 1505 году.

Бенедиктинская **конгрегация** Мелк (1418), в Австрии.

Конгрегация бенедиктинцев св. Юстина из Падуи (1408) – объединила в себе конгрегации Кервары (1460) и Сицилии (1506), орден Кавы (1497) и Монте-Кассино (1505), Лерен (1516).

Бенедиктинская **конгрегация** Вальядолид – 1492 год.

Конгрегация **каноников** Сен-Виктор в Париже – основана в 1110 году Гильомом де

Шампо, который был одним из учеников Абеяра. В 1634 году объединилась с женевьевцами. Упразднена в 1790 году.

Цистерцианская конгрегация строгого соблюдения устава (1428) – создана Мартином де Варга, отлученным от церкви в 1445 году. Порвала все связи с Сито, но один раз в три года посылала своего представителя на генеральный капитул цистерцианского ордена.

Конгрегация обсервантов св. Бернара (или Сиона) – см.: цистерцианская конгрегация строгого соблюдения устава.

Конгрегация Сен-Совер (XII век) – произошла от конгрегации Шанселада. В 1458 году объединилась с уставными канониками св. Амвросия близ Губбио.

Мирские конгрегации – организации папского или епархиального права, в которых было мало священников и их члены не контролировали функции управления институцией. Например, алексиане (1305), братья Христианских Школ (1680), братья Христианского Воспитания (1705).

Бельгийские крестоносцы – основаны в 1211 году в Юи. Распространили свое влияние на Нидерланды, Францию, Англию и Германию.

Крестоносцы Иерусалима – 1114 год.

Крестоносцы Италии (1169) – так называемые *socii-feri*. Орден госпитальеров, одобренный в 1169 году Александром III. Упразднен в 1656 году.

Крестоносцы Красного Сердца конфессии св. Мучеников (1250) – основаны в Кракове. Действовали в основном на территории Польши.

Крестоносцы Красной Звезды (1237) – уставные каноники, соблюдающие устав св. Августина, основаны в Праге св. Агнесой Чешской. Так называемые варфоломиты. Изначально госпитальерский, позднее орден стал военным.

Крестоносцы Нидерландов (ок. 1221) – орден Святого Креста, *Kruisheeren*. Устав св. Августина. Основан в Клерлье близ Юи Теодором Селльским (скончался в 1236 году).

Крестоносцы Польши – см.: крестоносцы Красного Сердца.

Крестоносцы Португалии (1131) – называемые крестоносцами Святого Креста Комбры, исчезли.

Крестоносцы Чехии – см.: крестоносцы Красной Звезды.

Ла-Рое – общество уставных каноников. Изначально ерemitское, основано Робертом д'Арбрисселем. См.: Фонтевро.

Ла-Шез-Дье – аббатство, основанное Робертом д'Орильяком (1052) или Тюрландом. Изначально было ерemitским.

Лазаристы – с 1140 года работали в приюте для прокаженных в Иерусалиме. Немецкие лазаристы в 1498 году объединились с мальтийскими рыцарями. Во Франции они объединились с кармелитами (1608).

Лепрозории – в XII веке прокаженные братья и сестры создали уникальное монашеское братство совместно со здоровыми людьми, преданными служению прокаженным. В некоторых общинах руководителем обязательно являлся прокаженный.

Лионский собор (1274) – признал проповедников и миноритов. Кармелиты и августинцы узаконивались в своем статусе до принятия иного решения.

Лолларды – I: еретики (XIV век), проповедавшие бедность, отрицавшие мессу, таинства, заступничество святых. II: ученики Уиклиффа. III: см.: алексиане.

Мавристы – конгрегация св. Мавра (Сен-Мор).

Магелонн – братство ерemitов, зависимых от монастыря Сен-Гильгем-ле-Дезер (1330).

Мальтийский орден – орден госпитальеров в Иерусалиме, основанный в 1048 году. Стал военным в 1137 году. Орден занял Кипр, затем Родос, откуда был изгнан в 1522 году. До 1798 года занимал Мальту.

Матюринцы – см.: тринитарии. Улица Матюрен в Париже на правом берегу Сены в память о ферме, которой владел орден в XIII веке.

Меченосцы (рыцарский орден) (1202) – сражались со славянами в Ливонии. В 1238 году объединились с Тевтонским орденом.

«Мешки» – прозвище ерemitов, кающихся братьев Иисуса Христа (ок. 1210–1215). Назывались также добряками или братьями Вовера. Частично объединились с августинцами

или же с францисканцами. Оставшиеся были упразднены декретами Лионского собора в 1274 году.

Минимы – еремиты св. Франческо де Паоло (их аббатство – Сен-Франсуа де Поль), которые совмещали созерцательную жизнь с апостольским служением. Четвертый обет абсолютного и полного воздержания.

Минориты – нищенствующий орден, основанный в 1210 году св. Франциском Ассизским.

Михаелиты – братья-фратичеллы, верные Михаилу Чезанскому смещенному и отлученному Иоанном XXII (1327).

Монастырь (couvent) – изначально братство, община, собрание. Затем – жилище, особенно для нищенствующих орденов.

Монастырь – слово, означающее общину монахов или уставных каноников, которые дали (или нет) торжественные обеты, начиная монастырскую жизнь.

Смешанные **монастыри** – в них одновременно жили и монахи, и монахини (XII век), при таких монастырях могли быть исправительные дома, а также лепрозории. Существовали в Южной Германии и Австрии вплоть до XVI века. См.: Фонтевро, Сен-Сулпис, Кадуэн, Савиньи, Сен-Пьер и Сен-Бавон, гильбертины, Нид-де-Мерль (Гнездо Дрозда), бригиттины.

Модем – аббатство, основанное в 1075 году св. Робертом Шампанским. Община еремитов, жившая в Коланском лесу.

Монах – «монахами называют всех тех, кто дал обет бедности, целомудрия, послушания в религиозном институте» (Ж. Крезен). См.: религия, институт, орден, каноники, нищенствующие ордена, госпитальеры, уставные клирики, уставные монахи.

Мирской **монах** – это светское лицо, как правило, воин, которого король назначает в подчиненное ему аббатство и который живет за счет этого аббатства.

Монахи – см.: бенедиктинцы (валломброзанцы, силвестринцы, камальдолийцы, оливетинцы), цистерцианцы, трапписты, картезианцы, монахи св. Павла, Первого ереmitа.

Монахи св. Павла, Первого ереmitа (ок. 1215) – слияние двух групп еремитов в Венгрии. В настоящее время владеют еще несколькими домами, в числе которых Ченстохова в Польше.

Серые **монахи** – «Словарь католической теологии» утверждает, что цистерцианцы назывались серыми монахами в противоположность клунийцам, которые были черными монахами. См.: валломброзанцы, цистерцианцы.

Черные **монахи** – см.: серые монахи.

Монашество – сообщество, одобренное законными церковными властями, члены которого в соответствии с законами этого сообщества дают большие или малые обеты, стремясь к евангельскому совершенству (Ж. Крезен).

Монтаре – этой конгрегации папа Гонорий III доверил в 1222 году церковь св. Петра На Золотом Небе (Сен-Пьер) в Павии. В 1451 году эта церковь перешла каноникам Латерана.

Монте-Верджино – основан св. Гильомом Верчельским на юге Италии, на Сицилии в 1124 году. Пришел в упадок в 1350 году. Бенедиктинский устав и послушание еремитов.

Монтеса – военный орден, основанный в Испании в 1319 году.

Мурано – камальдолийская конгрегация, основанная в 1476 году.

Нид-де-Мерль (Гнездо Дрозда) – смешанный монастырь, основанный Раулем де ла Фюте (1110) на границе Анжу и Бретани. См.: Ниуазо.

Ниуазо – см.: Нид-де-Мерль.

Нищие ломбардцы – присоединились к гумилиатам. Разрешалось иметь имущество, был сохранен институт рака. Отказывали священникам в праве совершать таинства. Женщинам позволяли проповедовать. Осуждены в 1184 году.

Обазин – конгрегация в Лимузене. В 1147 году присоединилась к ордену Сито.

Обет – «сознательное обещание Богу возможного и лучшего, нежели упущенное» (Ж. Крезен). Публичный обет принимается от имени Церкви законным настоятелем. Торжественный обет – если Церковь признает его таковым. В противном случае обет является простым.

Обсерванты – францисканцы правильного соблюдения устава (1348). См.: веревочники (кордельеры).

Общества и братства – объединения ради молитвы и дел милосердия, включавшие определенное число монастырей и узаконенные специальной уставной грамотой.

Общества отцов – это общества «мирян-отцов», которые жили общежительной жизнью, но не давали обетов. Не являются монахами и не образуют орденов. Например, ораторианцы (1575), доктринеры (1592), лазаристы (1625), сульпициане (1642) и др.

Обычай, кутюм (обычное право, *consuetudines*) – неписаное или обычное право, которое возникло в результате постоянного повторения определенных действий из желания очертить обязанности и установить права. Обычай мог создать, истолковать или отменить закон. Систематизация обычаев.

Оливетинцы – конгрегация Сент-Мари-дю-Мон-Оливе основана в 1313–1319 годах Бернардом Толоме. Строгое следование бенедиктинскому уставу.

Ольп в Савойе – монастырь, происходящий от Молема, возник в 1097 году. Строгое соблюдение бенедиктинского устава.

Орден – см.: религиозный институт, в котором дают торжественные обеты. См.: монахи, каноники, уставные каноники, нищенствующие ордена, уставные клирики, конгрегация.

Орден Святой Троицы для выкупа пленных – см.: тринитарии.

Орден Тре-Сен-Совер и св. Бригитты – см.: бригиттины.

Орден мерседариев (небесный, королевский и военный орден Нотр-Дам-де-Мерси) – основан в 1223 году для выкупа пленных. Давали четвертый обет – добровольно занять место пленного, если оказавшийся в рабстве христианин мог потерять свою веру.

Орден кающихся Иисуса Христа – объединение мужчин и женщин, ведущих жизнь аскезы и умерщвления плоти. Во многом похожи на монахов, но не на монашеский орден. Назывались еще серыми кающимися братьями (XIII век).

Орден Святого Духа – каноники-госпитальеры, одобренные в 1213 году. Сначала светский, затем клерикальный орден, но его руководителем всегда был мирянин.

Орден Христа – военный орден, созданный в Португалии (1317).

Ордена военные и госпитальеров – охраняли паломников и защищали Святую землю. Это были ордена уставных каноников, которые одновременно были военными: Мальтийский орден (1118), тамплиеры (1128), Калатрава (1158), Алькантара (1177), Тевтонский орден (1190) и др.

Нищенствующие ордена – см.: тринитарии, францисканцы, кармелиты, доминиканцы, мерседарии, сервиты, августинцы, минимы.

Отвилле – аббатство основано монахом из Люксёй (VII век). В XVII веке оно стало частью строгой конгрегации Сен-Ванн. Обычаи Монте-Кассино. Родина шампанского благодаря гению своего келаря дома Периньона (1638–1713).

Отцы живой воды (*Padri dell' Acquavita*) – см.: иезуаты.

Малые Отцы – см.: босоногие августинцы.

Паулисты – см.: монахи св. Павла и минимы.

Премонтре, премонстранты – орден каноников, основанный в 1120 году св. Норбертом Ксантенским. Каноническая жизнь и приходское проповедничество. Назывались также «белыми канониками» в противоположность «черным каноникам» – августинцам. См.: норбертинцы.

Пульсано – конгрегация еремитов (ок. 1120), основанная в Апулии св. Иоанном Матерским. Устав св. Бенедикта. В XIV веке слились с целестинцами.

Реколлеты – реформистское движение в XVI веке у францисканцев, августинцев и др. См.: босоногие.

Реколлеты св. Августина – см.: августинцы.

Реформы X–XI веков – следствие набегов норманнов, венгров и сарацинов. «Реформы» более духовные, чем конституциональные.

Родос (орден) – см.: Мальтийский орден.

Савиньи – монашеская конгрегация (29 аббатств, в том числе Трапп). Основана в 1105 году блаж. Виталем де Тьерсвилем. В 1147 году приняла установления Сито и присоединилась к цистерцианцам. Смешанный монастырь.

Сантарелли – см.: служители Пресвятой Девы.

Сантьяго – испанский орден, который охранял паломников, отправлявшихся на

поклонение в Санть-яго-де-Компостела (1175). Принимал важное участие в испанской реконкисте.

Сассовиво – конгрегация монахов, основанная в 1080–1091 годах блаж. Мейнардом. Цистерцианская реформа в 1332 году. В 1486 году перешла к оливетинцам.

Сен-Ванн – конгрегация, реформированная в 1604 году.

Сен-Виктор в Париже – аббатство каноников, основанное в 1108 году Гильомом де Шампо. Устав св. Августина.

Сен-Мор – бенедиктинская конгрегация, основанная в 1621 году.

Сен-Рюф (ок. 1039) – устав одобрен в 1095 году папой Урбаном II. Первое проявление канонического возрождения. См.: уставные каноники и каноническое возрождение.

Сен-Сепулькр (орден Гроба Господня) – орден каноников, основанный в Палестине и одобренный в 1122 году.

Сен-Сульпис (орден св. Сульпиция) – смешанный монастырь, основанный Раулем де ла Фютё (скончался в 1129 году). Монахи «получали от монахинь все необходимое для жизни» и не смели выходить без разрешения аббатисы.

Сент-Антуан-ан-Вьеннуа – канонический орден, см.: антонинцы.

Сент-Круа-де-ла-Бретоннери – монахи, обосновавшиеся в Париже с 1258 года и прозванные *Cruciferi*, *Crucis signati*, крестоносцами по причине их размышлений о Кресте и Страстях Господних. Распущены в 1769 году.

Сент-Круа в Коимбре – португальская конгрегация каноников (1132), создана по образцу конгрегации Сен-Рюф.

Сервиты Пресвятой Девы Марии – орден основан в 1233 году семьёю патрициями Флоренции. Был принят устав св. Августина (1240).

Сильвестринцы – основаны в 1231 году в Монте-Фано св. Сильвестром Гоццолини. Бенедиктинские установления, сильное влияние нищенствующих орденов и анахоретов.

Сито – аббатство, основанное в 1075 году св. Робертом де Молемом. Строгое и буквальное соблюдение устава св. Бенедикта. Орден организован на основе *Carta caritatis* («Хартия милосердия») вторым аббатом св. Этьеном Хардингом (скончался в 1134 году). См.: Клерво.

Служители Пресвятой Девы – монахи св. Варнавы, основаны в 1370 году в Генуе, соблюдали устав св. Августина. Распущены в 1644 году. См.: апостолики.

Сов-Мажёр – аббатство «в окрестностях Бордо, в месте, названном Два Моря» (Элио). Называлось также Сильв-Мажёр или Гранд-Сов (Великое Спасение). Основано Жираром де Корби (1079). Первоначально было ерemitским. В 1667 году объединилось с Сен-Мор.

Сороки – см.: кармелиты, белоризцы.

Тамплиеры (храмовники) – орден создан Гуго де Пайеном (1118). Цистерцианский устав, составленный св. Бернаром. В 1312 году орден упразднен Климентом V без суда и приговора.

Тевтонские рыцари (1190) – учреждены в Сен-Жан-д'Акр. Призваны в Пруссию около 1230 года. К ним присоединились рыцари-меченосцы.

Тевтонский орден – военный орден, основанный в Иерусалиме около 1128 года. Устав позаимствован у тамплиеров. Слили с рыцарями-меченосцами (1202) и рыцарями Добрика (1269). Осуществляли германизацию Пруссии и прибалтийских стран.

Тирон – монашеская конгрегация, основанная в 1109 году св. Бернаром д'Аббевилем (или Тироном). Цистерцианское влияние. В 1629 году объединились с конгрегацией св. Мавра (Сен-Мор).

Трапп – см.: трапписты.

Трапписты – аббатство Трапп, основанное около 1120–1122 годов, с 1147 года стало цистерцианским. Реформировано в 1664 году аббатом Ранее. Цистерцианцы строгого соблюдения устава.

Третий орден (терциарий) – изначально объединение мирян, живших в миру (отдельно или общиной) и служивших Богу по образу и подобию какого-либо конкретного монашеского ордена. Существовали третьи ордена по образцу францисканских, доминиканских, августинских, сервитов, кармелитов.

Тринитарии – основаны в 1198 году св. Иоанном Маффийским и св. Феликсом Валуа.

Призвание – выкупать пленных христиан, попавших в руки берберов.

Тюрлюпины – еретические секты, распространенные во Франции, Германии и Нидерландах (XIII–XIV века). Осуждены в 1372 году. См.: братья Свободного Духа.

Устав – несмотря на церковное законодательство, по которому новым организациям следовало принимать уже существующие уставы, Рим одобрил устав тринитариев (1178), францисканцев (1208), кармелитов (1171) и минимов (1435).

Уставной монах – монах, который служил в ордене.

Уставные каноники – после Латеранского собора (1059) определилось различие между уставными канониками, которые были соблюдавшими устав епархиальными клириками, и неуставными, то есть светскими канониками, которые не жили общежительной жизнью. См.: Сен-Виктор, Премонте. Арруэз, крестоносцы, гильбертинцы, женевиёвцы, Вальдез-Экольё, Сен-Рюф.

Уставные каноники Германии (1118) – более многочисленные, чем цистерцианцы и премонстранты, вместе взятые.

Уставные каноники Латерана (ок. 1073) – секуляризованы в 1421 году папой Бонифацием VIII. В настоящее время разделены между конгрегацией Сен-Совер, появившейся в 1408 году, и одной австрийской конгрегацией, которая объединяет монастыри, существующие с XI и XII веков.

Уставные каноники св. Августина – этот орден сегодня включает в себя конгрегацию госпитальеров Гран-Сен-Бернар (см.: уставные каноники) и швейцарскую конгрегацию Агона (1128).

Уставные каноники Валь-дез-Экольё – см.: Валь-дез-Экольё.

Уставные каноники Виндесгейма (1137) – см.: Виндесгейм.

Уставные клирики – члены этого ордена не служат в церкви, но носят священническое облачение. Не нищенствуют. Превалирует апостольское служение. К ним относятся, например, феатины (1524), сомаски (1520), варнавиты (1530), иезуиты (1540), сколопы (1597) и др.

Фарфа – аббатство, реорганизованное в конце X века на основе обычаев Ключи. С XIV века – командорские аббаты. В XVI веке объединились с кассинской конгрегацией.

Фельяны – цистерцианское аббатство, которым руководил Жан де ла Баррьер (1544–1590). Их имя носит одна из террас Тюильри.

Флагелланы (бичующиеся) – социально-религиозное милленаристское движение антисемитского толка, направленное против гражданских и церковных институтов. Вызвано к жизни эпидемией чумы (1348–1349). Осуждено в 1349 году.

Флор – цистерцианская конгрегация, основанная около 1189–1192 годов Иоахимом Флорским. От нее произошла конгрегация Калабрии (1570).

Фонте-Авеллана – группа еремитов, созданная (ок. 1000) св. Домиником Фолины. Св. Петр Дамияни (скончался в 1072 году) ввел среди них практику телесных бичеваний.

Фонтевро – основано около 1101 года блаж. Робертом д'Арбрисселем. Устав св. Бенедикта, затем – св. Августина. Основатель ордена «изменил порядок вещей» (Элио), и монахи в этом аббатстве управлялись аббатисой и служили монахиням. Гран-Мутьё был оставлен для монахинь, Мадлен – для обращенных грешниц, Сен-Лазар – для женщин-прокаженных.

Фонтевресты – см.: Фонтевро.

Францисканцы – монахи нищенствующего ордена св. Франциска Ассизского. См.: алькантринцы, бернардинцы, капуцины, капучиаты, цезаринцы, колетанцы, конвеналы, веревочники, фрати делла Коммуниа, фратичеллы, михаелиты, обсерванты, целанты.

Босоногие **францисканцы** – см.: капучиаты.

фрателли делл опиньоне – см.: целанты.

Фрати Биги – см.: братья Милосердия.

фрати делла Коммуниа – начало XIV века, францисканцы традиционного соблюдения устава, защищаемые Бонаграцием да Бергамо от спиритуалов.

Фрати Гауденти (ок. 1261) – монахи, занимавшиеся юридической защитой слабых и умиротворением людей во время беспорядков.

Фрати Целанти – см.: целанты.

Фратичеллы – в 1317 году Анджело Коарено основывает независимый францисканский орден, называемый Братья нищей жизни. Были осуждены Иоанном XXII, но смогли выжить. См.: михаелиты.

Фруттуария – монашеская конгрегация, основанная в 1004 году в Пьемонте св. Гильомом де Вольпьяно.

Цезаринцы (ок. 1230) – группа францисканцев, поддерживавшаяся св. Антонием Падуанским и руководимая Цезарием Спирским, который пытался исполнять устав со всей строгостью.

Целанты – группы францисканцев, множество раз осужденных Римом. Преследовались Инквизицией под именем фратичеллов и бизоки.

Целестинцы (1263) – монахи-бенедиктинцы, называемые еремитами св. Дамиана, находившиеся под сильным влиянием нищенствующих орденов. Основаны папой Целестином V.

Цистерцианцы – см.: Сито.

Цокколанты (1368) – францисканцы так называемого правильного соблюдения устава. См.: обсерванты.

Шале (ок. 1100) – группа еремитов, одобренная в 1177 году, основывается на цистерцианской Carta caritas («Хартии милосердия»).

Шанселад (1120) – еремиты, ставшие канониками, устав св. Августина в 1133 году. Упразднены в 1790 году.

Шатийонне – см.: Валь-де-Шу.

Школяры – см.: уставные каноники Валь-дез-Эколье.

Якобинцы – монастырь братьев-проповедников, расположенный на улице Сен-Жак (св. Иакова) в Париже.